

ВУРМБРАНДЫ

ПЫТАЕМЫ ЗА ХРИСТА
ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

«Голос мучеников»

ВУРМБРАНДЫ

ПЫТАЕМЫ ЗА ХРИСТА
ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

Голос
мучеников

Что говорят об истории жизни ВУРМБРАНДОВ

«Когда в 1967 году я повредила шею и стала прикованной к инвалидной коляске, я и не подозревала, что скоро мне в руки попадёт недавно изданная христианская книга, которая повлияет на мои взгляды о страданиях за Христа. Мои друзья по колледжу настаивали, чтобы я прочитала *«Пытаемы за Христа»*. Они были уверены, что книга поможет мне в моей собственной борьбе за то, чтобы не утратить доверие к Богу среди глубоких страданий и потерь.

Вплоть до несчастного случая, который произошёл со мной во время дайвинга и привёл к параличу, я предполагала, что Бог хочет, чтобы Его дети жили счастливой, здоровой и свободной от неприятностей жизнью. Однако, лишь читая *«Пытаемы за Христа»*, я осознала, что для Бога цель нашего искупления состоит не в том, чтобы сделать наши жизни прекрасными клумбами из роз, а чтобы сделать нас более похожими на Иисуса. А утрата, горе, боль и страдания — Его лучшие инструменты для достижения этой цели.

Теперь, проведя пятьдесят лет в инвалидной коляске, — столько же лет, сколько Господь использовал книгу *«Пытаемы за Христа»*, — я могу с уверенностью сказать, что глубокие страдания в жизни христианина — это то, что более всего способствует успеху Евангелия. Вот почему я благодарю Бога за эту замечательную книгу и её актуальное во все времена послание».

Джони Эрексон Тада,
основатель организации «Джони и друзья»

«Я славлю Господа за нескончаемую милость и благодать, которые Бог явил в жизни Ричарда и Сабины Вурмбрандов. Их послание затронуло моё сердце за живое. Со времени основания миссии Operation Mobilization мы распространили множество книг Вурмбрандов и молились о том, чтобы Бог использовал их, особенно труд Сабины *«Жена пастора»*, поскольку видели необходимость в материалах для женщин. Мы также благодарим Бога за книгу *«Пытаемы за Христа»*, тысячи экземпляров которой мы распространили по всему миру.

Бог много использовал Ричарда, который ходил перед Ним в смирении и кротости и всегда был готов усвоить у ног Иисуса новый урок. Свидетельство Ричарда проникало в сердце дремлющих христиан, которые даже не подозревали о страданиях своих братьев и сестёр по вере. По сей день его свидетельство и наследие, которое несёт «Голос мучеников», открывают христианам глаза на нашу преследуемую христианскую семью. Я верю, что Бог дал Ричарду способность достигать самых дальних уголков мира, и за прошедшие пятьдесят лет этот подход к служению не изменился».

Джордж Вервер, основатель миссии «Операция мобилизация» («ОМ»), в наше время известной в России под названием «Обетование миру», а в Украине — «Обітниця миру»

«Пример дорогого брата Вурмбранда поражает нас в самое сердце. Именно благодаря ему миссия YWAM начала контрабандой доставлять Библии в страны, находившиеся за «железным занавесом». Сотрудничество с «Голосом мучеников» на ниве Божьей было для нас благословением, и мы хотим, чтобы совместный труд оставался дорог нашим сердцам, потому что единство, в котором мы пребываем, — это чудесная любовь, которую Бог излил в Свою семью. Цель YWAM — чётко дер-

жаться Слова Господа, и в этом нас вдохновляет пример Ричарда и Сабины».

Лорен Каннингем, основатель организации
«Молодёжь с миссией»

«Когда я, двенадцатилетняя дочь пастора, читала книгу *«Пытаемы за Христа»*, моё сердце сжималось от жалости. Я помню, как размышляла над тем, обладаю ли я смелостью, как Вурмбранд, чтобы пережить такие же лишения ради Евангелия. И хотя я сама побывала в плену, мне всё же никогда не приходилось переживать такие страдания за Христа, какие пережили Вурмбранды во время тюремного заключения и пыток, лишённые всего своего земного имущества. Спустя многие десятилетия, эта книга напоминает мне о том, что в сердце врага нет жалости к нашим душам. Он и теперь, как и тогда, ходит как рыкающий лев, ищущий, кого бы поглотить. Однако в жизни Вурмбрандов враг не одержал победу! Эти храбрые испупленные, ненавидимые на земле, теперь участвуют в чудесном песнопении на небесах: «Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею, слава и держава во веки веков. Аминь». Давайте же черпать на страницах этой книги смелость жить героически, как Ричард и Сабина, пока и мы не присоединимся к великолепному небесному хору!»

Грасия Бернхам, New Tribes Mission
(«Миссия новым племенам»),
автор книги *«В присутствии моих врагов»*

«Хотя Ричард и Сабина Вурмбранды родились более ста лет назад, их не теряющая актуальности история обладает свежестью и своевременностью, которые чётко прослеживаются на страницах их книги. Да, они были героями Евангелия во времена холодной войны, когда Запад боролся с коммунистической экспансией. Однако они — герои и нашего дня, которые своей

жизнью продемонстрировали любовь и преданность Христу, не поколебались и не упали под давлением гонений и боли.

Эта книга, в которой впервые под одной обложкой собраны воспоминания Ричарда и Сабины, помогает читателю лучше понять и оценить жизни двух героев веры. Их пример побуждает всех нас идти и поступать так же, смело свидетельствуя о своей вере в Иисуса».

Тодд Нетлтон, ведущий радио «Голос мучеников»,
миссия «Голос мучеников»

«Будучи тесно связанным с преследуемыми христианами, служа им и вместе с ними на наиболее сложных и опасных рубежах миссионерского служения в более чем пятидесяти странах мира, я стал свидетелем силы свидетельства Ричарда и Сабины. Немногие свидетельства вне канона Священного Писания так эффективно вдохновляют многих на верное служение. Наблюдая за тем, как история Вурмбрандов побуждает христиан ещё глубже посвящать себя Христу, Его церкви и Его Великому поручению, легко понять, что это — одна из важнейших христианских биографий в истории. Книга о Вурмбрандах — это гораздо больше, чем просто историческая запись, в которой подробно описаны жизни двух христиан, переживших злодеяния со стороны румынских коммунистов. Их история — это свидетельство верности Богу и образцового служения Его святым перед лицом тюремного заключения, пыток и смерти, и Бог использовал её, чтобы изменить жизни миллионов людей во всём мире. Эту книгу должен прочитать каждый христианин».

Коул Ричардс, президент миссии «Голос мучеников»

eBooks for download
east.om.org/ebooks

Originally published in English under the title
WURMBRAND. Tortured for Christ: The Complete Story
by Voice of the Martyrs
Copyright © 2018 The Voice of the Martyrs, Inc.

© 2020 by Voice of the Martyrs, Inc. for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.
ISBN: 978-617-503-216-9

Авторское право защищено. Использование и размножение материалов публикации без письменного разрешения издателя запрещено, за исключением коротких цитат в критических и обзорных статьях. Библейские цитаты приведены из Синодального перевода, если другой перевод не указан.

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы — Светлана Фотина, Пётр Наконечный
Graphics & Layout: OM EAST

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи. О случаях продажи просим сообщать по указанному ниже адресу.

Подписаться на наши материалы можно по адресу: а/я 6,
33024, Ровно, Украина
или info@vom-ru.org

Посетите наши русскоязычные сайты:
для детей — deti-otvagi.org
для взрослых — www.vom-ru.org

Коллектив «Голоса мучеников», работавший над книгой: Мерв Найт, Коул Ричардс, Шерил Одден, Тодд Нетлтон, Олив Сван
Дизайн обложки: Эми Конындык

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В наше время читатели и зрители привыкли к повествованиям, основанным на реальных событиях, и часто задумываются над тем, сколько в той или иной истории преувеличений и домыслов. Нижеследующий текст — точен и достоверен, основан на документах, записях воспоминаний Ричарда и Сабины и исторических сведениях.

Читатель может доверять историчной подлинности и точности этой книги. Сохраняя верность наследию Вурмбрандов, мы не выдумали в этой книге ни единого диалога. Всё сказанное — это слова, непосредственно произнесённые Ричардом и Сабиной. При необходимости они лишь минимально скорректированы нами для лучшей передачи смысла.

ПРОЛОГ

*29 февраля 1948 года
Бухарест, Румыния*

Чёрный автомобиль мчал по заснеженным улицам Бухареста. Водитель резко нажал на тормоза, и шины завизжали, нарушив тишину воскресного утра. Ричард Вурмбранд знал, что похищения, совершаемые правительственными силовыми структурами, — обычное явление на его коммунистической родине. Ранее он уже подвергался арестам и, как и многие другие, жил в постоянном опасении, что это произойдёт снова. Однако он никак не ожидал, что станет жертвой уже в это утро, по дороге в церковь.

Его размышления над проповедью, которую он вот-вот должен был произнести, прервал наскочивший на бордюр рядом с ним «чёрный воронок». Из него выпрыгнули двое мужчин в тёмных костюмах. Свысока они бросили холодные пугающие взгляды на тридцатидевятилетнего пастора, который от неожиданности споткнулся и упал на тротуар.

Несмотря на высокий рост, метр девяносто, Ричард не мог особо сопротивляться своим похитителям. Его долговязое тело плохо подходило для отражения нападений. Мужчины набросились на него. Один из них схватил Ричарда за руки, а другой нанёс сокрушающий удар по рёбрам. У Ричарда перехватило дыхание, и он утратил малейшую надежду закричать

ВУРМБРАНДЫ

и позвать на помощь. Он снова рухнул на замёрзшую землю, не в силах отдышаться.

Когда Ричарда затолкали на заднее сиденье чёрного «форда», ему в голову пришла удивительная мысль. Двумя днями ранее, читая книгу Иисуса Навина, он заметил бесконечное повторение повеления «Не бойся!». Ричарду было любопытно, почему эти слова повторяются в Писании так много раз? Сколько именно раз? Он решил сосчитать и обнаружил, что они встречаются в Библии 366 раз. Ричард понял, что христианину не нужно бояться каждый день в году, включая дополнительный день в високосном. Божье обетование распространялось даже на 29 февраля — день, когда Ричард был похищен.

Автомобиль сорвался с места ещё до того, как захлопнулась дверь. Ричард улыбнулся. Он и его жена Сабина знали, что этот миг обязательно наступит. Они отдавали себе отчёт в том, насколько высока цена их христианской деятельности. Даже сейчас, когда Ричарда похищали, Слово Божье повелевало ему не бояться.

Третий из мужчин, сидевший на пассажирском сиденье, на правил на Ричарда пистолет, а те, кто сидели с обеих сторон, надели ему наручники на ногу и запястье.

Ричард улыбнулся ещё шире, а его похитители обменялись удивлёнными взглядами. Задержанный улыбался во время ареста! Неужели он так быстро сошёл с ума? Они нуждались в информации, а сумасшедший вряд ли принесёт им особую пользу.

— Почему улыбаешься? — поинтересовался один из мужчин.

— Потому что написано 366 раз, — произнёс Ричард.

Теперь они были точно уверены, что имеют дело с умалишённым.

— Что написано 366 раз?

— Как раз то, что мне нужно.

— А что тебе нужно? — раздражённо спросил мужчина.

ПРОЛОГ

— Не хлебом одним будет жить человек, — ответил Ричард, — но всяким словом Божиим, и у меня есть слово от Бога, что мне не нужно бояться.

Даже теперь, находясь во власти сотрудников секуритате, службы безопасности коммунистической Румынии, Ричард знал, что пребывает в руках всемогущего Бога, и это успокаивало его.

Фургон мчал по тихой улочке. Ричард закрыл глаза. Бог готовил его к тому, что должно было произойти, и он молился о том, чтобы остаться верным Ему.

1

От второго бокала сливовицы Ричард потерял остроту чувств. Закончился длинный рабочий день в его брокерской фирме в румынской столице Бухаресте, и теперь он мог переключить внимание на нечто более приятное: танцовщицу каба-ре в красном платье с перьями. Казалось, она узнала Ричарда и весь вечер подмигивала ему со сцены.

Постановка закончилась, и, когда танцовщица подошла к Ричарду, он улыбнулся. Его импозантная внешность и высокий рост привлекали внимание многих женщин, а костюм, который он наконец-то мог себе позволить, подчёркивал его глаза — голубые, как лёд.

Ричард знал, чего хочет эта женщина. Она хотела того, чего хотели все женщины: бежать. Когда-то Ричард также хотел бежать от бедности. Начало 30-х годов XX века было благосклонно к нему. Теперь, в 1934 году, в возрасте двадцати пяти лет, Ричарду больше не приходилось беспокоиться о деньгах. И с каждым продвижением по службе появлялись новые возможности для удовлетворения его плотских желаний. Он по праву заработал репутацию плейбоя, однако накопленное им состояние и женщины так и не смогли заглушить горькие воспоминания о его детстве. Но опьянение обещало облегчение, и с каждым глотком бренди болезненное прошлое Ричарда становилось всё более расплывчатым и всё более терпимым.

В разгар Первой мировой войны в поисках лучшей жизни отец Ричарда, стоматолог, перевёз семью из Бухареста в ту-

ВУРМБРАНДЫ

рецкий Стамбул. Это поначалу казалось удачным шагом, однако вскоре всё изменилось. Обеспеченная жизнь, которую он пытался дать своим детям, закончилась, когда его, как и многих других, зацепила глобальная эпидемия испанского гриппа 1918–1919 годов. Ричарду было всего девять лет, когда его отец испустил последний вздох.

От одних воспоминаний было легче избавиться, чем от других. Через год после потери мужа скорбящая мать Ричарда перевезла четверых детей обратно в Бухарест. Первая мировая война лишила семью не только еды, но и одежды. Гардероб Ричарда состоял из нескольких потёртых вещей его старшей сестры, которые не могли согреть мальчика в суровые румынские зимы.

Однажды кто-то предложил Ричарду купить новый костюм. Он пошёл с благодетелем в магазин мужской одежды, и портной начал предлагать варианты, выбирая дорогой наряд — лучшее, что у него было. Когда же, примеряя, он приложил одежду к подростку, то нахмурился. Ричард никогда не забудет его слов: «Слишком хорошо для такого мальчика». Если бы тот портной мог видеть его сейчас!

Теперь успешный биржевой маклер Ричард был поглощён мирскими удовольствиями. Если он не работал в офисе, то проводил время в шумных местах с полуобнажёнными женщинами, громкой музыкой и текущим рекой алкоголем. Однако даже эти развлечения не могли заполнить пустоту, которая была внутри него. Каждый раз, когда кабаре закрывалось, нужда Ричарда в чём-то большем, чём-то более существенном оставалась прежней.

Той ночью, щурясь от яркого света прожекторов в кабаре, он вспомнил о том, как ранее противился Богу. Вурмбранды были евреями, однако их вера редко проявлялась в повседневной жизни. Семья избегала синагоги и не соблюдала шаббат. Когда Ричард перешёл из детства в юность, его семья даже не отмечала бар-мицву, определявшую начало полноценной ответственности мальчика. Будучи подростком, он изо всех сил пытался

ГЛАВА 1

найти в религии ответы на страдания, которые видел вокруг, и обнаружил, что его тянет в синагогу. Однажды он увидел там человека, отчаянно молившегося за свою больную дочь и умолявшего Бога исцелить её. На следующий день девочка умерла.

«Какой Бог может не ответить на такую отчаянную молитву?» — спросил Ричард раввина, который не нашёл, что ему сказать. Зная о том, как много людей в мире голодают, Ричард не мог больше верить в безмолвного Бога, а тем более поклоняться или служить Ему...

Прикосновение вернуло Ричарда к действительности. Танцовщица в красном платье провела рукой по складкам костюма, явно восхищаясь его качеством. Её глаза пылали, а губы раздвинулись в соблазнительной улыбке. Ричард улыбнулся в ответ и допил до дна свой напиток. В тот вечер женщина предлагала ему любые ночные удовольствия, которых он только мог пожелать. Ричард встал, взял танцовщицу за руку и вывел её из кабаре на свежий ночной воздух Маленького Парижа.

2

Было начало 30-х годов. Сабина Остер наклонила голову, подставляя лицо тёплому парижскому солнцу, лучи которого подчёркивали её тонкие черты и согревали густые тёмные волосы. Последняя лекция наконец закончилась, и девушке посчастливилось найти место в переполненном кафе. Её голову вскружила недавно обрётённая независимость от родителей.

Сабина была не единственной женщиной, которая могла свободно изучать химию, физику и математику в знаменитой парижской Сорбонне. Сорок лет назад другая женщина по имени Мария Склодовская также училась в этом университете, прежде чем познакомилась с учёным Пьером Кюри и вышла за него замуж, а затем стала первой преподавательницей этого элитного университета. Возможно, Сабина, как и Мария Кюри, когда-то также получила бы Нобелевскую премию. Эти прославленные залы дали миру бесчисленных блестящих учёных... Здесь семнадцатилетнюю девушку ожидали и стипендии, и ухаживания молодых сокурсников.

Детство Сабины, прошедшее недалеко от румынского пограничного университетского городка Черновцы, было скромным, но счастливым и насыщенным. В окружении старших и младших братьев и сестёр, наслаждаясь богатой еврейской культурой, она редко испытывала в чём-либо недостаток. Однако ортодоксальное еврейское воспитание её родителей было строгим, и девушка терпеливо переносила жёсткие запреты, которыми была окружена, как изгородью.

ГЛАВА 2

Теперь же, впервые в жизни, Сабина была свободной и самостоятельной. Это очень нравилось девушке, и она чувствовала себя непринуждённо. Сабина откинулась на спинку стула, предвкушая большое событие, запланированное на вечер.

Миниатюрные ножки Сабины скользнули в пару узких чёрных туфель на высоких каблуках. Настенные часы уже отсчитывали секунды до долгожданного события. Прозвенел звонок, и первый в жизни девушки кавалер повёл её на свидание.

Сабина хихикнула при мысли о том, какотреагировали бы на это её старшие братья. Куда поведёт её ухажёр? О чём они будут разговаривать? Борясь с волнением, она пыталась забыть о тревожной мысли, которая бередила её ум. *А что, если он попытается взять её за руку?* Он почувствовала, как её щёки запылали.

Кавалер прибыл вовремя — настоящий джентльмен. Сабина обняла на прощанье соседку и выбежала на улицу, навстречу первому мужчине, который вёл её на свидание. Впервые в жизни можно было забыть о строгих родительских правилах!

После ужина молодой человек вывел Сабину из шумного ресторана на залитую лунным светом мощёную улицу. Еда была вкусной, и Сабина удивилась тому, как легко шёл у них разговор. Пока что вечер превосходил все её ожидания.

Молодой человек коснулся ладони Сабины, и их пальцы переплелись. Они прогуливались по парижским улицам, мимо Люксембургского сада и недавно построенного Института искусства и археологии, чудовища в месопотамском стиле, где студенты, изучающие историю искусства и археологию, посещали лекции. Пара направилась к недавно открывшемуся общежитию для иностранных студентов, где жила Сабина, поражаясь тому, как в университетском городке кипела активность студен-

ВУРМБРАНДЫ

ческого населения, поступившего на обучение после окончания Первой мировой войны.

Когда вечер подошёл к концу, Сабина повернулась, чтобы поблагодарить своего кавалера за свидание. Их глаза встретились, и он неожиданно наклонился, чтобы поцеловать её. Глаза Сабины округлились от удивления, и она мгновенно отшатнулась назад.

Упёршись в каменную стену, Сабина подняла в знак протеста руки. Родители никогда не одобрили бы этого. Она попыталась объяснить молодому человеку, как была воспитана и какие ограничения ставили перед ней родители.

— Ты же веришь в Бога! — смеясь, воскликнул он. — Но разве не один и тот же Бог создал руки и губы?

Сабина покраснела, не находя слов, чтобы ответить.

— Если я могу держать тебя за руку, — продолжал молодой человек, — почему я не могу дотронуться до твоих губ?

Он обнял её за талию и привлёк себе. Сабина изо всех сил пыталась что-то ответить.

— И почему не могу обнять тебя?

Сабина чувствовала, как его тело прижалось к ней.

В университетской аудитории девушка смогла бы противопоставить логике молодого человека рациональный ответ. Однако теперь, с затуманенной головой и испытывая к нему непреодолимое внутреннее влечение, она не могла подобрать нужные слова. И кто мог осудить девушку? От родителей её отделяли две тысячи километров. А может быть, это и была настоящая свобода?

Сабина уступила его аргументам. Он взял её за подбородок и прикоснулся своими губами к её губам.

ГЛАВА 2

В последующие недели и месяцы Сабина наслаждалась беззаботностью парижской жизни. Времена морали, чистоты и родительских ограничений остались в прошлом, как и запреты и ограничения в Румынии. Сабина с радостью пожертвовала своими прежними убеждениями и принесла их на алтарь парижских удовольствий. Теперь её тело было её собственностью, и она с лёгкостью отдавала его своему парню.

В конце концов, рассуждала она, атеист может делать всё, что захочет.

3

Два года спустя Сабина приехала из Парижа на каникулы домой в Бухарест. Она провела праздники с семьёй и родственниками, старательно скрывая свой новый образ жизни.

Однажды дядя, чья компания Сабине всегда нравилась, пригласил её навестить семью своего друга. Когда машина подъехала к дому, Сабина подняла голову и увидела на балконе молодого человека. Она присмотрелась и заметила, что он выглядит раздражённым, его лицо — хмурое как туча. Она почти ощутила на себе его гнев и задумалась над тем, стоит ли вообще выходить из машины.

Когда молодой человек заметил дядю Сабины, его черты смягчились, и он помахал рукой. Через несколько секунд он уже приветствовал гостей у входной двери. Дядя представил свою молодую племянницу Ричарду Вурмбранду, красивому юноше, который был похож на тех, каких она знала в Париже. Восхищённая его ростом и самообладанием, Сабина почувствовала прилив эмоций.

Ричард провёл их в гостиную и вежливо пригласил сесть. Огорчённый тем, что у его прекрасной гостьи создалось о нём негативное первое впечатление, он объяснил:

— Моя мать хочет, чтобы я женился. Она даже выбрала невесту — наследницу семейного бизнеса, с двумя домами и миллионом приданого.

— Звучит очень даже неплохо, — ответила Сабина.

ГЛАВА 3

— Да, — насмешливо согласился Ричард, — и я определённо не против иметь бизнес и наследство. Вот только девушка мне совсем не нравится. Мать считает, что для нас это лучший способ разбогатеть. — Ричард посмотрел на Сабину и улыбнулся. — Но потом я вышел на балкон и увидел тебя...

Сабина не ожидала такой прямоты и была заинтригована.

— Тогда я подумал, что, если бы у меня была такая девушка, как ты, мне было бы наплевать на деньги!

После этой встречи для Ричарда и Сабины наступил период бурных ухаживаний. Они проводили вместе каждый свободный миг её каникул. Ей было приятно узнать о том, что Ричард — многообещающий биржевой маклер, который довольно хорошо зарабатывает. А он, конечно же, не был против тратить свои заработки на Сабину. Каждый вечер они посещали ночные клубы, театры, вечеринки, бары, казино и кабаре.

Чем больше они встречались, тем меньше Сабина вспоминала парижских парней, особенно когда обнаружила, что у них с Ричардом не только множество общих интересов и увлечений, но и оба они евреи, которые отказались от своей религии ради перспективы богатства, роскоши и свободной жизни.

Однажды Ричард удивил Сабину. «Я — тяжёлый человек, — сказал он, потягивая густой тёмный напиток. — Со мной твоя жизнь будет нелёгкой».

Возможно. Но Сабина была в него влюблена. К тому же, если в их будущем и будут страдания, она была уверена, что там будет и достаточно удовольствий, чтобы компенсировать их.

4

Сабина так и не вернулась в Париж. В Бухаресте она обрела лучшую жизнь рядом с Ричардом и уже вскоре работала в местном страховом агентстве. Их ухаживания длились до 23 октября 1936 года, когда в доме раввина состоялась шумная свадьба. Стоя под традиционным еврейским покрывалом, *хупой*, жених раздавил ногой бокал, как напоминание о разграблении Иерусалима вавилонянами в 586 г. до н. э. Религиозная символика не имела для атеистов никакого значения, но Ричард и Сабина не были против совершить обряд, лишь бы угодить родителям.

Вопрос рождения детей для молодых супругов даже не стоял. Они не могли позволить чему-либо — особенно малышу — обременить их безмятежную жизнь. Их цель была проста и достижима: они искали удовольствий везде, где их только можно было найти.

Привычка свободного общения Ричарда с другими женщинами умирала долго и тяжело даже после свадьбы. У молодожёнов не было морального кодекса, на который они могли бы опереться. И Сабине часто приходилось отводить глаза в сторону, в то время когда взгляд, а часто и сердце мужа устремлялись к другим женщинам. Ложь стала привычной частью их супружеской жизни. Тем не менее Ричард и его молодая жена провели первые дни брака в беззаботном веселье.

ГЛАВА 4

Большую часть первого года совместной жизни Вурмбранды наслаждались счастьем. Однако всё изменилось, когда Ричарда настигли последствия свободного образа его жизни. Всё началось с надоедливой непрекращающегося кашля, который в течение некоторого времени он игнорировал, однако в конечном итоге уступил настойчивым просьбам жены и записался на приём к врачу.

В тот день, вернувшись домой от врача, он выглядел ужасно бледным.

В 1930-х годах туберкулёз был смертным приговором. Будучи одной из самых проблемных болезней в мире, он распространялся по Европе с пугающей скоростью. Врачи изо всех сил пытались найти лекарство для борьбы с ним, однако им потребовалось более десятилетия, чтобы разработать и начать регулярно вводить противотуберкулёзную вакцину.

Чрезмерное употребление алкоголя настолько ослабило иммунную систему Ричарда, что его организм стал восприимчивым к микробактериям туберкулёза, которые проникли в дыхательную систему. Грозное пятно на его лёгком быстро увеличивалось, вызывая ночной пот и лихорадочные ознобы, которые постепенно разрушали его слабое тело. Его лёгкие, которые наполнились жидкостью, изо всех сил пытались доставить кислород в мозг, что вызывало кашель с кровью. Двадцатисемилетний муж Сабины мог захлебнуться собственными жидкостями.

Единственным выходом для Ричарда было переехать в изолированный санаторий в глубине Карпат, где он мог дышать свежим воздухом и сидеть под светом ультрафиолетовых ламп. Строгое соблюдение постельного режима, возможно, смогло бы способствовать его выздоровлению. Однако прогноз был совсем не обнадеживающим. Шансы выжить у него расценивались всего пятьдесят на пятьдесят.

ВУРМБРАНДЫ

Сабина оплакивала смертный приговор молодому мужу. Их брак был счастливым, но диагноз Ричарда стал невыносимым бременем. Впервые за время их отношений мысли супругов обратились к будущему и пугающей вероятности того, что скоро Сабина может стать вдовой.

Когда Ричард сел в поезд и отправился мимо зелёных холмов и разбросанных по ним румынских деревень в санаторий, Сабина переехала жить к матери. Каждые две недели она проделывала длительное путешествие, чтобы навестить больного мужа. Но даже эти визиты не помогали ей бороться с потерей сна и постоянным неврозом. Помимо Сабины, о Ричарде плакали многие женщины — его мать и даже некоторые из тех, кого он когда-то соблазнил.

Для самого же Ричарда безмятежность санатория была хорошим отдыхом от Бухареста. «Впервые в жизни, — как-то сказал он жене, — я отдыхаю».

Однако тишина гор побуждала его размышлять и над своим прошлым — заставила вспомнить неслучившиеся часы, которые он провёл в барах, театрах и ночных клубах, а также женщин, сердца которых он ранил.

На него нахлынули волны болезненных воспоминаний, каждое из которых мучило не меньше, чем туберкулёз. Он видел лица деловых партнёров, с которыми обошёлся нечестно, и слышал свою ложь так же ясно, как в тот день, когда он её произносил. Горный воздух поднял на поверхность каждую мысль, слово и поступок. «*Они возвращаются ко мне как сцены из мучительной пьесы*», — думал он. Ричард потратил молодость на клевету, обман и обиду других — и всё это ради чего? Теперь перед ним распростёрся пейзаж его жизни — пустыня глупости. Он жил для себя, и теперь умрёт в одиночестве.

Даже изоляция в этой уединённой местности теперь казалась Ричарду заслуженной. Вскоре его ум породил первую упрямую молитву атеиста к Богу, появление которой стало для

ГЛАВА 4

него самого неожиданностью. Тело и физические силы изменили Ричарду, но его душа была готова излить молитву к Богу, в Которого он не верил.

5

Детство Ричарда было трудным, и, чтобы облегчить свои страдания, он обратился к книгам. К десятому дню рождения он прочёл все литературные произведения, которые были в их доме. Особенно часто мальчик отождествлял себя с Вольтером, французским религиозным скептиком, которым глубоко восхищался. Несмотря на ранний возраст, Ричард сам становился скептиком. Если всемогущий Бог должен быть добрым и любящим, размышлял он, почему Он позволил отцу умереть?

Однажды во время посещения католической службы Ричард подошёл к богато украшенной статуе девы Марии и решил последовать прихожанам, которые молились ей.

«Радуйся, Мария, полная благодати», — начал молиться и он, но даже эти благоговейные слова не могли заполнить его внутреннюю пустоту. Прервав молитву, он бросил на статую Марии сердитый взгляд и произнёс: «На самом деле, ты — *камень*. Так много людей умоляют тебя, а ты не отвечаешь на их молитвы». Ни дева Мария, ни католическая месса, которая проводилась на латыни, не могли вдохновить Ричарда уверовать в Бога. Читая слова молитвы-славословия, он изо всех сил пытался понять их:

*Domine Deus, Rex caelestis,
Deus Pater Omnipotens.
Domine Fili unigenite Jesu Christe.
Domine Deus, Agnus Dei,
Filius Patris.*

ГЛАВА 5

Окончательно разочарованный в римско-католической церкви, Ричард был в равной степени не впечатлён и восточной православной. Поэтому, едва достигнув подросткового возраста, Ричард Вурмбранд был уже убеждённым атеистом. Он не хотел иметь ничего общего с церковью. Для еврея было невозможно оправдать антисемитизм православной церкви. К тому же, религия казалась ему слишком озабоченной традициями и притворством, чтобы иметь место в его жизни.

В Ветхом Завете Яхве избавил израильтян от египетского плена и даже дал им манну, похожую на хлеб, чтобы они могли есть в пустыне. Но в Румынии не хватало хлеба. Ричард не понаслышке знал, что такое постоянное чувство голода, грызущая боль под рёбрами. Денег у Вурмбрандов было мало, а те немногие средства, которые могла заработать его семья, уходили только на то, чтобы выжить.

Отказ Ричарда от всемогущего любящего Бога привёл его к бессмысленному материализму, по убеждению которого за пределами мира природы не существует ничего. Он избегал идей сверхъестественного и постоянно размышлял над загадками, которые не мог объяснить. Были ли люди чем-то большим, чем атомы и минералы? Что происходит после смерти? Существует ли такое понятие, как душа? Ричард больше не верил в её существование. Тем не менее, смерть отца преследовала его, и хотя его разум уже отказался от Бога, сердце его всё ещё надеялось, что Он существует.

Зимой Ричард часто бродил среди могил на кладбищах Бухареста. Он восхищался блестящими надгробиями и думал, что однажды тоже умрёт. Снег будет падать на его могилу, а живые — веселиться, обниматься и радоваться жизни без него. Его больше не будет, а через некоторое время о нём никто уже не вспомнит. *«Так зачем же человек появляется на свет?»* — задавался он вопросом. Невзирая на своё убеждение, что никакой жизни после смерти не существует, как и никакого

Бога, — Ричард часто тайно желал, чтобы всё было иначе. Не должна ли быть причина его существования во вселенной?

Атеизм импонировал Ричарду, и четырнадцатилетний юноша поглощал любую литературу, которая отрицала существование Бога. Он был особенно увлечён трудами философа XIX века Карла Маркса, которые убедили его, что сама идея существования Бога отравляет человеческий разум. Ричарду нужны были факты, а не выдумка. Он жаждал знать правду, а не мифологические вымыслы, замаскированные под религию. Карл Маркс однажды сказал: «[Религия] — *опиум* для народа»¹, и Ричард был согласен с этим высказыванием.

Обладавший острым умом, сообразительностью и блестящей способностью изучать языки, Ричард вскоре стал активным членом движения коммунистической молодёжи. Стремясь улучшить своё образование, он отправился в Москву изучать марксизм. Свободно владеющий девятью языками, Ричард без труда разбирался в русской культуре, и ко времени возвращения в Румынию был уже агентом Коминтерна — международной организации, которая объединяла коммунистические партии различных стран, боролась за свержение буржуазии и, по формулировке Ленина, «стремилась к установлению Советской власти во всех странах»².

Коммунизм обещал решение проблемы бедности, которую Ричард пережил в детстве и которую наблюдал теперь по всей Румынии. Идея совместного владения недвижимостью и имуществом казалась молодому атеисту привлекательной. Он также жаждал товарищества единомышленников — *товарищества*,

¹ «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. О религии», Минеола, Нью-Йорк: «Dover», 2008, с. 42.

² Ленин, В. И. III, Коммунистический Интернационал: [Речь, записанная на граммофонной пластинке] // Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — Т. 38: Март — июнь 1919. — С. 230–231.

ГЛАВА 5

которого никогда не испытывал в церкви. Так Ричард нашёл дело, в котором стоит участвовать и за которое стоит бороться. Он направил все свои силы на свержение коррумпированного румынского правительства, принадлежащего к высшему классу, в надежде, что коммунистическая партия восстановит в его стране справедливость.

Однако вскоре Ричард столкнулся с дилеммой. Несмотря на то, что он считал программу левых захватывающей, его всё же неудержимо тянуло к Богу. Ричард редко проходил мимо церкви, чтобы не остановиться и не послушать проповедь. Отсутствие земного отца порождало в его душе глубокое стремление к Отцу небесному, в чём огромном любящем сердце могло найтись место и для него. И это стремление не мог удовлетворить даже марксизм, который провозглашал единство и общность.

Теперь, находясь в изоляции в горном санатории, Ричард нерешительно произнёс робкие слова своей первой молитвы.

— Боже, я абсолютно уверен, что Тебя не существует, — прошептал он. — Но если, по какой-то случайности, Ты действительно *есть*, я не верю в *Тебя*. И *Ты* должен открыть Себя *мне*.

Как оказалось, Ричард был не единственным, кто молился Богу на сельских холмах Румынии. Высоко в горах, в небольшой деревеньке, пожилой плотник-немец по имени Кристиан Вёльфкес и его жена только что провели всю ночь на коленях в молитве к Богу. В течение многих лет супруги умоляли о возможности привести хотя бы одного еврея к спасительному познанию Иисуса Христа. Несколько часов они изливали свои сердца перед Создателем, молясь над своей Библией и со слезами прося о спасении еврея, хотя никто из них никогда не встречал ни одного представителя этого народа.

ВУРМБРАНДЫ

— Боже мой, — молился вслух Кристиан, — я служил Тебе и хочу получить награду на земле и на небесах. И награда моя пусть заключается в том, чтобы я до своей смерти привёл ко Христу еврея, потому что сам Иисус был из еврейского народа. — Он вздохнул. — Но я бедный, старый и больной. Я не могу отправиться на поиски еврея. А в моей деревне евреев нет. Приведи в мою деревню еврея, и я сделаю всё возможное, чтобы привести его ко Христу.

Когда Сабина в очередной раз посетила Ричарда в санатории, он пребывал в раздумье.

— Я всё думаю о прошлом, — сказал он ей. — Обо всех, кого я обидел... О маме. Обо всех девушках, о которых тебе даже не известно.

Он глубоко вздохнул и сделал неожиданное признание:

— Всю свою жизнь я думал только о себе!

— Не беспокойся об этом, — беспечно произнесла Сабина. — Моя жизнь не сильно отличалась от твоей. Мы были молоды, а в молодости многие так поступают.

Сабина пыталась ободрить мужа мечтами о лучших временах, которые их ожидают, когда Ричард вернётся в Бухарест. Глубоко внутри Ричард спрашивал себя, вернётся ли он таким, каким уехал. Его интенсивные душевные поиски привели к неожиданному результату, который жена не в состоянии понять. Грехи его прежней жизни оказались менее привлекательными, чем ему казалось когда-то. Каким-то образом жизнь, исполненная похоти и эгоизма, потеряла свой блеск. Теперь он осознал, что бессмысленная страсть к женщинам и посещению ночных клубов была лишена всякого смысла.

ГЛАВА 5

Когда здоровье Ричарда улучшилось, его душа также стала здоровее. Мечты Сабины об их светлом будущем и возвращении к развлечениям, которыми она пыталась соблазнить Ричарда, теперь не вызывали в нём реакцию, на которую она рассчитывала. А когда жена заметила, что муж читает новую необычную книгу, то и вовсе пришла в ужас. Это же христианская Библия! Её муж, еврей и атеист, читает Новый Завет, который ему одолжил сосед по палате!

Выросшей в традиционной еврейской семье Сабине не позволялось под крышей отцовского дома даже произносить имя Иисуса Христа. Проходя мимо христианской церкви, родители приказывали ей и её братьям и сёстрам отворачиваться в другую сторону. А как же иначе? Принимая во внимание гонения и унижения, причинённые христианами еврейскому народу, обиду семьи Сабины можно было понять. История этого народа запятнана кровью, пролитой от рук последователей Христа, не говоря уже о принудительных крещениях и католических мессах. Сабина вспомнила о евреях, которые приняли решение убить своих детей, а затем совершить самоубийство, чтобы избежать обращения в христианство и не запятнать себя.

Она не могла забыть, как часто в детстве, возвращаясь домой со школы, боялась свернуть за угол улицы, где её часто поджидали две старшие девочки-христианки.

— Грязная маленькая еврейка! — кричали они. Девочки издевались, тянули Сабину за волосы и за руки.

Наиболее влиятельными антисемитскими организациями были именно христианские: православная церковь, лютеранская церковь и Национальная лига христианской защиты, главной целью которых, казалось, было избиение студентов-евреев и уничтожение предприятий, принадлежавших представителям этого народа. И если христианство было таким, то Сабина не хотела иметь с ним ничего общего!

ВУРМБРАНДЫ

Теперь, слушая, как муж описывает Иисуса, о котором он прочитал в Новом Завете, Сабина не могла скрыть шок и возмущение. Христианство запятнало историю, а теперь угрожало разрушить и её брак. Ещё до свадьбы супруги договорились не иметь детей, теперь же муж начал размышлять о том, как воспитывать детей в христианской морали. Он собственными руками разрушал их счастье!

Ричард начал зачитываться и другими странными книгами. Он вручил Сабине книгу, полученную от одного из пациентов, о христианах, которые так сильно любили евреев, что отдали свои жизни, чтобы помочь им.

— Речь идёт о братьях Ратисбон, — объяснил он. — Они основали монашеский орден, чтобы обращать евреев ко Христу.

Сабина разочарованно отвела взгляд, слушая, как Ричард описывает этих христиан из прошлого, которые когда-то служили евреям.

— Оказывается, эти люди молились за меня, пока я тратил свою жизнь впустую, — тихо произнёс он.

Через несколько месяцев состояние лёгких Ричарда настолько улучшилось, что его выписали из туберкулёзного санатория, порекомендовав переселиться в тихую деревушку в близлежащих горах, пока он будет идти на поправку.

Однажды днём, когда Ричард и Сабина бродили по мощёным улочкам деревни, они встретили глубокого старца, который пригласил их к себе домой. Его звали Кристиан Вёльфкес. Когда Кристиан узнал, что Ричард — еврей, его глаза наполнились слезами.

— Я просил Бога оказать мне милость под конец моей жизни, — признался он, схватив Ричарда за руку своей мозолистой рукой. — Христос был евреем, и я хотел привести к Нему

ГЛАВА 5

хоть одного еврея. Но поскольку здесь нет евреев, а я не могу покинуть деревню, я знал, что Бог пошлёт еврея сюда, ко мне. И вот ты здесь! Ты — ответ на мою молитву!

Ричард вспомнил о братьях Ратисбон... Провожая таких неожиданных и вместе с тем долгожданных гостей, Кристиан протянул Ричарду свою потёртую Библию, изношенную от многолетнего чтения. Когда Ричард листал запятнанные страницы, Кристиан добавил:

— Мы с женой часами молились об этом миге и просили Бога, чтобы вы обратились к Нему.

К удивлению Ричарда, искренность и щедрость нового друга согрели его сердце, однако он видел, как сердита была Сабина. Её взгляд кричал о том, что она чувствует себя преданной...

6

В последующие дни и недели Ричард внимательно изучал Библию Кристиана. Он проводил дни на диване в небольшом домике, погружившись в книги Нового Завета. Когда он был моложе, он читал Библию небрежно, в основном из любопытства. Теперь он снова читал о Павле, который, будучи заключённым в тюрьму за веру в Иисуса, заявил: «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину» (Послание к римлянам 1:16). Ричард задумался над тем, может ли быть правдой то, что *первым* Иисус Христос предложил спасение *евреям*.

Каждое слово Нового Завета пробуждало в нём желание продолжать читать. Даже пунктуация в предложениях, казалось, сияла истиной, которую он никогда раньше не замечал. Христианство завораживало его, когда он был ещё ребёнком, однако теперь оно искоренило в нём желание удовольствий, которых он жаждал в прошлом. Ричард изучал притчи Иисуса и обдумывал Его удивительные слова: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...» (Евангелие от Матфея 5:44–45). Евреев преследовали на протяжении всей истории. Мог ли он искренне простить тех, кто причинял ему вред и ненавидел его? Ричард продолжал читать с таким усердием, как будто от чтения Нового Завета зависела его жизнь.

ГЛАВА 6

Вскоре Иисус стал для Ричарда таким же реальным, как и женщина, которая приносила ему еду. Каждую ночь он засыпал с желанием узнать о Нём как можно больше. В Ричарде боролись противоречивые стремления. Его сердце хотело обратиться к Богу, но разум выдвигал аргументы против Него. «Я никогда не стану Твоим учеником, — молился он. — Я хочу иметь много денег, путешествовать. Я хочу удовольствий. Я уже достаточно страдал. — Ричард сжал кулаки. — Твой путь — это крестный путь, и даже если он — путь истинный, я не буду следовать по нему!»

Ответ пришёл так же неожиданно, как и сам призыв Иисуса, прервав все предыдущие мысли Ричарда. *«Приди ко Мне! Не бойся креста! И ты познаешь, что Мой путь — наибольшая радость в мире!»*

При мысли об обретении радости Ричард зарыдал. Он знал, что такое похоть, но радость была новым и незнакомым ему ощущением. Мог ли Иисус простить всю его прежнюю жизнь, запятнанную грехом и эгоизмом? Мог ли Христос покрыть вину Ричарда Своей благодатью? Слова Иисуса обращались прямо к его сердцу: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» (Евангелие от Матфея 11:28). О, как Ричард нуждался в успокоении! Именно поэтому он и сбежал в санаторий. Однако успокоение, которое обещал Иисус, было не только физическим, но и духовным.

Ричард вспомнил древнюю китайскую историю об измученном человеке, который бродил на невыносимом солнцепёке. Он сел в тени возвышающегося дуба и сказал: «Какое счастливое совпадение, что я тебя нашёл!»

Дуб ответил: «Это не случайность. Я ждал тебя четыреста лет».

Внезапно глаза Ричарда открылись. Путь к спасению был теперь совершенно ясен. Иисус Христос ждал его — ждал, чтобы успокоить в Своей любви. Возможно, даже туберкулёз был

ВУРМБРАНДЫ

частью Божьего плана, чтобы вытащить его из-под солнцепёка мира и укрыть в тени креста.

Прямо там, в скромном сельском домике, затерявшемся среди Карпат, Ричард принял любовь Иисуса Христа, любовь, которая больше никогда его не оставляла.

«Боже, — молился Ричард, — я был атеистом. Теперь позволь мне поехать в Россию, чтобы быть там миссионером среди атеистов, и я не буду сетовать, если даже мне придётся провести всю оставшуюся жизнь в тюрьме».

Само запретное имя Иисуса приводило Сабину в бешенство. Изменения, которые так внезапно и бесповоротно ворвались в жизнь Ричарда, были для неё невыносимы. В конце концов, она вышла замуж за атеиста, а не за христианина.

— Мне Он не нужен! — упиралась Сабина. — И тебе Он не нужен. Это для нас не естественно! — Она топнула ногой по деревянному полу сельского дома. — Мы — *евреи*! У нас совершенно другой образ жизни! Мне лучше умереть, чем видеть, что ты стал христианином!

Однако даже негативно настроенная против христианства Сабина не могла отрицать перемен, которые оно произвело в её муже. Новообретённая вера Ричарда изменила его кардинально.

Тогда Сабина поставила перед Ричардом ультиматум. Если ему нужна религия, он может исповедовать свою собственную, еврейскую, веру. Но он упомянул о желании принять крещение, и Сабина чуть не сошла с ума. Крещение было совершенно исключено!

Некоторое время ультиматум, казалось, действовал. Ричард посещал синагогу и принимал участие в обрядах. Но даже там он говорил в основном об Иисусе. Однажды, вернувшись

ГЛАВА 6

домой в Бухарест, Ричард убедил Сабину заглянуть в церковь. Испуганная, но любопытная, она проследовала за мужем через тяжёлые деревянные входные двери. Крепко держась за пальто Ричарда, она из-за его спины с интересом рассматривала красочные изображения святых на стенах. Это были христианские святые. Ричард рассказал жене о каждом из них, напомнив ей, что половина из них были евреями, включая самого Иисуса и Его мать.

Когда глаза Сабины привыкли к тусклому освещению нефа, и она осмотрела сводчатый потолок, Ричард объяснил значение десяти заповедей. Она вспомнила, как лелеял эти заповеди, записанные в еврейской книге Моисея, её отец. Ричард объяснил, как христиане приняли писания Ветхого Завета, такие как еврейский сборник псалмов царя Давида. Фактически, весь Ветхий Завет — еврейская священная книга — был полон пророчеств о грядущем Мессии, Иисусе Христе.

— Дело в том, — объяснил Ричард, — что христианская религия — это та же наша еврейская вера, только открытая для всех народов земли. — И, повернувшись к Сабине, спросил: — Благодаря Кому еврейские ценности, мораль и мудрость распространились по всему миру? Благодаря Кому за две тысячи лет они охватили так много сотен миллионов людей?

Сабина с удивлением слушала восторженный рассказ мужа.

— Только Христос мог сделать это! — продолжал он. — Благодаря Ему священная книга евреев была переведена с иврита на тысячу языков. — От волнения он повысил голос: — И теперь Библию могут читать как невежественные крестьяне, так и самые блестящие учёные, такие как Пастер и Эйнштейн.

«Но как же быть со всем злом, которое христиане причинили евреям? Разве сами последователи Иисуса не были неоспоримым обвинением против христианства?» — в течение недель Сабина размышляла над этими вопросами. Она соглашалась с

ВУРМБРАНДЫ

Махатмой Ганди, который однажды сказал: «Мне нравится ваш Христос. Но мне не нравятся христиане...»¹ Может быть, она могла бы принять Христа, но без христианства?

Ричард покачал головой.

— Ты не можешь принять Иисуса, не приняв Его учеников. Он не оставит их, чтобы прийти к тебе. Ты не можешь также принять учеников, не назвав другом даже Иуду, как это сделал сам Иисус.

Сабина знала, что Ричард желал, чтобы она разделяла энтузиазм его вновь обретенной веры. Он терпеливо объяснял ей красоту Евангелия и призыв прощать других так же, как Бог простил его. Когда Сабина, наконец, согласилась прочитать Новый Завет, лицо Ричарда засияло от радости. Для Вурмбрандов наступили новые времена. Сабина даже обнаружила, что восхищается Спасителем своего мужа и начинает Его любить.

Интеллектуальные возражения Сабины против христианской веры теперь померкли, однако её эмоциональные связи с иудаизмом и память о тысячелетних преследованиях евреев по-прежнему глубоко коренились в её душе.

«*Он прав*», — шептало сердце Сабины, однако в то же время в ней продолжала бушевать жгучая ненависть к христианам.

Однажды поздно вечером, возвратившись домой с молитвенного собрания в англиканской «Миссии помощи евреям», Ричард прямо с порога направился к жене, взял её за руки и с огромным волнением объявил, что только что он прилюдно посвятил своё сердце Христу. Следующим шагом должно будет стать крещение.

¹ Махатма Ганди, цитата из книги Билла Уилсона «Христианство на перекрестье», Шиппенсбург, Пенсильвания: «Destiny Image», 2004, с. 74.

ГЛАВА 6

Однако Сабина не могла вынести эту новость. Она представила разочарование на лицах своих родителей, когда они узнают об этом. Ей не позволяли даже взглянуть на христианскую церковь, тем более дать своему мужу благословение на крещение в ней. Обычно сильная и неунывающая ни при каких обстоятельствах, Сабина не могла пережить этого. Она расплакалась, бросила на кухонный стол полотенце и закрылась в спальне. Там она упала на кровать и прорыдала несколько часов. Если Ричард мог принять такое ужасное решение, то и она могла...

Она твёрдо решила: в день крещения Ричарда она покончит жизнь самоубийством.

7

В 1938 году, когда наступил день крещения, Ричард отправился на вокзал, поскольку служение должно было проходить в соседнем городке. Сабина ожидала, что муж уедет на несколько часов, и это даст ей достаточно времени для приведения в исполнение её плана. Находясь в отчаянии, она заперла дверь и бросилась на пол. Её тело, обессилившее от плача, не должно было долго страдать.

«Иисус, я не могу прийти к Тебе! — жаловалась она. — И я не хочу, чтобы Ричард был Твоим. Я больше так не могу!»

Самоубийство будет её последним аргументом. Сабина оплакивала жизнь, которую они с Ричардом могли бы прожить, — статус, возможности, богатство. Христианство, в её понимании, было призывом к смерти, а не к жизни. Ведь если она не могла иметь такую жизнь, какую хотела, то смерть была для неё предпочтительнее. Когда Ричард придёт домой, он найдёт её тело и, наконец, поймёт, насколько разрушительной была его вера. До конца жизни он будет вспоминать день своего крещения с грустью в сердце. Сабина свернулась в калачик в углу комнаты и начала обдумывать варианты.

В течение нескольких часов женщина размышляла, каково это — умереть. Она надеялась, что, как утверждают атеизм и коммунизм, смерть — это просто конец существования, а загробная жизнь — всего лишь миф, распространяемый несчастными, которые надеются на лучшую долю в будущем. В конце концов, тело Сабины состоит лишь из минералов и

ГЛАВА 7

атомов, и когда она сделает последний вздох, его похоронят и оно просто разложится.

Но что, если Ричард прав? Что если после того, как её глаза закроются, она вновь откроет их в новой реальности, которая будет ещё хуже, чем то, что она сейчас испытывает? Её муж верит в существование ада, вечного отделения от Бога, предназначенного для тех, кто не принял любовь Христа. Мысль о страданиях в вечном огне мучений волновала Сабину так же, как и мысль о душевной боли Ричарда, когда он найдёт её безжизненное тело. Что будет потом? Он найдёт себе новую жену, жену-христианку, которая всегда будет ходить с ним в церковь, и они будут воспитывать своих детей в христианской вере?!

Чем больше Сабина размышляла, тем спокойнее становилась. Смерть казалась ей теперь слишком большой жертвой. Возможно, существует другой путь. Так в сердце женщины начал происходить неохотные и постепенные, но ощутимые изменения. Жизнь, с которой она так хотела покончить ещё утром, теперь начала возвращаться к ней. Если Бог действительно существует, возможно, Он любит и её тоже...

Сабина собрала с мыслями, встала с пола и поправила платье. Опухшие от плача глаза бросили беглый взгляд на часы. Если она поспешит, то сможет успеть добраться до вокзала вовремя, чтобы встретить своего недавно крещённого мужа.

Сабина знала, что в христианской традиции крещение — это точка невозврата. Это символ спасения: умереть для старой жизни и воскреснуть из мёртвых для новой. Она вспомнила, как волновался Ричард и в каком приподнятом настроении находился, когда утром выходил из дома. Захватив по дороге букет цветов, Сабина отправилась на вокзал встречать мужа.

Обсуждая события дня, Вурмбранды не сомкнули глаз до раннего утра. Ричард был убит горем, когда узнал об отчаянии жены. Тем не менее, слушая её, он замечал, что теперь она была

ВУРМБРАНДЫ

другая, не такая, как раньше. И отличие было похожим на то, которое она видела в нём самом перед тем, как он открыл сердце Богу во время уединения в сельской местности в Карпатах.

В последующие месяцы в сердце Сабины медленно созрел колосок надежды. Она всё ещё не хотела называться *христианкой*, но всё больше интересовалась Богом и изо всех сил пыталась изменить свои привычки. Ночью, когда женщина закрывала глаза, она желала умереть для себя. А днём влечение к радостям прошлого оживали с новой силой. Она продолжала проводить время в барах и ночных клубах, и театр всё ещё привлекал её внимание больше, чем проповеди, которые она слышала в церкви. Она не была готова ограничить себя и отказаться от будущего, о котором мечтала. Молодая и красивая, она всё равно найдёт способ наверстать упущенное...

Некоторое время Ричард всё ещё придерживался своих старых привычек, однако жена знала, что он делает это, главным образом, потакая ей. Однажды в воскресенье вечером он предложил пойти на церковное богослужение. Расстроенная Сабина расплакалась и потребовала, чтобы вместо этого они пошли в кино.

— Хорошо, — согласился Ричард. — Пойдём в кино, потому что я люблю тебя.

Они бродили от кинотеатра к кинотеатру в поисках интересного фильма. В конце концов, как ни странно, Ричард купил билеты на самый вульгарный антихудожественный фильм, который только мог найти. Сабина была поражена. «Возможно, его вера была преходящим увлечением», — заискрилась надежда.

Когда фильм закончился, они зашли в соседнее кафе на десерт. Доедая кусочек торта, Сабина едва могла поверить своим ушам, услышав слова, которые вышли из уст мужа.

ГЛАВА 7

— Теперь иди домой и ложись спать, — сказал Ричард. — А я найду девушку и пойду с ней в отель.

От неожиданности Сабина встrepенулась, её глаза горели.

— Что ты сказал?!

Ричард уверенно выдержал взгляд жены.

— Всё просто, — повторил Ричард. — Ты идёшь домой. А я найду девушку и поеду с ней в отель.

— Как ты можешь такое говорить?! — прошипела она, бросая вилку.

— Но ты же сама привела меня в кино, — невозмутимо ответил Ричард, — и ты видела, как вёл себя главный герой. Почему и я не могу поступать так же?

Сабина нахмурилась, а муж продолжил:

— Если завтра мы пойдём на следующий подобный фильм...

Сабина прекрасно понимала, к чему он клонит: он пытается вести себя так же, как герои фильмов, которые они смотрят!

— Каждый человек становится похож на то, что он смотрит, — объяснил Ричард. — Если ты хочешь, чтобы я был хорошим мужем, хотя бы иногда ходи со мной в церковь.

Ричард доказал Сабине свою точку зрения. Она очень хотела, чтобы он был хорошим мужем, однако также знала, что и сама должна стать лучшей женой. Перед обращением он много раз изменял ей и нарушал брачный обет. Его вновь обретенная верность Богу повлекла за собой и неожиданную супружескую верность. Ричард больше никогда не переспит с другой женщиной, и Сабине стало интересно, сможет ли она также отказаться от своей эгоистичной жизни. Ведь в мире всё ещё так много того, что она хотела бы попробовать.

Однажды воскресным вечером Сабина убедила Ричарда поехать в ночной клуб. Вместо того чтобы идти в церковь, как он это обычно делал, муж уступил желанию жены. Как только супруги вошли в помещение, их окутали облака дыма. Бренди и водка текли в многолюдном зале такой же рекой, как и непри-

ВУРМБРАНДЫ

стойные разговоры. Пары открыто занимались любовью. Ричард последовал за женой через лабиринт потных тел. Опынелый мужчина выплеснул на туфли Сабины свой напиток, и она пошатнулась назад, упав на пару, шедшую за ней.

Ричард провёл жену к столику, за которым сидели их друзья. Пока они разговаривали и смеялись, Сабина молча потягивала свой напиток. Разговор быстро угас, и, к своему полному удивлению, она поняла, что вечеринка не приносит ей удовольствия. Она уже не получала наслаждения от таких развлечений, как это было раньше.

— Пойдём отсюда, — крикнула Сабина в ухо Ричарду. — Давай уйдём, ладно?

— Почему? — притворно возразил Ричард. — Мы только что пришли!

Он убеждал жену, что уйти так скоро было бы грубо. Ведь впереди ещё вся ночь, почему бы не насладиться ею?!

Около полуночи Сабина снова попросила уйти, но Ричард опять отказался. Через час она попросила ещё раз, но, как и в прошлый раз, он настоял на том, чтобы остаться.

Впервые в жизни Сабина почувствовала отвращение к таким тошнотворным развлечениям. Вечер не приносил ей ни малейшего удовлетворения. Наконец Ричард уступил мольбам жены, и супруги направились к выходу из душного помещения. Открыв дверь, они почувствовали дуновение свежего ночного ветерка. Высоко в небе сияла яркая луна, и её свет освещал ночь таким прекрасным светом, какого Сабина никогда раньше не видела.

— Ричард, — серьёзно произнесла она, — я иду прямо домой к пастору и заставлю его крестить меня прямо сейчас. Для меня это будет то же самое, что принять ванну после всей этой грязи!

Ричард рассмеялся.

— Ты ждала так долго, что сможешь подождать до утра. Дай бедному пастору поспать.

Он нежно взял Сабину под руку и повёл домой.

ГЛАВА 7

На следующее утро Ричард привёл жену в англиканскую миссию в Бухаресте, чтобы познакомить с пасторами Аденсом и Эллисоном. Эти двое казались Сабине неземными существами. Они оба отказались от всего ради следования за Иисусом и имели такую же пламенную веру, какую она видела в Ричарде. Женщина задавалась вопросом, как им удалось расстаться с прежней жизнью.

Они открыли Библию и рассказали Сабине о полноте, которую Бог предлагает тем, кто желает жить верой. Это согрело её сердце. Они сказали, что Христос не хочет её *часть*; Он хочет её *всю*. Он желает искупить её прошлое со всеми присущими ему грехами, сожалениями и обидами. Сабина вспомнила, как близко она была к тому, чтобы покончить с собой... Слушая пасторов, она чувствовала, как пустоты в её жизни заполняются истиной.

Служители объяснили, что глубокие личные отношения с Иисусом могут стереть неразрешённые конфликты внутри неё. Бог может дать ей новое сердце и новые желания. Христос предлагает омыть с неё всю грязь и одеть в Свою праведность. Он может разжать смертельную хватку, которой она держится за материализм, и придать её браку новый, непреходящий смысл.

Сабина хотела верить в Бога, Который мог сделать всё это, и во Христа, Который силён изменить и освободить её. Она хотела, наконец, довериться Тому, Кто полюбил её безусловно и неизменно. Евангелие часто противоречило её чувствам, но теперь она больше не могла игнорировать беспокойство, которое испытала в ночном клубе. Наконец-то она поняла, что эгоистичная жизнь — это пустота.

Грех терял для Сабины соблазнительную силу и больше не мог владеть ею. Раз и навсегда она была готова посвятить себя Иисусу Христу. Без каких-либо бессмысленных побряжек.

ВУРМБРАНДЫ

Без пьяных вечеринок. Без мыслей о самоубийстве. Женщина исповедовала Христа и на следующий день приняла крещение.

В последующие месяцы Сабина не могла скрыть своего счастья. Она рассказывала всем, кого знала, о своей новообретённой вере. Ей наконец открылся смысл жизни и смерти. Следующим шагом был полный разрыв с прошлым, и она наотрез отказалась от прежней жизни, чтобы больше никогда не стать на этот путь.

Ричард объяснил, что следование за Христом будет дорогостоящим, даже опасным. Однако Сабина была готова пойти на риск. На работе она отвела в сторону свою лучшую подругу, еврейку, и рассказала ей Евангелие. Глаза Сабины сверкали, когда она говорила о том, как Бог изменил её жизнь. Но, к сожалению, чем дольше она говорила, тем меньше подруга её слушала. Она отошла от Сабины и осуждающе покачала головой:

— Значит, теперь я полностью потеряла тебя!

Слова подруги причинили Сабине ужасную боль, но она понимала её неприятие. Ведь когда-то и сама она жила в невесомости между неудобноносимыми требованиями иудаизма и животворной реальностью креста. Однако теперь уже ничто не могло удержать её от того, чтобы свидетельствовать о своей вере. Каждую неделю вместе с Ричардом Сабина посещала церковь, наслаждаясь новыми братскими отношениями. Проповеди касались её сердца и врачевали тревожащее её беспокойство. Ричард тоже укреплялся в вере. Его отношения со Христом становились всё более глубокими и активными. Сабина восхищалась его страстью и задавалась вопросом, к чему это может их привести.

Однажды Ричард вернулся с работы с восторженным сиянием на лице. Жена поинтересовалась его причиной, однако не была готова к тому, что он ответил. Её муж хотел стать пастором...

8

Тёмные тучи нацизма уже в течение некоторого времени сгущались над Румынией, а к 1939 году, когда страна попала в железные клещи Адольфа Гитлера, политический климат стал совсем невыносимым. Евреи ужасались победам немецкого диктатора, и страх, настолько осязаемый, что его, казалось, можно было почувствовать на ощупь, охватил страну. Слухи о преследованиях стали главной темой разговоров за каждым еврейским столом, включая и семью Вурмбрандов.

Это был трудный год, совсем не подходящий для появления на свет ребёнка, но Бог ответил на молитвы Ричарда и Сабины. Невзирая на то, что когда-то супруги не желали иметь детей, они встретили своего первенца с широко распростёртыми объятиями и назвали его Михаем.

— Он такой же темноволосый, как ты, — сказал Ричард Сабине, — и такой же красивый. — На его лице растянулась озорная улыбка. — Но он только плачет. Когда он уже скажет что-нибудь умное?

Ричард поцеловал сына и обнял жену. Вурмбранды, которые когда-то боялись, что дети помешают их беззаботному образу жизни и удовольствиям, теперь были беспредельно счастливы. До обращения Ричард без раздумий развёлся бы с Сабиной, если бы она мешала ему вести разгульный образ жизни. Но теперь появление новорождённого сына ещё больше подчеркнуло радикальные духовные изменения, которые произошли

БУРМБРАНДЫ

в его жизни, и Ричард сразу же принялся за исполнение своих отцовских обязанностей.

Несколько месяцев спустя, вечером 20 сентября 1939 года, в другой части города, девять человек лежали ниц на полу здания православного храма, создавая телами силуэт креста. Они просили благословения на убийство, которое было запланировано на следующее утро. Убийцы — обученный гестапо адвокат, несколько молодых фанатиков и рисовальщик, руководивший операцией, — были тщательно отобраны фашистами в Германии, Италии и Румынии. В центре поля зрения эскадрона смерти находился Арманд Калинеску, новый премьер-министр Румынии, который был у власти всего лишь шесть месяцев, но чьё руководство оказалось проблематичным для членов «Железной гвардии»¹. И теперь они готовились совершить покушение на его жизнь.

Во время господства нацистов в Румынии «Железная гвардия» использовала членов православной церкви в качестве пешек в своих политических играх. Утром 21 сентября 1939 года убийцам удалось привести в исполнение свой коварный план и лишить жизни премьер-министра Калинеску на улице Бухареста, когда он возвращался во дворец Котрочени. Из его безжизненного тела позже были изъяты двадцать пуль. Вместе

¹ «Железная гвардия» — фашистская организация в Румынии, которая осуществляла социальное и политическое влияние в стране в период между двумя мировыми войнами (с 1927 по 1941 год). Партия представляла идеологию румынского ультранационализма, антикоммунизма, антикапитализма и антисемитизма, а также поддерживала Румынскую православную церковь.

ГЛАВА 8

с ним были убиты его телохранитель и водитель. Со временем «Железная гвардия» привела к власти протееже Гитлера генерала Иона Антонеску и заставила отречься от престола формального главу Румынии, короля Кароля II, в пользу его сына, Михая, которого превратили в марионетку диктатора Антонеску. Так «Железная гвардия» расставила по местам последние части головоломки.

Теперь у бандитов в зелёной форме были развязаны руки, и они могли свободно бороться с теми, кого считали угрозой своей власти. В их ловушку попали евреи, коммунисты и протестанты, и убийства стали обычным явлением на улицах румынских городов. «Железная гвардия» обвинила миссию Вурмбрандов в предательстве страны, таким образом Ричард стал жертвой их ежедневных угроз.

Однажды в воскресенье, обводя взглядом собрание, Ричард увидел, как в святилище тихо входит группа людей в зелёной форме. Прихожане, чьи взоры были направлены на алтарь, и не подозревали о вторжении. Только Ричард видел в их руках револьверы. Если это его последняя проповедь, пусть она будет как можно лучшей.

Ричард проповедовал о руках Иисуса. Он рисовал картины, на которых руки Иисуса вытирали слёзы, поднимали детей и кормили голодных. Он говорил о том, как руки Спасителя исцеляли больных, были пригвождены к кресту и благословляли учеников перед вознесением Учителя на небеса. Затем Ричард сделал паузу и оторвал взгляд от Библии. Глядя на собрание, он грозно воскликнул:

— А ты? Что ты делаешь своими руками?!

Члены церкви удивлённо заморгали. В руках они держали молитвенники. Что пастор имеет в виду?!

Ричард взял себя в руки и продолжил тираду:

— Ты убиваешь, избиваешь и мучаешь невинных людей! И ты называешь себя христианином? Очисти свои руки, грешник!

ВУРМБРАНДЫ

В глубине церкви кипели от злости солдаты «Железной гвардии». Однако какая-либо реакция с их стороны привлекла бы внимание к их присутствию, поэтому они безмолвно стояли с оружием в руках, ожидая, пока Ричард завершит служение.

Когда прихожане покинули здание церкви, Ричард выскользнул из-за кафедры и исчез за занавесом. Позади него слышались крики:

— Где Вурмбранд? За ним!

Ричард выскользнул через маленькую дверь и запер её за собой. Тайный ход был построен много лет назад в ожидании дня, когда он спасёт пастору жизнь. Из церкви по тихой улочке Ричард направился к шумному бухарестскому бульвару, где вскоре скрылся в многолюдной толпе.

В ходе войны вместе с евреями были убиты и отправлены в концлагеря представители многих христианских конфессиональных меньшинств. За это время нацисты трижды арестовывали Ричарда. Однако судебные процессы, допросы, избиения и тюремные заключения были лишь *тенью* грядущей жестокости коммунистического режима...

Перед свадьбой Ричард предупредил Сабину: «Со мной твоя жизнь будет нелёгкой». И во время Второй мировой войны его предупреждение стало реальностью. Присоединившись к англиканской «Миссии помощи евреям» в Бухаресте, Вурмбранды начали служить еврейским семьям своей родины, раздираемой войной. Они тайно вывозили сирот из гетто, ежедневно проповедовали в бомбоубежищах, организовывали программы помощи венгерским цыганам и участвовали в противозаконных подпольных христианских мероприятиях.

Под руководством Антонеску, марионеточного генерала Гитлера, румынские фашисты положили начало новой волне

ГЛАВА 8

преследований евреев. Вурмбранды были вынуждены переехать в гораздо меньшую квартиру и терпеть издевательства и насмешки со стороны жестоких соседей-антисемитов. Во дворе дома, где находилась их квартира, были выставлены антиеврейские пропагандистские плакаты. Им не удалось избежать преследований, поскольку на удостоверениях личности Ричарда и Сабины был штамп «ЕВРЕЙ». Ненависть к израильскому народу расползалась по всей Европе и даже распространилась среди христиан, которые не сопротивлялись проповедуемой на национальном уровне фобии. Вскоре из девяти миллионов евреев, живущих в Европе, нацисты истребят пять-шесть миллионов...

Однако даже в таких условиях Ричард пытался построить отношения со своими соседями-антисемитами, ходя от двери к двери и проповедуя им о любви Христа. Он подружился с хозяином дома, а затем с ближайшими соседями. Владение Ричарда словом, его естественная харизма и остроумие открывали перед ним столько же сердец, сколько и дверей.

Господин Парвалеску, сосед с третьего этажа, однажды сказал Ричарду:

— Вы, евреи, никогда не сделали ничего хорошего!

Ричард ответил:

— О, какая у вас хорошая швейная машина! А кто её создал? Зингер! Погодите... Разве он не еврей? Господин Парвалеску, если вы действительно думаете, что евреи настолько бесполезны, вам лучше выбросить её!

Госпожа Георгеску, антисемитка средних лет, часто с ненавистью выражалась об «этих евреях». Ричард умел выслушивать её, и вскоре она начала изливать перед ним сердце. Она поведала о своих переживаниях, когда её бросил муж, и беспокойстве, которое испытывала из-за сына, жившего дикой и беспорядочной жизнью. Она волновалась, что он заразится какой-нибудь венерической болезнью.

ВУРМБРАНДЫ

— Даже если он что-то и подхватит, — заверял её Ричард, — в наше время такие болезни можно вылечить. И, заметьте, лекарство создал еврей!

Соседи Ричарда были очарованы своим новым знакомым — голубоглазым пастором, хорошо владеющим и риторикой, и остроумием, который постоянно заставлял их смеяться. Даже самые грубые личности, такие как полицейский-алкоголик, постоянно оскорблявший свою жену, не могли не попасть под влияние доброты и дружелюбия Ричарда. Дружеские отношения Ричарда с этим мужчиной привели к изменению его сердца и последующему обращению. Вскоре Ричард начал позволять ему брать Михая в длительные поездки на мотоцикле, что было крайне редкой привилегией для еврейских мальчиков во время войны. Когда начинались страшные воздушные налёты, а евреям запрещалось выезжать за пределы города, полицейский забирал Михая вглубь страны, чтобы уберечь его от опасности. На случай поимки полицейский приказал мальчику говорить, что его зовут Ион М. Влад.

Дружелюбие и сочувствие Ричарда постепенно завоевали расположение и доверие соседей его многоквартирного дома. День за днём он трудился не покладая рук, чтобы разрушить их предрассудки и засвидетельствовать о своей вере. Квартира Вурмбрандов, когда-то предмет ненависти соседей, теперь превратилась в место дружелюбия, ободрения и мира. Во дворе антиеврейскую пропаганду заменили библейские стихи. Хотя снаружи бушевал ад, Михая окружали любовь, новые друзья и столько счастья, сколько лишь можно было найти при таких обстоятельствах. Ричард никогда не позволял своему плотному графику помешать ему поиграть с Михаем и рассказать ему приключенческую историю.

ГЛАВА 8

Многие румыны недооценивали либо игнорировали преследования евреев, в результате чего были убиты тысячи людей, которых можно было спасти. Ричард и Сабина не могли стоять в стороне от страданий своего народа и скорбели о тех, кто переживал ужасы Холокоста. Они неоднократно рисковали собственными жизнями, спасая евреев, как, например, семерых девушек, которые выжили во время бойни в деревне Тасси. Вурмбранды договорились, чтобы эти девушки были арестованы и под охраной железной дорогой доставлены в Бухарест. Когда их перевозили, Ричард и Сабина встретили поезд и спрятали сирот в безопасном месте.

Затем последовали другие опасные миссии, в результате которых Вурмбранды были арестованы и заключены в тюрьму. Им часто предъявляли обвинения в проведении несанкционированных религиозных собраний, часто избивали ещё до того, как им предоставлялась возможность защищаться перед нацистским судом.

Однажды в полицейский участок, где держали Ричарда и Сабину, пришла женщина-еврейка.

— Вы арестовали моих еврейских братьев! — воскликнула она. — Арестуйте и меня. Для меня будет честью страдать вместе с ними!

Полицейские исполнили желание женщины вместе с желаниями многих других, кто поддерживал молодых супругов. Показания в их пользу в судах были очень многочисленны. Например, пастор Флейшер, немецкий баптист, рисковал своей жизнью, чтобы предоставить доказательства невиновности Ричарда и Сабины.

В 1940 году отношения между Румынией и Великобританией расстроились, и сотрудники англиканской миссии, несущие служение в Бухаресте, были вынуждены вернуться домой. Ричарду, который работал секретарём преподобного Джорджа Стивенса, главы «Англиканской миссии евреям», пришлось

ВУРМБРАНДЫ

продолжать служение в одиночку. К концу войны, почти пять лет спустя, Ричард решил уйти в другую христианскую конфессию. Некоторое время он размышлял о том, чтобы принять православие, которое исповедовало большинство населения его страны, но его возмущали их внешние формальности, ритуалы и бессмысленная помпезность. Он отказался стать католиком по тем же причинам и особенно ненавидел использование латыни, которая, по его мнению, только мешала пониманию верующими Библии.

С другой стороны, Ричард восхищался простотой и прямоотой протестантского поклонения, которое делает упор на простую и понятную проповедь Библии. Он был впечатлён жизнью и наследием протестантского реформатора XVI века Мартина Лютера и решил принять рукоположение в качестве лютеранского пастора. Он восхищался прямой страстной проповедью Лютера и его пламенным стремлением сделать Иисуса Христа известным каждому простолюдину.

И Лютер, и Ричард верили в способность Евангелия преодолевать конфессиональные барьеры. Сопrotивляясь религиозному истеблишменту своего времени, Лютер мог быть воинственным и упрямым. И всё же его упрямство, как и у Ричарда, было рождено духовной жизненной силой, черпаемой ими обоими из Божьего Слова. Для Лютера спасение было благодатью, а не делом. Прекрасно зная глубину своей собственной порочности, Ричард также понимал, что никто не может быть настолько благочестивым, чтобы заслужить спасение. Он жаждал того же духовного пробуждения, которое во времена протестантской Реформации видел в Европе Лютер. Может ли пробуждение снова охватить Европу? Румыния не была вне досягаемости Реформации. И если, как и Лютеру, Ричарду также придётся подвергнуться преследованиям со стороны противников и правительств, похищению и тюремному заключению, так тому и быть!

ГЛАВА 8

Ричард как проповедник вскоре стал популярен по всей стране, и его лютеранская община, состоявшая в основном из новообращённых евреев, достигла тысячной численности. Он благовествовал в тюрьмах, борделях и пабах; работал в норвежских, шведских и британских миссиях; принимал участие в деятельности Всемирного совета церквей; сыграл лидирующую роль в формировании румынского подпольного движения. К концу Второй мировой войны Ричард напечатал более ста тысяч экземпляров Нового Завета на русском языке и распространил их среди солдат советских войск, расквартированных в Румынии.

Он часто выражал Богу благодарность за эти чудесные возможности, молясь: «О, Господи, благодарю Тебя за то, что я — один из избитых и осмеянных, но, по Твоей милости, не один из тех, кто избивает и осмеивает!»

В течение пяти лет Вурмбранды сопротивлялись усиленным преследованиям со стороны нацистов. То попадая в тюрьму, то выходя из неё, то снова попадая, Ричард и Сабина находились в шаге от смертного приговора. Во время заседания румынского военного трибунала — всего за несколько часов до оглашения приговора к высшей мере наказания — главный редактор самой популярной румынской газеты приложил неимоверные усилия, чтобы привлечь как можно больше внимания со стороны видных религиозных деятелей и оказать давление на суд, добившись освобождения Вурмбрандов. Множество других частных лиц, а также политиков рисковали своей репутацией и свободой, чтобы помочь семье пастора. Неоднократные вмешательства шведского дипломата, сэра Патрика фон Рютерсверде, гарантировали, что Ричард не проведёт всю эпоху нацистского господства за решёткой. Значительное влияние дипломата на

ВУРМБРАНДЫ

генерала Антонеску посодействовало освобождению Ричарда после его ареста и отправки на принудительные работы.

23 августа 1944 года группа политиков, действовавших под видом опекунов несовершеннолетнего короля Михая, проявив немало мужества, свергла генерала Антонеску, фактически положив конец его политике приверженности нацистской Германии.

В Москве состоялась Четвёртая Московская конференция, одной из целей которой было определить облик послевоенного мира. Союзники Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин сидели друг напротив друга в сталинском кремлёвском кабинете.

«Что касается Англии и России, — начал Черчилль, — согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии², и на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?»³

Черчилль написал своё предложение на листе бумаги, и после минутного рассмотрения Сталин добавил синюю галочку согласия.

Вскоре в Румынию была введена миллионная советская армия, и страна оказалась в распоряжении новых «союзников».

Советы ворвались в Берлин с беспрецедентной яростью, мстя гитлеровцам, которые насильствовали, пытали и грабили их народ. Вторая мировая война унесла три процента населения мира. Соединённые Штаты потеряли почти полмиллиона жизней; немцы — около семи миллионов. Однако Советы понесли намного большие потери — более двадцати миллионов человек.

² В источнике «Румыния» пишется как «Рамания».

³ Джозеф М. Сиракуза, «Ночь, когда Сталин и Черчилль разделили Европу: взгляд из Вашингтона», «Review of Politics», номер 3 (июль 1981 г.): с. 381.

ГЛАВА 8

Сабине был тридцать один год, когда в своём бункере, проиграв битву за Берлин, покончил жизнь самоубийством Адольф Гитлер. Михаю было всего шесть лет. Избиения, которым Ричард и Сабина подвергались при нацистах, были очень жестокими, однако они были ничем по сравнению с жестокостью, которую они в ближайшее время испытают от рук коммунистов. Коммунисты начнут величайшую бойню, которую когда-либо видел мир, унёсшую почти сто миллионов жизней. Более того, в отличие от времени господства нацистов (Гитлер терпимо относился к спонсируемому государством христианству и даже утверждал, что сам является религиозным), теперь в Румынии не было места религии. Придерживающийся марксистских убеждений Иосиф Сталин интерпретировал христианство как угрозу свержения советской власти. Таким образом, христиане подвергались преследованиям, пыткам и истреблению в таких масштабах и с такой жестокостью, как никогда ранее во времена нацистов.

Господь готовил Ричарда и Сабину к предстоящим ужасам. Жизнь в контролируемой нацистами Румынии показала им, как нести христианское служение подпольно. Они научились определять людей, которым можно доверить конфиденциальную информацию, и в любовь преодолевать этнические предрассудки.

Вурмбранды убедились на собственном опыте, что силой Святого Духа они могут противостоять любым пыткам и прощать своих врагов. Независимо от того, насколько мучительным, унижительным или оскорбительным может быть физическое и психологическое насилие коммунистов, они в силах перенести его и любить своих гонителей. Христос был мучим за них, и Он поможет им, когда их будут мучить за Него.

9

Война предоставила людям много возможностей прощать тех, кто причинил им зло. Когда она только началась, были убиты и депортированы десятки тысяч евреев. В одном городе Яссы за день было убито одиннадцать тысяч человек. То, что в 1939 году Ричард и Сабина жили в Бухаресте, спасло их от смерти. Однако родителей Сабины, её трёх сестёр, младшего брата и других родственников, которые жили на Буковине, отправили в пустынную пограничную провинцию Приднестровье¹. Путь туда был невыносимым и унёс множество жизней. А тех, кто всё-таки прибыл на место назначения, ожидали голод, унижение и расстрелы без суда и следствия. В результате масштабного геноцида в Приднестровье были убиты все члены семьи Сабины.

Когда Ричард сообщил об этом жене, её ноги подкосились, и она рухнула в кресло. На неё нахлынули воспоминания о детстве. Теперь ей никогда больше не увидеть мать и отца! Никогда больше не обнять сестёр и младшего братишку! При каких обстоятельствах они умерли? Кто лишил их жизни? Она схватилась за сердце, и из её гортани вырвались глубокие рыдания.

Оплакивала ли Сабина свою семью? Ричард никогда больше этого не видел.

¹ Ещё до того, как Румыния попала в орбиту нацистской Германии, румынские власти проводили политику жёстких антисемитских преследований — особенно против евреев, живущих на восточных окраинах, которые были обвиняемы в симпатии к советскому коммунизму, а также тех, кто жил в Трансильвании и был отождествляем с предыдущим правительством Венгрии.

ГЛАВА 9

— Я не буду больше плакать, — собравшись с силами и расправив плечи, произнесла она. — У тебя должна быть счастливая жена, а у Михая — счастливая мать. Наша церковь нуждается в мужественных служителях.

Вскоре после этого арендодатель Вурмбрандов, преданный Богу христианин, сообщил Ричарду, что в его доме остановился солдат.

— Я знал его до войны, но теперь он изменился до неузнаваемости, — вздыхал хозяин, заламывая руки. — Он стал настоящим скотом и хвастается тем, что добровольно вызвался уничтожать евреев в Приднестровье. Он гордится тем, что убил их сотни собственными руками!

— *В Приднестровье?! —* Ричард почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. — *Может ли такое быть?*

Во время ужина с Сабиной и Михаем Ричард размышлял об услышанном, а также о том, что ему с этим делать, но не упомянул новости о солдате вслух. Уложив сына спать, Сабина уснула и сама. Только Ричарду не спалось. Его мучали тревожные мысли. Бог не давал покоя его духу. Мужчина вылез из-под одеяла и поднялся наверх, в квартиру хозяина дома. Он постучал в дверь и, когда она открылась, увидел гостя, который развалился на диване в гостиной.

Когда хозяин представил соседа, солдат встал, возвышаясь над Ричардом, который и сам был довольно высоким. Нового квартиранта звали Борила. Присутствие этого военного наполнило комнату аурой ужаса. Ричарду казалось, что он чувствует металлический запах крови жертв, которым пронизана его одежда. Завязался разговор, и Борила начал рассказывать о своих геройствах, хвастаясь убийством бесчисленных евреев, в том числе и детей на руках у родителей.

Ричард терпеливо выслушивал рассказы солдата, поочерёдно предаваясь то чувству ярости, то жалости к нему и печали. Борила на миг умолк, чтобы хлебнуть из своего стакана.

ВУРМБРАНДЫ

— Это пугающая история, — тихо произнёс Ричард, — но я не боюсь за евреев. Бог воздаст им за то, что они пострадали. — Он посмотрел солдату прямо в глаза. — Мне мучительно думать о том, что будет с их убийцами, когда они предстанут перед судом Божиим.

Борила вскочил со стула. На его толстой шее пульсировала крупная вена. Хозяин тоже подпрыгнул, опасаясь того, что солдат может наброситься на Ричарда. Ричард и Борила были гостями в его доме, и он не мог допустить драки. Борила посмотрел на Ричарда исподлобья, а потом, придя в себя, вернулся в кресло.

С того момента разговор перешёл на более нейтральные темы. Ричард заметил, что Борила стал более приятным собеседником. Он любил музыку и рассказывал, как, находясь на Украине, с удовольствием слушал украинские народные песни. «Хотел бы я услышать хоть одну снова», — мечтательно произнёс Борила.

Ричард также знал некоторые из этих песен и решил не упустить возможность. «*Рыба попалась мне на крючок!*» — подумал он.

— Если хотите услышать несколько украинских мелодий, — предложил он Бориле, — спускайтесь ко мне в квартиру. Я не очень хороший пианист, но могу сыграть несколько.

Хотя его семья спала, Ричард пригласил мужчин в дом и тихо начал исполнять любимые мелодии Борилы. Брови солдата приподнялись, лицо покраснело. Как и Давид, еврейский пастух, игравший на арфе царю Саулу, Ричард знал, что музыка способна оказать на человека глубокое благотворное влияние.

К сожалению, репертуар Ричарда быстро исчерпался. Он снял руки с клавиш и повернулся к убийце.

— Я хочу сказать вам что-то очень важное.

Борила потёр глаза:

— Продолжай!

ГЛАВА 9

— Если бы вы заглянули за эту занавеску, — начал Ричард, указывая на проём, ведущий в соседнюю комнату, — вы бы увидели, что там кто-то спит. Это моя жена Сабина. Её родители, сёстры и двенадцатилетний брат, а также остальные члены семьи были убиты. — Солдат взглянул на занавеску. — Вы сказали мне, что убили сотни евреев под Голтой...

Борила кивнул.

— Именно там их и расстреляли. Поскольку вы сами не знаете, кого застрелили, мы можем предположить, что именно вы — тот человек, который расстрелял и её семью.

Борила вскочил со стула.

Ричард поднял руку.

— Погодите. Давайте проведём эксперимент. Я разбуджу жену и расскажу ей, кто вы и что вы сделали. И я могу с точностью сказать, что произойдёт дальше.

Борила с недоумением уставился на пастора.

— Моя жена не упрекнёт вас ни словом, — заверил его Ричард. — Она обвинит вас так, как будто вы её брат, и соберёт на стол лучшую еду, которая есть в доме.

Борила явно не верил. Если он убил её семью, она наверняка будет требовать его крови.

Ричард продолжал:

— Итак, если Сабина, которая, как и все мы, грешница, может так прощать и любить, представьте, как Иисус, воплощение совершенной любви, может прощать и любить вас. Если вы обратитесь к Нему, всё, что вы соделали, будет вам прощено!

Мгновенно бравада Борила исчезла. На него нахлынуло чувство вины и жажда прощения. Убийца схватился обеими руками за свою рубаху и разорвал её.

— О Боже, что мне делать? Что мне делать? — рыдал он, обхватив голову руками. — Я убийца! Мои руки в крови. *Что же мне делать?!*

Ричард воскликнул:

ВУРМБРАНДЫ

— Во имя Господа Иисуса Христа, я повелеваю духу ненависти покинуть твою душу!

Борила бесконтрольно задрожал, а двое мужчин продолжали молиться вслух. Снова и снова солдат просил Бога простить его и освободить его совесть от мучений за совершённые им злодеяния.

Когда Борила закончил взывать к Богу, Ричард напомнил:

— Я обещал эксперимент и сдержу слово.

Он отодвинул занавеску на дверном проёме и проскользнул в спальню, где лежала Сабина.

— У нас гость, с которым тебе необходимо познакомиться, — прошептал он, тормоша жену за плечо. Она потёрла глаза и села на кровати. — Я думаю, что это человек, который убил твою семью, — добавил он, — но он покался, и теперь он наш брат!

Сабина закуталась в халат, несколько секунд посидела молча, а затем поднялась и вышла приветствовать убийцу своей семьи.

Борила был несказанно удивлён, когда Сабина обняла его. Они держали друг друга в объятиях и вместе плакали, снова и снова целуя друг друга в щёки. Ричард знал сердце своей жены. Если Бог мог простить преступления её собственного прошлого, она могла простить Бору. Если Бог мог очистить её совесть от всех обид, которые она причинила людям, от обманов, которые она произнесла, от всего ущерба, который нанесла, то Бог, вне всяких сомнений, мог сделать то же самое для Бору. Затем, как и предсказал Ричард, Сабина пошла на кухню, чтобы приготовить солдату еду.

Пока Сабина была на кухне, Ричард пошёл в комнату их двухлетнего сына. Он принёс Михая, всё ещё спящего у него на руках, в гостиную, чтобы показать гостю. Прошло всего лишь несколько часов с тех пор, как Борила хвастался убийством еврейских детей на руках их родителей.

— Видишь, как тихо он спит? — сказал Ричард. — Ты также похож на новорождённого ребёнка, который может отдыхать

ГЛАВА 9

на руках своего Небесного Отца. Кровь, которую пролил Иисус, очистила тебя.

В ту ночь Борила остался ночевать у Вурмбрандов и проснулся бодрым.

— Я давно так не спал, — признался он. После завтрака они с Ричардом отправились посещать дома других христиан-евреев, где солдат каждый раз рассказывал свою историю и его приветствовали, как возвратившегося блудного сына.

Ричард вручил Бориле экземпляр Нового Завета и рассказал истории о том, как Иисус Христос изменял сердца даже самых жестоких убийц. Он объяснил, что когда-то Савл из Тарса также убивал Божий народ, но после встречи с Христом по дороге в Дамаск он стал известен как Павел и был выдающимся миссионером.

Вскоре пришло время Бориле вернуться в свой полк, расположенный в соседнем городке. Его подразделение отправляли на фронт, и он был вынужден принять важнейшее решение.

— Что мне делать? — спросил он Ричарда. — Мне снова придётся убивать.

— Нет, — ответил Ричард, — ты уже убил слишком многих! — Он обнял своего теперь уже брата по вере и добавил: — Лучше позволь другим убить тебя. Этого Библия не запрещает.

Борила кивнул, надел военную фуражку и ушёл.

Со временем он стал одним из ближайших друзей Вурмбрандов. Как позже шутил Ричард, единственными двумя мужчинами, которых Сабина целовала после женитьбы, были её муж и мужчина, который убил её семью.

10

— Идут! — кричал мальчик, отчаянно крутя педали велосипеда и мчась по направлению к Ричарду и Сабине. — Русские идут!

Когда 31 августа 1944 года к Бухаресту приближались первые колонны советских войск, Вурмбранды стояли на солнцепёке на трамвайной остановке, ожидая седьмой номер, чтобы выехать им навстречу.

— Мы не можем упустить возможности встретить их, — сказал Ричард Сабине. — Проповедовать русским Евангелие — это рай на земле.

Ричард, будучи в то военное время пастором, знал много русских ещё по фашистским лагерям. Несмотря на двадцать пять лет атеистического промывания мозгов, русские инстинктивно оставались религиозными людьми и с жадной воспринимали Евангелие.

Горстка красных флагов усеяла линию горизонта над группой местных коммунистов, вышедших из подполья, чтобы приветствовать приход «доблестной Красной армии». Коммунисты с интересом косились на Ричарда и Сабину, поскольку большинство населения пыталось держаться как можно дальше от «освободителей». Рядом ожидали несколько румынских чиновников с традиционным даром, хлебом и солью, в руках, нервно повторяя только что заученные наизусть слова на русском языке.

Война закончилась, и Ричард с Сабиной предвкушали долгожданное облегчение и появление новых возможностей. Ричард был заметным молодым человеком, высоким и плечистым, от

ГЛАВА 10

которого исходила необыкновенная уверенность, вызванная его верой в Бога. Его сравнительно невысокая жена стояла рядом, улыбаясь. Вдали звонили колокола. Нигде больше не было слышно выстрелов. Возможно, теперь все люди снова будут друзьями.

Ричард и Сабина вглядывались в пока ещё пустую дорогу, размышляя о том, чего ожидать от будущего. Теперь русские были их союзниками, однако они по-прежнему оставались армией завоевателей с хорошо известной склонностью к грабежу и насилию. Как долго они пробудут в Бухаресте?

Вдруг раздался рёв моторов. Через несколько минут показались огромные танки, из башен которых высывались шлемы с красными звёздами, а под гусеницами дрожала земля.

В миг, когда в город входили советские товарищи, румынские коммунисты вытянулись по стойке смирно и во всю мочь запели «Интернационал». Когда первый танк замедлил ход, готовясь к остановке, голоса утихли. Сабина посмотрела на пыльную исцарапанную сталь танка. Её взгляд остановился на огромном стволе пушки, смотревшем в небо.

По окончании приветственной речи румынские чиновники поднесли командиру танка хлеб и соль. Молодой сержант, стоявший рядом с ним, взглянул на тридцатидвухлетнюю Сабину, одну из немногих женщин, присутствовавших в тот день на праздничной встрече.

— Ну, красавица, — сказал он, наклонившись над краем бака и ухмыляясь. — А ты что можешь предложить?

Сабина потянулась на цыпочках и протянула ему книгу:

— Я принесла вам святую Библию.

— Хлеб, соль и Библия. Когда мы все умираем от жажды! — захохотал он и снял свой шлем. Его белокурые волосы заблестели на солнце. — В любом случае, спасибо!

Танки ожили. Их металлические гусеницы врезались в дорогу, из двигателей вновь повалил чёрный дым. Гремя бронёй,

ВУРМБРАНДЫ

колонна исчезала из вида. Ричард и Сабина кашляли и тёрли глаза, задыхаясь от чёрных облаков выхлопных газов.

Из окон трамвая по дороге домой супруги наблюдали за тем, как русские грабят скудные магазины, расположенные вдоль улицы. Они выкатывали прямо на тротуар бочки с вином, тащили ящики с ветчиной, окороками и колбасой. Для советских солдат даже уничтоженный нацистами Бухарест казался невероятно богатым.

Выйдя из трамвая, Ричард попытался заговорить с некоторыми русскими солдатами, но в ответ он слышал только один вопрос: «Где здесь можно найти водку?»

Ричард и Сабина вернулись домой строить новые планы. У бедных душ советских солдат Бог был украден и заменён обещанием земного рая, которого никогда не построить исключительно человеческими усилиями. Нацистский террор закончился, и жители Румынии надеялись, что скоро русские уберутся с миром. Тогда мало кто догадывался о том, что Румыния только что стала на путь, который приведёт их в тюрьмы, путь, который будет отмечен могилами множества людей. С того момента началась новая тирания, ещё более жестокая и ужасающая, чем нацистская...

11

В то время, когда в страну вторглись Советы, в Румынии, население которой составляло примерно двадцать четыре миллиона, коммунистическая партия насчитывала только ничтожные десять тысяч членов, — чего было едва достаточно, чтобы заполнить стадион. Однако страной теперь руководили из Москвы, невзирая на то, что местные коммунисты всё ещё изображали демократию. «Мы хотим построить дружественные взаимоотношения с каждым! — провозглашали они. — Свобода вероисповедания? Безусловно! Многопартийный кабинет во главе с королём Михаем в качестве конституционного монарха? А почему бы и нет?»

Своими обещаниями Румынии коммунисты вводили Запад в заблуждение, и в течение короткого периода времени страна пользовалась хоть какой-то религиозной свободой. Руководство православной церкви, тирания которого распространялась на евреев и протестантов, потеряло свою абсолютную власть, а диктатор Антонеску был казнён. Наконец Румыния, казалось, получила демократическое правительство. Однако скоро маска была сброшена.

«Необходимо назначить в правительство коммунистов!» — проревел министр иностранных дел Советского Союза, влетев в кабинет молодого короля Михая и ударив кулаком по столу. Румынская армия и полиция были обезоружены, и таким образом коммунисты захватили власть. В России православная

ВУРМБРАНДЫ

церковь уже стала пешкой государства. Сколько же времени пройдёт, пока это произойдёт и в Румынии?

У новоиспечённых оккупантов было одно видение жизни: пить, грабить и разрушать. Они грабили на улице прохожих, отбирая у них велосипеды и часы. Русские врывались в дома и насиловали тысячи женщин, от молодых до преклонного возраста. Советская армия восстанавливала остатки порядка в своих рядах с помощью оружия, однако грабёж продолжался в крупных масштабах.

Советы лишили Румынию всего её военно-морского флота, большей части торгового флота, половины локомотивов, железнодорожных составов и всех автомобилей. Они изъяли сельскохозяйственную продукцию, скот и нефть и вывезли всё это в Россию. Румыния, известная когда-то, как житница Европы, стала теперь голодной и нищей.

Однажды Ануца, бодрая румынка из Норвегии и одна из близких подруг Сабины, зашла к Вурмбрандам на кофе. «Ох, уж эти русские! Вы слышали о нашей «взаимовыгодной» сделке с Москвой? Они заберут всю нашу пшеницу, а взамен... мы ещё отдадим им всю нашу нефть! Вчера я видела русского солдата с тремя часами на каждой руке. Они отбирают их у людей на улицах, как в автобусе кондуктор собирает плату за проезд!»

Ануца смеялась, однако Румынии было не до смеха. Советская армия уже ограбила её на миллиарды долларов. Магазины пустовали, а люди стояли в бесконечных очередях, пытаясь приобрести самое необходимое. Румыны надеялись, что Сталин сдержит слово: когда Германия будет окончательно разбита, Совесткая армия уйдёт, и всё это скоро закончится...

ГЛАВА 11

На протяжении правления нацистов в Румынии Вурмбранды неустанно трудились, чтобы помочь их жертвам. Теперь же охотник стал преследуемым. После отступления нацистской армии некоторые подразделения были оставлены и вынуждены самостоятельно защищаться от советских войск, которые преследовали их по улицам румынских городов. Немцы голодали и боялись, многие гибли. Теперь те, чья армия убила миллионы, опустошила многие страны и убила семью и друзей Вурмбрандов, стали такими же, как и они сами — жертвами. И Ричард с Сабиной не могли не помочь им.

«Бог всегда на стороне преследуемых», — отвечал Ричард тем, кто высмеивал его за то, что он рискует собственной безопасностью и даже жизнью ради убийц. Бог дал Вурмбрандам редкую способность отвечать на зло добром.

Постоянный поток бывших немецких солдат проходил через дом Ричарда и Сабин. В крошечном флигеле во дворе прятались три немецких офицера. Когда темнело, Ричард и Сабина, пробираясь по колено в снегу, приносили им еду и выносили после них вёдра. Они ненавидели совершённые ими зверства, но теперь разговаривали с ними, пытаясь помочь как можно меньше чувствовать себя зверьми, загнанными в клетку.

Однажды ночью немецкий капитан сказал Сабине:

— Я должен сказать вам то, что думаю. Вам известно, что укрывание солдата побеждённой армии влечёт смертную казнь. — Даже в темноте Сабине было видно, как он осудительно качает головой. — Когда немецкая армия вновь войдёт в Бухарест, — а это, несомненно, произойдёт, — я ни за что не сделаю для вас то, что вы сделали для меня.

Сев на перевёрнутый ящик, Сабина попыталась объяснить:

— Сейчас вы — у меня в гостях. Мои родные были убиты нацистами, но, несмотря на это, пока вы находитесь под крышей моего дома, я буду не только защищать вас, но и относиться к вам с должным уважением, как к гостю. — Она увидела,

ВУРМБРАНДЫ

как странно он посмотрел на неё, но всё же продолжила. — В Библии написано: «Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека...» (Книга Бытие 9:6). Я буду защищать вас от русских, как только смогу, но от гнева Божьего я защитить не в силах.

— Всё это вздор! — воскликнул капитан, похлопав Сабину по плечу.

Она отпрянула от руки, пролившей невинную кровь.

— Извините, — произнёс он. — Я не имел в виду ничего плохого. Я просто задавался вопросом, почему еврейка рискует жизнью ради немецкого солдата. Я не люблю евреев и Бога не боюсь!

Сабина рассказала офицеру о повелении Бога любить пришельцев и прощать других так же, как Он простил Своих детей, однако её слова не были восприняты всерьёз.

— Пойдите! — негодовал офицер. — Евреи совершили преступления против немецкого народа и против человечества. Справедливости ради, я должен сказать вам это в лицо. Но, со своей стороны, вы также должны смотреть на нас как на людей, которые совершили преступления против евреев. И вы прощаете нас?

Сабина наклонилась и попыталась объяснить ещё раз:

— Даже самые тяжкие преступления прощаются через веру в Иисуса Христа. У меня нет полномочий прощать вам грехи. Это может сделать Иисус, если вы покаетесь.

Капитан закурил сигарету, раздобытую для них Ричардом (хотя тот сам ненавидел курение), сделал глубокий вдох и, передав её своему другу, сказал, обращаясь к Сабине:

— Милостивая фрау, не буду утверждать, что я понимаю вас. Но, возможно, если бы никто не имел такого дара платить за зло добром, о котором вы говорите, то убийствам не было бы конца.

В конечном итоге этим офицерам удалось благополучно пересечь границу и вернуться в Германию. Однако многие тысячи

ГЛАВА 11

таких, как они, были пойманы и провели годы в советских трудовых лагерях вместе с советскими христианами, которые зачастую свидетельствовали им о Христе и приводили их к вере. Немецкие солдаты, наряду с другими группами угнетённых, ощутили на себе христианское милосердие и благодетельность Вурмбрандов.

12

В 1945 году в грузовом вагоне поезда, следовавшего из Бухареста в Будапешт, среди посылок сидела единственная на весь состав, забитый русскими солдатами, женщина — Сабина. Она прижалась к сумкам с продуктами, стоящим вокруг неё.

— Не ездите! Не надо! — умоляла Ануца. — Русские солдаты голодны на женщин. На улицах находят девушек с перерезанным горлом, и никто ничего не может с этим поделать!

Однако Сабина знала, что без припасов те, кто занимается гуманитарной работой в Венгрии, не смогут накормить голодающих евреев и христиан Будапешта. Русские полностью разграбили венгерскую столицу, а Ричарду было запрещено покидать Бухарест. Других желающих сделать эту доставку не нашлось, поэтому ехать пришлось Сабине.

После долгих поисков она нашла угол в одном из немногих доступных вагонов, куда ещё можно было втиснуться. Все остальные были до отказа набиты русскими.

Путешествие, которое до войны было коротким и лёгким, заняло несколько дней. Когда поезд прибыл в Будапешт, глазам Сабины открылось леденящее кровь зрелище. В городе, лежавшем в руинах, по-прежнему шли бои за отдельные дома. Общественный транспорт был полностью уничтожен, а здания извергали дым от тлеющего пепла.

С тяжёлыми сумками в руках Сабина ходила среди дымящихся руин столицы Венгрии, не в состоянии найти никого из тех, кого знала раньше. Одни были убиты во время последних

ГЛАВА 12

уличных боёв, другие депортированы немцами. Наконец ей удалось отыскать двоих: пастора Джонсона, директора норвежской миссии, и пастора Унгара, христианина-еврея, руководившего церковью, в которой поклонялись евреи и представители других национальностей. Для них Сабина была ангелом, посланным Богом.

Голод в Будапеште был страшный. Когда люди вышли из подвалов, еды в городе не было вообще. Сотни людей остались без крова, церковные здания были разрушены, и лошадей, погибших в результате боевых действий, резали на мясо и съедали мгновенно. Сабина появилась как раз вовремя.

Из Будапешта Сабина планировала отправиться в Вену. Столица Австрии также лежала в руинах, а население голодало. Она прибыла на вокзал в Будапеште, чтобы сесть на поезд до Вены. Люди цеплялись за двери вагонов и сидели на крыше.

Вдруг Сабина услышала весёлый смех, и кто-то позвал её по имени. «Здесь нет места, но мы потеснимся!» — задорно крикнул этот кто-то. На крыше товарного вагона ютилась группа девушек, которым удалось выжить в Освенциме и которые некоторое время жили с семьёй Вурмбрандов в Бухаресте. Сабина поднялась на крышу вагона и присоединилась к знакомым.

Когда-то четырёхчасовое путешествие из Будапешта в Вену теперь заняло шесть дней. В течение нескольких недель Сабина оставалась в Австрии, пока не выполнила своё задание. Хотя её работа в Вене, возможно, и была завершена, делам, ожидавшим её в Бухаресте, не было видно конца.

— Странные новости, — как-то раз сказал пастор Солхайм, прерывая работу Ричарда по подготовке зала к воскресному богослужению. Правительство созывает так называемый конгресс культов. Каждая конфессия, каждая религия должна послать на

ВУРМБРАНДЫ

съезд большую делегацию. — Солхайм фыркнул. — Конгресс будет проходить в здании парламента! Ты слышал когда-нибудь о чём-либо подобном? Что у них на уме?

Смесь удивления и опасений на лице друга беспокоила Ричарда. Все высказывали предположения и обсуждали слухи о цели предстоящего конгресса. Многие руководители церквей верили в обещания правительством полной свободы вероисповедания, Ричард же видел более широкую и мрачную картину. Он задавался вопросом: *«Не случится ли здесь то же, что произошло в России? Ленин решительно защищал так называемые преследуемые секты... пока не пришёл к власти. После этого десятки тысяч их представителей погибли в концлагерях. Сначала они пытаются убаюкать церковь. А потом наносят удар!»* В памяти всплыли тяжёлые картины, и Ричард вздрогнул.

Вурмбранд и его коллеги встретились с пастором Солхаймом, чтобы обсудить участие в предстоящем конгрессе. Совместно с ним было вынесено окончательное решение. Ричард увидел решимость, сияющую в его тёмных глазах.

— Мы поедем и возьмём слово! — подытожил он. Теперь решение было принято.

Так румынская христианская церковь начала опасный танец с коммунизмом. Руководство православной и протестантских церквей, казалось, конкурировало друг с другом в своём желании угодить коммунистам. Православный епископ начал носить на ризе изображение серпа и молота и приказал священникам обращаться к себе «товарищ епископ», а не «преосвященнейший владыка», как раньше.

Многие священники стали офицерами службы безопасности, а в программу духовных учебных заведений было добавле-

ГЛАВА 12

но новое опасное учение. Заместитель епископа лютеранской церкви Румынии начал преподавать в теологической семинарии, будто Бог дал три откровения: первое — через Моисея, второе — через Иисуса, а третье — через Сталина. И что последнее из них превосходит предыдущие и теперь церковь следует именно ему.

Коммунисты «избрали» руководство церкви, и у общин не было иного выбора, кроме как принять навязанное им священство. Во время ежегодного конгресса баптистов, который проходил в городе Ресита, было торжественно поднято красное знамя, а гимн Советского Союза присутствующие исполняли стоя, как если бы это был гимн христианской веры. Президент союза баптистов расхваливал Сталина как великого учителя Библии и назвал всё, что он делает, исполнением Божьих заповедей! А те, кто отказались танцевать под дудку коммунистов, сильно пострадали.

Теперь всех служителей церкви снова собирали на съезд культов...

Утром в день конгресса Ричард и Сабина вместе со своими коллегами из духовенства поднялись на парламентский холм. В плотно набитых галереях и даже на полу огромного зала сидели приехавшие на конгресс четыре тысячи религиозных деятелей. Православные епископы и католические священники устроились рядом с протестантскими пасторами и служителями. Тут же были и еврейские раввины, и мусульманские муллы. Делегаты восторженно приветствовали официальное избрание в качестве почётного президента конгресса товарища Сталина, чей огромный портрет зловеще нависал над залом. Казалось, никого не беспокоило то, что Сталин был атеистом и массовым убийцей христиан.

ВУРМБРАНДЫ

В зале были вывешены красные флаги. На возвышении в президиуме сидели высокопоставленные партийные государственные деятели — премьер-министр Румынии и министр внутренних дел. Собрание получило благословение дрожащего старца, православного патриарха Никодима, чьи руки, крестясь и кланяясь перед иконами, целовало партийное руководство. Премьер-министр Гроза открыл съезд заверением присутствующих в том, что румынское правительство поддерживает право народа на вероисповедание, что все религии и конфессии будут пользоваться гарантированной свободой, а труд духовенства будет оплачиваем государством. Более того, государство планирует поднять священникам зарплаты. Собравшиеся приветствовали щедрые обещания религиозной поддержки со стороны правительства. За каждой речью следовали бурные всеобщие аплодисменты и восклицания одобрения.

В ответ на заверения коммунистов священники и пасторы один за другим превозносили власть, заявляли о своей лояльности к новому румынскому правительству и рассказывали о том, как они рады такому принятию коммунистами религии, уверяя, что если церковь может рассчитывать на государство, то и государство может рассчитывать на церковь. Коммунизм и христианство имеют много общего, говорили они, и, безусловно, могли мирно сосуществовать. Как выразился один из епископов, в истории церкви нашли отображение цвета всех политических движений. Теперь же она помечена красным. И эта радость и пыл религиозных руководителей и коммунистических марионеток транслировались по всей стране в прямом радиозфире прямо из зала конгресса.

Кровь Ричарда закипала. Он то и дело оттягивал воротник рубашки, который, казалось, впивался ему в горло, возмущаясь трусостью представителей церкви. Коммунизм ненавидел религию! Служители говорили из страха за свои семьи, рабочие места, заработную плату. Они могли бы, по крайней мере, промолчать.

ГЛАВА 12

Рядом с Ричардом раздражённо вздыхала и вздрагивала Сабина. С каждой новой притворной ложью её раздражение усиливалось. Коммунизм посвятил себя *уничтожению* религии, а не её защите. Религиозным руководителям прекрасно известно то, что он уже показал своё истинное лицо в Советском Союзе. Почему же они так глупы, что думают, будто в Румынии всё будет иначе? Церковь поддалась пустым обманчивым соблазнам коммунизма. И этот конгресс был плевок в лицо Христа.

Терпение Сабины лопнуло. Она глубоко выдохнула и вытерла потные ладони о колени. Её сердце неистово билось в груди. Она наклонилась к мужу и, схватив его за руку, на одном дыхании выпалила ему на ухо:

— Ричард, встань и сотри этот позор с лица Христова!

Ричард медленно повернулся к Сабине и заглянул в её рассерженные глаза. Он знал, что она права, однако хорошо осознавал последствия.

— Если я это сделаю, — предупредил он, — ты потеряешь мужа.

Глаза Сабины жгли Ричарда. Она ещё сильнее сжала его руку, и ногти впились в его ладонь. С мужеством, дарованным ей Святым Духом, она ответила:

— Я не хочу быть замужем за трусом!

13

Ричард передал в президиум свою карточку и попросил слова. Коммунисты были в восторге увидеть его за кафедрой. Они переглянулись с победными улыбками, представляя себе заголовки завтрашних новостей: «Пастор Вурмбранд, представитель Всемирного совета церквей и Шведской миссии, приветствует коммунистическое правительство и благодарит за поддержку религии в Румынии!» Они уже почти поздравили себя с тем, что он будет пропагандировать в их пользу. Однако на уме пастора Вурмбранда было совсем другое послание, которое он собирался адресовать конгрессу культов.

Вурмбранд поднялся на подиум, и в зале воцарилась глубокая тишина. Сабина сразу же ощутила присутствие Духа Господня. Когда Ричард начал говорить, все замерли. Объектом его хвалы был не коммунизм, а Господь Иисус Христос.

Смело действуя в соответствии со своей верой, Ричард напомнил духовенству, что их священническая обязанность — прославлять Бога Творца и Спасителя Христа, Который умер за нас на кресте, а не хвалить земные власти. Он призвал церкви служить вечному царству любви, не впадать в суету дня и совершенно проигнорировал партийную линию, провозглашая вместо неё библейские истины.

Постепенно атмосфера в зале стала меняться. Казалось, проснулись служители, которые часами дремали, пассивно впитывая лестные измышления коммунистической партии. Их ранее отсутствующие взгляды наполнились блеском. Сердце

ГЛАВА 13

Сабины радостно забилося, когда она подумала о том, что евангельское послание, провозглашаемое её мужем, транслируется на всю страну.

Внезапно кто-то зааплодировал. Напряжение ослабло, и по залу прокатились волны аплодисментов. Делегаты вставали, приветствуя обращение Ричарда. Румынская церковь вновь пробудилась ото сна.

На трибуну вскочил бывший православный священник, а теперь министр культов, Бурдуча.

— Мы лишаем вас права выступления! — закричал он и начал прямо из президиума отдавать приказы своим приспешникам. На его покрасневшей шее пульсировали вены. — Выключить микрофон! Выключить микрофон!

Однако присутствующие заглушали его голос возгласами.

— *Пас-то-рул! Пас-то-рул!* — ритмично скандировали они.

— Наш пастор! Наш пастор! — из просто «пастора» Ричард теперь превратился в «нашего пастора».

Ричард же продолжал говорить, полностью игнорируя выкрики Бурдучи. Он заявил, что право говорить дано ему Богом. Когда Ричард произнёс то, что хотели, однако побоялись сказать другие христианские руководители, зал поддержал его восторженными аплодисментами.

В течение нескольких минут лакеи коммунистов бегали по залу парламента, пытаясь заставить пастора Вурмбранда замолчать и утихомирить делегатов. Они вырвали из микрофона шнур, однако это не помогло подавить волнения. Возгласы и аплодисменты продолжались ещё долго после того, как микрофон был отключён и Ричард спустился в зал.

Конгресс закончился, и в общем шуме и смятении Ричард с Сабиной выбрались на улицу. Впоследствии смелому пастору пришлось заплатить за свою речь, однако риск того стоил...

ВУРМБРАНДЫ

Мать Ричарда слушала происходившее на конгрессе по радио и, когда трансляция была прервана, подумала, что никогда больше не увидит сына.

Когда же в тот вечер Ричард и женой вошли в дверь её дома, она ахнула.

— Я думала, вас обоих арестовали. Что же теперь будет? — бледнея от беспокойства, спросила она.

— Мама, — ответил Ричард, — у меня есть всемогущий Спаситель. И Он поступит так, как это будет лучше для меня.

Вскоре Ричард узнал, что министерство культов планирует отобрать у него разрешение на пасторское служение, и ему посоветовали обратиться за помощью к Юстиниану, влиятельному православному патриарху. Ричард пытался связаться с ним несколько раз и вскоре ему удалось договориться с ним о встрече.

С недавних пор Юстиниан был назначен ответственным за православную церковь Румынии, к которой себя относил 80 процентов населения страны. По ведению Святого Духа Ричард решил отказаться от плана представить патриарху своё дело и использовал это драгоценное время, чтобы поддержать его в новой роли. Во время той роковой встречи у Ричарда завязались влиятельные отношения с главой православия. А вокруг коммунизм продолжал сеять хаос...

Ричард обучал Юстиниана Библии, молился за него и призывал повсеместно использовать примеры из Священных Писаний. Когда же Юстиниан вырос в познании Бога и утвердился в вере, коммунистическая партия объявила в Румынии полномасштабную кампанию искоренения религии.

До этого момента жизнь пастора Ричарда была радостной. На свою зарплату он мог содержать Сабину и Михая, а его церковная семья любила его и доверяла ему. Однако Ричард не испытывал удовлетворения. Почему Бог позволяет ему жить как обычно, когда тираническая диктатура разрушает всё вокруг, а другие христиане страдают за веру? Ричард и Сабина

ГЛАВА 13

провели множество дней и ночей в молитве, прося Бога дать им крест, который они могли бы нести ради Него. Уже скоро они увидят ответ на свои молитвы.

14

Вскоре после злополучного конгресса культов коммунисты взялись за церковь Вурмбрандов. Численно растущее собрание недавно переехало в новое большее церковное помещение, и коммунисты начали посылать туда враждебно настроенных молодчиков, чтобы прерывать богослужения. Неделя за неделей в церкви появлялись спортивного телосложения молодые люди, которые свистели и выкрикивали издёвки, пытаясь прервать проповедь.

— Нам следует радоваться, — говорил Солхайм, — что самые отъявленные дебоширы нашего города слышат Слово Божье. Лучше реагирующий слушатель, чем безмолвный, который только делает вид, что слушает!

Ричард и Сабина разработали тактику проведения богослужений и на улицах города. Многие души были слишком застенчивы, чтобы прийти в церковь. Поэтому церковь должна была идти к ним. Группа христиан собиралась на углу улицы и начинала петь гимны прославления, что было совершенно не принято в Румынии, поэтому вокруг всегда собирались толпы любопытных. Тогда Сабина благовествовала. Её речь всегда была краткой и чёткой, чтобы избежать внимания всюду присутствующих коммунистов.

Однажды прямо перед локомотивным заводом Николае Малаксы проходил митинг протеста против захвата власти коммунистами. Во время этого митинга Сабина говорила с собравшимися там рабочими о спасении. Для некоторых из них это стало последней возможностью обрести мир с Богом. На следующий

ГЛАВА 14

день по толпе митингующих милиция открыла огонь. Многие рабочие завода были убиты. В коммунистической Румынии каждый миг был драгоценным и мог стать последним...

В один особенно удачный день Сабина выступала со ступеней Бухарестского университета. Толпа увеличивалась, пока не заполнила всю площадь, вызвав огромную пробку на соседнем бульваре. Люди приветствовали евангельское послание, проповедуемое Сабиной, и аплодировали. Когда она рассказывала об успехе благовестия Ричарду, в их дом влетела Ануца:

— По всему городу только и говорят, что о выступлении Анны Паукер перед зданием университета! Только вот никто не может понять, почему товарищ Паукер, убеждённая коммунистка, офицер Красной армии, призывала людей покаяться в их грехах.

Ричард, Сабина и Ануца разразились смехом.

В последующие годы Сабина ежедневно проводила богослужения для сотен религиозных лидеров Румынии всех конфессий, проповедовала на улицах и в больших собраниях. Мощный и харизматичный оратор, эта крошечная женщина стала могущественным великаном Божьего Царства.

Из-за проницательного взгляда коммунистического правительства Вурмбрандам становилось всё опаснее нести служение открыто. Как и в России, в Румынии христиане вскоре создали альтернативную церковь для благовестия, проповеди Евангелия и обучения детей. В то время как официальная церковь соблюдала запрет коммунистов на христианскую деятельность, эта церковь — нет... И её служение процветало.

Вместе с другими верными христианами Ричард перенёс свою работу в подполье. В официальной церкви он занимал солидные должности — пастора Норвежской лютеранской миссии и представителя румынского отделения Всемирного совета

ВУРМБРАНДЫ

церквей по оказанию помощи, — и этот статус обеспечивал прикрытие его настоящему труду служителя. Никто не мог заподозрить выдающегося Ричарда Вурмбранда в «подрывной» деятельности. Таким образом, тайно, с помощью подпольной церкви, Ричард и Сабина начали активное и эффективное служение советским солдатам и порабощённому народу Румынии.

В день своего обращения Ричард молился о том, чтобы Бог дал ему возможность благовествовать русским о Христе. Однако вместо того, чтобы отправить Ричарда в длительное путешествие в Россию, Бог привёл русских к нему. И хотя Ричард, прекрасно владеющий русским языком, мог свободно разговаривать с новыми постояльцами его страны, коммунисты не всегда понимали его послание.

Однажды в магазине Ричард познакомился с русским капитаном и с женщиной-офицером, когда предложил им помощь с переводом. Сделав покупки, он пригласил своих новых знакомых на обед в свой дом.

Прежде чем начать есть, он объяснил: «Вы в христианском доме, и у нас есть обычай молиться перед едой». Впечатлённые молитвой Ричарда на русском языке, офицеры потеряли всякий интерес к еде и стали задавать вопрос за вопросом о Боге, Иисусе и Библии.

— Как это у него было сто овец? — удивились они, когда Ричард рассказал им притчу о потерянной овце. — Как их не забрали в колхоз?!

Когда Ричард сказал, что Иисус — Царь, они ответили:

— Все цари — злодеи, которые властвуют над другими, поэтому Иисус, наверное, тоже был диктатором.

А когда он объяснил им притчу о рабочих в винограднике, гости закивали:

ГЛАВА 14

— Они правильно поступили, восстав против хозяина. Виноградник должен принадлежать коллективу.

Разговаривая с ними и со многими другими русскими, Ричард осознал, что, проповедуя Евангелие людям, которые столько лет прожили под властью коммунизма, необходимо использовать абсолютно новый подход. Годы промывания мозгов и изучения коммунистической идеологии наложили отпечаток на их мышление, поэтому Ричард изменил тактику и начал использовать в качестве точки соприкосновения марксистский язык. Он не был бы успешен сам по себе, но под действием Святого Духа эта пара советских офицеров уже на следующий день стала христианами и вскоре начала играть важную роль в тайном служении Ричарда и Сабины русским.

Вместе со своими соратниками по служению Вурмбранды тайно печатали и распространяли тысячи экземпляров Евангелия от Иоанна и другой христианской литературы на русском языке. При содействии новообращённых солдат Библии и её части контрабандой ввозились в Россию. За всё это время Вурмбранды напечатают более ста тысяч Евангелий и более ста тысяч христианских книг на русском, которые затем распространят в парках, поездах, кафе, на вокзалах и везде, где можно будет найти советских солдат.

Христиане заметили в сердцах солдат любовь к детям, которая, возможно, была вызвана желанием снова увидеть своих собственных детей, и пользовались этим отношением. Михай Вурмбранд и другие дети младшего возраста подходили к солдатам в парках и на улице. Солдаты заговаривали с ними, нежно гладили по головкам, вспоминая своих собственных детишек, которых не видели годами. Они давали детям конфетку или плитку шоколада, а дети в ответ дарили солдатам Библию или

ВУРМБРАНДЫ

Евангелие, которое те с радостью принимали. Работу, которую взрослым делать было чрезвычайно опасно, дети совершали с лёгкостью, абсолютно не опасаясь за последствия. Маленькие христиане также несли миссионерское служение среди русских.

Христианский труд влёл за собой огромный риск. Немало христиан из подпольной церкви были схвачены и жестоко избиты, однако ни один из них не выдал Вурмбрандов.

С первых дней советской оккупации румынские христиане, используя стратегии, разработанные Ричардом, готовы были подвергнуть себя любому риску, чтобы помочь братьям и сёстрам, живущим за «железным занавесом».

Одной морозной зимней ночью группа, состоящая из четырёх румынских христиан, готовилась совершить опасный переход через границу на Украину, которая была частью Советского Союза. Они несли с собой Библии, предназначенные для христиан, которые жили по ту сторону границы. Их передвижение было осложнено тем, что идти они собирались задом наперёд.

В обязанности солдат пограничных войск, дислоцированных вдоль границы между Румынией и Советским Союзом, которые проводили патрулирование пограничной полосы, входило предотвращение двух первостепенных угроз: нелегального пересечения границы советскими гражданами с целью побега из страны и нелегального пересечения границы контрабандистами — с целью незаконного ввоза в страну предметов контрабанды. Медленно проходя вдоль линии границы, один из солдат с помощью фонаря внимательно осматривал свежее выпавший снег. Внезапно он вскрикнул от неожиданности, когда луч осветил углубления в снегу.

— Следы! В направлении Румынии! — Он вынул свисток и издал длинный пронзительный сигнал тревоги. Через несколько

ГЛАВА 14

секунд прибежали другие патрульные с собаками. В это время недалеко от них в темноте на снегу, замерев и внимательно прислушиваясь, лежали четверо румынских христиан.

— Скорей, за ними! — закричал пограничник, указывая в направлении следов. — Они не могли далеко уйти! Их нужно перехватить, прежде чем они доберутся до Румынии!

Когда силуэты пограничников исчезли во мгле, а крики и лай собак постепенно утихли, четверо христиан облегчённо вздохнули. По знаку руководителя группы, они осторожно и тихо продолжили свой путь на Украину, чтобы доставить братьям и сёстрам из подпольной церкви свой драгоценный груз — Библии.

Вскоре после оккупации Румынии Советами Ричард начал приводить домой русских солдат.

Будьте осторожны, Сабина! — как-то пошутила Ануца. — Что будете делать, если в вашем доме встретятся две армии?!

Вурмбранды тщательно продумывали своё служение. Ричард начал работу с русскими, посещая казармы советской армии в качестве нелегального торговца дешёвыми часами. Румынам, которые хотели приобрести часы, приходилось идти в бараки Советской армии, чтобы купить украденное, причём часто своё собственное. Поэтому для румын заходить в советские бараки не было необычным делом. А для Ричарда это было удобным прикрытием. Когда собиралась группа солдат, он заводил дискуссию о Библии. Пожилые воины быстро разгадали манёвр Ричарда.

— Ты пришёл сюда не часы покупать! Ты пришёл, чтобы рассказать нам о вере. Садись и поделись с нами! Но осторожно: мы знаем, кто среди нас ненадёжный. — Мужчина осмотрел присутствующих. — Здесь все свои, но, когда я положу руку тебе на колено, — сразу же начинай говорить о часах. Когда я заберу руку, продолжай свой рассказ.

ВУРМБРАНДЫ

В советской армии было полно доносчиков. Они следили за товарищами и доносили на них начальству. Молодые русские ничего не знали о Боге, никогда не видели Библию и не бывали в церкви. Вскоре Сабина поняла, почему Ричард говорил, что проповедовать русским Евангелие — это «рай на земле».

Однажды в дверь квартиры Вурмбрандов постучали два молодых солдата.

— Купите зонтик! — предложили они, предлагая три украденных предмета.

— Ах, мы — христиане, — ответил Ричард. — Мы не покупаем, но у нас есть кое-что на продажу.

Он пригласил их в дом. Сабина принесла по стакану молока и предложила им попить. Старший из них, светловолосый парень лет двадцати от роду, уставился на Сабину.

— Так это же вы дали мне Библию! — воскликнул он.

В тот же момент Сабина узнала его.

— Вы сержант из первого танка, въехавшего в Бухарест! — спокойно произнесла она.

Солдат Иван до сих пор прятал Библию, подаренную Сабиной, у себя в казарме. Он прочитал её. За обедом Иван рассказал Ричарду и Сабине о еврее, вместе с которым он воевал, когда его часть с боями продвигалась по Восточной Европе. Пожилой сослуживец издевался над солдатом-евреем. «Ты убил Христа!» — вопил он. Еврей думал, что тот сошёл с ума.

— Он убивал людей на протяжении всего пути от Сталинграда до Бухареста, — подытожил свой рассказ Иван. — Откуда же ему знать, кого он мог убить? Может быть, и Христа...

Имя Христос было совершенно неизвестным для этого солдата-еврея.

Однажды Иван привёл того еврея в дом Вурмбрандов. Ричард пересказал им всю Библию, от сотворения Адама до Откровения. С тех пор солдаты часто посещали Ричарда и Сабину. И Сталин перестал быть их богом...

ГЛАВА 14

Перед передислокацией своей части Иван притащил Вурмбрандам прощальный подарок — новую сияющую электрическую плитку. Сабина и Ричард переглянулись. Они оба понимали, что этот подарок не был приобретён за плату.

— Она прекрасна! — воскликнула Ануца. — Именно такая нужна Либманам!

Эта семья, вернувшаяся из Освенцима, находилась на грани нищеты. Ричард отвёз плитку им. Иван ограбил магазин и подарил своим духовным наставникам плиту в знак благодарности за то, что они указали ему путь ко Христу. Сабина подумала о том, что *простодушная любовь иногда может проявляться довольно-таки странным образом*. Как хорошо, что кровь Иисуса Христа покрывает даже ограбление Иваном магазина!

15

В 1947 году начались аресты. Сфальсифицированные выборы, в ходе которых власти прибегли ко лжи, мошенничеству и насилию, привели коммунистов к неограниченной власти в Румынии. Руководство оппозиции, честные и нечестные начальники бывшей полиции и государственные служащие были молниеносно сметены волной террора. Затем коммунисты взялись за церкви. Настал черёд всех католических епископов и бесчисленного количества духовенства, монахов и монахинь. Десятки тысяч простых людей исчезли в тюрьмах и трудовых лагерях. Другие присоединились к подпольным борцам за свободу. Никто уже не оставался прежним.

В первые дни советской оккупации евреи ещё могли покинуть Румынию. Они бежали тысячами, оставляя своё имущество и предпочитая судьбу обездоленных беженцев той странной «свободе», которую предлагали Советы. Но теперь они были в ловушке.

Ануца имела основания полагать, что её имя — в списках евреев, подлежащих аресту, и планировала бежать в неизвестную жизнь за пределами коммунистического «занавеса». Для Сабины и её дорогой подруги прощание было мучительным.

— Я сделаю всё возможное, — пообещала Ануца, — чтобы вытащить вас отсюда. Мы снова встретимся на свободе.

И она трудилась не покладая рук, чтобы выполнить обещанное. Однако, прежде чем подруги встретятся снова, пройдет два десятка лет.

ГЛАВА 15

По всей Румынии зверствовал террор. Сотрудники Департамента государственной безопасности врываются в дома и проводят тщательные многочасовые обыски. Потом людей забирали, якобы для дачи показаний. Обещания, что это будет длиться лишь несколько часов, никогда не оправдывались. Иностранные журналисты видели курсирующие по улицам Бухареста фургоны с надписью «Мясо», «Рыба», «Хлеб» и писали, что русские обеспечивают население продуктами питания. Однако откуда им было знать, что эти фургоны перевозят не еду, а арестованных.

Вурмбранды получили первое предупреждение, когда в помещение миссии, где работал Ричард, вошёл человек в штатском.

— Инспектор Риосану, — представился он. — Ты Вурмбранд? Мужчины познакомились.

— Я пришёл дать тебе совет.

Ричард нахмурил брови и ждал, пока мужчина продолжит.

— В секуритате на тебя заведено толстое дело. Я видел его. Последнее время кто-то на тебя доносит. Ты общаешься с большим количеством русских друзей, не так ли? — Риосану потёр сухие мозолистые руки. — Но, я думаю, мы могли бы договориться... — он замолчал и многозначительно посмотрел на Ричарда. За определённую сумму он предлагал уничтожить доносы.

Тут в разговор вступила Сабина, и втроём они договорились о цене.

Сложив купюры и сунув их в карман, Риосану сказал:

— По рукам. Информатора зовут...

— Нет! — возразила Сабина. — Мы не хотим знать.

Не зная имени информатора, Ричард и Сабина не могли держать на него обиду. В те дни они ещё не подозревали, какое бесчисленное количество жизней разрушат информаторы.

Инспектор пожал плечами и надел шляпу.

— Как вам угодно, — с этими словами он растворился во тьме так же быстро, как и появился.

ВУРМБРАНДЫ

Вскоре после этого Ричарда вызвали на допрос. Однако благодаря отсутствию официального обвинения в подрыве патриотического духа военнослужащих Советской армии, влиятельным друзьям Вурмбрандов удалось добиться его освобождения примерно через три недели. Было очевидно, что выход из тюрьмы — это не конец, а всего лишь передышка. Всё больше и больше друзей и помощников Вурмбрандов ежедневно подвергалось арестам, часто сопровождаемым пытками.

Хотя румынские евреи теперь находились в ловушке, Вурмбрандам ещё не поздно было покинуть страну. Несмотря на то, что с каждым днём уехать становилось всё труднее, тысячи людей всё ещё покупали себе свободу. Сабина знала, что Ричард не хочет уезжать. Однажды он сам заговорил о будущем:

— Во времена правления Антонеску нас не сажали в тюрьму более чем на две-три недели. С коммунистами же заключение может длиться многие годы. Они могут забрать и тебя. А как же Михай, кто будет заботиться о нём?

Разговоры с друзьями и знакомыми, казалось, убеждали Вурмбрандов в том, что мудрее всего было бы уехать, однако они не были уверены в том, что это послание было от Бога.

— Если мы попадём на Запад, — сказал как-то Ричард, — не сможем ли мы сделать для румынской церкви гораздо *больше*? Если же останемся, я последую за многими другими в тюрьму. Это будет конец нашей совместной жизни. Меня будут пытать и, возможно, убьют. Если же посадят и тебя, это будет конец нашей миссии. Солхаймы — иностранцы. Им не разрешат долго здесь оставаться. Михай будет воспитываться на улице и станет коммунистом. Что в этом хорошего?

Однажды ночью Ричард и Сабина получили ответ. На тайное молитвенное собрание собралось около пятидесяти человек.

ГЛАВА 15

Ближе к полуночи женщина, молившаяся на коленях рядом с остальными, громко воскликнула:

— А ты, тот, кто думает уйти! Помни, что Добрый Пастырь не покинул своё стадо. Он остался до конца.

Ей не было известно о дилемме, перед которой стоял Ричард. Вурмбранды озадаченно переглянулись.

Когда наступил рассвет, Ричард и Сабина отправились домой по холодным улицам. Был январь. Падали мелкие снежинки.

— Мы не можем сейчас уехать, — сказала Сабина. Ричард согласился.

Много лет спустя женщина, через которую Ричард получил предупреждение, встречала его на вокзале с цветами, когда он вернулся из тюрьмы.

— Я не сожалею о том, что последовал вашему совету, — сказал ей Ричард. — Наоборот, очень благодарен за него.

В последующие годы, ознаменовавшиеся преследованиями и невыносимыми пытками, Ричард и Сабина олицетворяли для народа Румынии пример Христа. Они маскировали христианскую литературу под коммунистическую пропаганду и распространяли её в кафе и на улицах. Ричард и Сабина давали приют у себя детям-сиротам, евреям, бывшим нацистам, бывшим заключённым, христианам, которых власти собирались сослать в Сибирь. Каждый день они кормили сотни жертв войны, поскольку страна страдала от непрекращающейся засухи и голода. Кроме того, они провели в Карпатах два летних лагеря для христианских руководителей всех конфессий.

Когда бухарестская церковь Вурмбрандов выросла и численность новообращённых превзошла тысячу, их служение начало вызывать гнев коммунистического режима...

16

29 февраля 1948 года день начался спокойно. Ричард поцеловал Сабину на прощание и вышел из дома на оживлённую бухарестскую улицу. Направляясь в свою лютеранскую церковь, долговязый тридцатидевятилетний пастор прошёл по улице Олтени, затем пересёк живописный район Вакарешти.

Дорога была знакомой. Вдоль улиц стояли припаркованные автомобили. Признаков жизни в этот ранний час было мало. Дорога давала пастору возможность поразмышлять над воскресной утренней проповедью. Вокруг возвышались памятники архитектуры, напоминая о богатой истории города. Через полчаса в церкви Ричард должен был встретиться с женой, а пока он следовал в лютеранскую церковь привычным путём, который проделывал каждое воскресное утро. Позже в этот же день он будет сочетать молодую пару, а пока его душа — как и его ноги — следовала привычной воскресной утренней рутине.

Когда позади Ричарда с визгом затормозил чёрный «форд», из которого выскочили двое мужчин и схватили его, он сразу же понял, что все его планы на тот день отменяются. Не будет ни встречи с женой, ни богослужения, ни бракосочетания. Приставив к виску пастора пистолет, сотрудники секуритате затолкали его на заднее сиденье «воронка». «Форд» понёсся по улице в неизвестном направлении. Ричард пытался рассмотреть, куда его везут, но жестокость похитителей лишила его этой возможности. Транспортное средство промчалось через

ГЛАВА 16

центр города, а затем, приблизившись к высоким стальным воротам, затормозило.

Ричард не мог отогнать мысли об известном ему политике, который покончил жизнь самоубийством в тюремной камере через несколько недель после похищения и ареста. *«Постигнет ли и меня та же участь?»* — думал Ричард. Но тут же он вспомнил, что повеление «Не бойся» встречается в Библии ровно 366 раз, один раз на каждый день в течение всего года, и ещё раз — на високосный. То, что Ричард был похищен 29 февраля, послужило для него напоминанием, что не нужно бояться того, что с ним могут сделать люди. Страх был тем чувством, которое нельзя брать с собой в тюремную камеру. С Божьей помощью он сможет вытерпеть и пытки, и жестокое обращение, и болезни, и даже смерть — до тех пор, пока окружающие будут видеть в его глазах Христа.

Вчера вечером Ричард и Сабина принимали в своём доме нескольких друзей. Один из них сказал, имея в виду умершего политика:

— Он, должно быть, прошёл через ад.

— Ричард, как ты думаешь, что такое ад? — спросил другой приятель.

Когда за машиной захлопнулись ворота, Ричард предположил, что это может быть один из последних звуков, которые он слышит.

— Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи, — ответил Ричард.

Через тридцать минут после прощания с мужем, Сабина тоже отправилась в церковь той же дорогой, которой всегда ходил Ричард. Придя в собрание, она застала пастора Солхай-

ВУРМБРАНДЫ

ма, главу миссии, расхаживавшим вперёд и назад по своему небольшому офису, растерянным и расстроенным.

— Ричард так и не появился, — сказал он. — Но у него столько на уме! Должно быть, он вспомнил о какой-нибудь важной встрече и забыл, что должен был прийти сюда.

Сабине не было известно ни о какой встрече.

— Но он обещал ждать меня здесь через полчаса.

— Возможно, он встретил кого-либо, кому понадобилась помощь, — попытался успокоить её Солхайм. — Он скоро придёт.

Пастор Солхайм сам провёл богослужение. Сабина обзванивала друзей, но мужа нигде не было.

— Не волнуйся, — снова попытался успокоить Сабину Солхайм после окончания богослужения. — С Ричардом всегда так: никогда не знаешь, где он. Помнишь, как когда-то во время летнего лагеря он пошёл утром купить газету, а в обед позвонил, чтобы сказать, что не вернётся к завтраку следующего дня?

Сабина кивнула, но страх в её сердце усиливался с каждой минутой.

В тот день в квартире Ричарда и Сабины их друзья наслаждались привычным воскресным обедом, который хозяйка готовила каждое воскресенье. Для многих это было самое долгожданное время за всю неделю. Однако у Сабины совсем не было аппетита. Пока гости ели и пели гимны прославления, она всё ещё надеялась, что Ричард вспомнил о каком-то неотложном задании и скоро вернётся. Она многократно представляла себе, как он открывает дверь, смеясь и извиняясь за опоздание, как она прощает его, и всё снова в порядке...

После того, как пастор Солхайм провёл богослужение, Сабина обзвонила все больницы города. Думая, что Ричарда могла сбить машина, она лихорадочно оббежала многочисленные отделения неотложной помощи, однако безрезультатно. Не найдя никаких признаков присутствия мужа, теперь она держалась

ГЛАВА 16

только за воспоминание о его обещании встретиться с ней через тридцать минут после того, как он отправился в церковь.

День перетёк в вечер, а вечер — в ночь. Ричарда всё ещё не было. Сабина ждала молча, поглядывая на входную дверь. Часы проходили медленно. Пока единственно возможным объяснением его отсутствия стало то, чего она боялась больше всего...

Автомобиль секуритате доставил Ричарда прямо в Департамент госбезопасности. С него сняли галстук, конфисковали всё, что находилось в карманах, включая удостоверение личности и другие документы, сняли одежду. Забрали даже шнурки туфель, которые заключённые могли использовать, чтобы повеситься.

— Отныне, — объявил один из сотрудников, — ты — Василе Георгеску.

Имя было достаточно распространённым, чтобы скрыть личность заключённого. Учитывая популярность и умение Ричарда избежать преследования, теперь даже сотрудники тюрьмы, находившейся в подвальных помещениях этого здания, не будут знать его настоящего имени. Ричард просто бесследно исчезнет в тюремной системе.

Эта тюрьма, расположенная недалеко от одной из главных улиц Бухареста, на улице Рахова, была новой и относительно неизвестной. Став в ней заключённым номер один, Ричард знал, что его вряд ли додумаются искать именно здесь.

Бетонная камера была примитивной и очень узкой. Из окна, вырезанного высоко в стене, чтобы заключённые не могли использовать его для побега, в камеру проникал небольшой квадрат солнечного света. Ричард сидел на нарах рядом с ведром, стоящим в углу, и ждал. Ожидание всегда было наиболее трудной частью тюремного заключения — адской его частью. Он

ВУРМБРАНДЫ

думал о том, какие вопросы будут задавать ему следователи и какие методы пыток они будут применять, пытаясь сокрушить его сопротивление.

С помощью физической боли всегда удавалось извлечь у заключённых больше информации, однако страх, который Ричард испытывал во время похищения, уже прошёл, и его место заняла твёрдая решимость вытерпеть что бы то ни было ради Евангелия. Ричард верил, что Бог даст ему сил выдержать самую страшную физическую агонию, которую только могут причинить его похитители.

Ричард сидел среди мёртвой тишины, неподвижно, как камни, окружавшие его, и благодарил Бога за то, что Он привёл его в эту тюрьму. Каждая проходившая секунда была ответом на их с Сабиной молитвы о том, чтобы Он позволил им нести их крест. Какие неожиданные и чудесные возможности появятся в этих стенах? Какие дружеские отношения с надзирателями и другими заключёнными он сможет построить? Ричард не знал. Однако он надеялся, что свет Божий будет сиять через него даже во время его страданий в изоляции тюремной камеры на улице Рахова.

Коммунисты отобрали у Ричарда имя. Как и её муж, Сабина тоже перестала существовать. Жена политзаключённого не получала продовольственных карточек и не имела права работать. Попытки раздобыть еду стали для неё еженедельным испытанием.

— На что же мне жить? — спрашивала Сабина чиновников. — Как прокормить сына?!

А в ответ всегда слышала:

— Это ваше личное дело.

В течение месяцев Сабина искала Ричарда, блуждая из кабинета в кабинет в надежде раздобыть хоть какую-либо ин-

ГЛАВА 16

формацию. Чиновники всех рангов оставались равнодушными к её мольбам и отказывались признать тюремное заключение её мужа. Вечер за вечером проводила Сабина у окна, ожидая и плача. «*Возможно, сегодня он вернётся*», — надеялась она. Ведь в прошлом даже фашисты освобождали её мужа через неделю или две.

Однако фашисты уже не были у власти, а коммунисты оказались гораздо более жестокими, чем нацисты. Решив ходатайствовать за Ричарда в высших эшелонах власти, Сабина отправилась в Министерство внутренних дел. Ей было известно, что наиболее важные заключённые содержатся в подвалах МВД. Она видела, как многие семьи ищут там информацию о своих арестованных близких.

Когда Сабина направилась в специально открытое для этого справочное бюро на втором этаже, ей пришлось подняться по лестнице, на которой толпились матери с детьми, ожидающие в бесконечной очереди. Голую стену украшал лозунг: «**БУДЕМ БЕЗЖАЛОСТНЫ К КЛАССОВОМУ ВРАГУ!**»

Сабина слышала мольбы женщин, которые стояли перед ней в очереди. Чиновники даже делали вид, что просматривают свои картотеки в поисках напечатанных на пишущей машинке имён. Шкафы картотеки открывались, записи просматривались, но ответ всегда был один и тот же: в списках арестованных имена их мужей не числились.

Вопрос Сабины был встречен так же. Всё пошло по уже известному ей сценарию. Ей пришлось покинуть кабинет ни с чем, кроме как с чувством беспомощности и поражения.

Тогда она решила обратиться за помощью к шведскому дипломату господину Рютерсверде. На встречу с ним Сабину сопровождал пастор Солхайм. В прошлом Рютерсверде уже спасал Ричарда, и Сабина была уверена, что и теперь он сможет ему помочь. Вопреки директиве вышестоящего руководства, дипломат всё же отважился рискнуть своей репутацией,

ВУРМБРАНДЫ

чтобы собрать сведения о Ричарде. Он связался с министром иностранных дел Анной Паукер, которая сообщила:

— По нашим данным, пастор Вурмбранд бежал из страны с полным чемоданом долларов, вверенных ему для служения. Говорят, что сейчас он скрывается в Дании.

Дипломат, не веря заведомо ложной информации, обратился к премьер-министру Грозе, который, хитро улыбаясь, сказал:

— Так вы предполагаете, что Вурмбранд в наших тюрьмах? Если сможете это доказать, я освобожу его!

Доказать это будет сложно, но Сабина не могла отказаться от поисков. Исчерпав все ресурсы и не имея права ходатайствовать от имени Ричарда, она не могла предпринять ничего другого, как прибегнуть ко взяточничеству.

17

Информация, полученная за деньги, привела Сабину в опасные, криминальные районы Бухареста. Женщина была готова заплатить любому, кто мог бы выяснить местонахождение мужа. Одни предполагали, что Ричард похищен и доставлен в Москву, другие — что он умер и уже где-то похоронен.

Однажды подруге детства Сабины, Клари Майер, пришла в голову мысль.

— Ты слышала о Теохаро Георгеску из Кабинета министров? — спросила она.

Сабина покачала головой.

— Его брат живёт по соседству с нами. Говорят, что за определённую сумму он может открыть двери тюрьмы. Я поговорю о Ричарде с его женой.

Сабина встретила с Георгеску, как он и пожелал, в убогой лачуге на окраине города. Он был приземистым человеком в добротном дорогом костюме.

— Я — Георгеску, — представился он. — Я всё устрою. Одно слово моему брату — и считайте, что дело решено. Гарантия? Моё слово!

Цена Георгеску была высокой, однако Сабине удалось найти сумму, запрошенную им, хотя и с огромным трудом. Ведь никакая цена не могла быть слишком высокой по сравнению с жизнью её мужа.

В течение нескольких недель от Георгеску не было никаких вестей. Ни информации, ни назначенной новой встречи. В кон-

ВУРМБРАНДЫ

це концов Сабина смирилась с тем, о чём давно подозревала: её снова обманули.

На протяжении многих месяцев нечистые на руку люди пользовались отчаянием Сабины. Злоумышленники всех рангов и слоёв общества истощали её средства. Она отдавала последние деньги, необходимые ей на еду и предметы первой необходимости, в карманы тех, кто обещал раздобыть для неё необходимую информацию. Однако каждое новое контактное лицо оказывалось мошенником. Вскоре Сабина уже привыкла к тому, что все обещания пусты.

Однажды вечером в квартиру Вурмбрандов пришёл высокопоставленный член компартии.

— Кто знает, что ещё ожидает нас? — сказал он. — Возможно, придут англичане и американцы.

Сабина знала, что напряжённость в отношениях между Соединёнными Штатами и Советским Союзом обостряется, и в течение некоторого времени лелеяла мысли об освобождении.

Политик пытался помочь Сабине как мог, даже предлагал за информацию о Ричарде денежное вознаграждение. Но, как и усилия всех остальных, его старания оказались тщетными. С ещё одним чиновником из компартии связь была налажена через подругу Сабины, которая в детстве ходила с ним в школу. Чиновник и подруга Сабины притворились любовниками, встречаясь тайно, чтобы не вызвать подозрений, но их переговоры также не дали результатов.

После бесконечных встреч с мошенниками, бесплодных попыток помочь со стороны сочувствующих и многочисленных взяток, однажды вечером в дверь Сабины постучал незнакомец. Мужчина был небрит и от него разило сливовицей, запах которой был хорошо известен Сабине.

ГЛАВА 17

— Я знаю твоего мужа, — сказал он.

Сабина не поверила ему, но продолжала слушать.

— Я — надзиратель. Не спрашивай, в какой тюрьме. Но я возьму для него еду. Он сказал, что ты хорошо заплатишь мне за новость о нём.

— Это зависит от того, сколько вы хотите, — ответила Сабина.

Незнакомец назвал цену.

— Я рискую своей шкурой, понимаешь?

Сумма, которую он назвал, была огромной, и Сабина сомневалась, что сможет её собрать. И всё же, если этому незнакомцу удастся заполучить вещественные доказательства того, что её муж жив, она приложит любые усилия.

Сабина рассказала пастору Солхайму, который, хотя и отнёсся к этому скептически, всё же согласился встретиться с незнакомцем. Он вручил надзирателю плитку шоколада и сказал:

— Отнесите это Вурмбранду и принесите несколько слов, написанных на обёртке его рукой.

Два дня прошли без каких-либо вестей. И вот мужчина снова постучал в дверь Сабины. Он снял шапку, нащупал в подкладке обёртку от шоколада и вручил ей. Она удивлённо уставилась на него, не в силах поверить в то, что на обёртке рукой Ричарда было написано: «Дорогая моя жена, я благодарю тебя за твою сладость. Со мной всё в порядке. Ричард».

Это был почерк её мужа! И в этом не могло быть никаких сомнений. Она сразу же узнала его — жирный и чёткий. На глаза Сабины накатались слёзы.

— Он в порядке, — сказал надзиратель. — Он передаёт, что очень любит тебя.

Сабина попыталась представить себе ужасные условия, в которых находится Ричард, и надеялась, что шоколадка принесёт ему хотя бы краткое облегчение. Она отдала бы что угодно, чтобы побыть с ним лишь несколько минут.

ВУРМБРАНДЫ

— Некоторые не могут пережить одиночного заключения. Им не нравится находиться в собственной компании, — сказал надзиратель.

Сабина знала, что на самом деле Ричард не одинок. Как он часто говорил ей до этого, в тюрьме присутствие Христа ощутимо непосредственно. Она продолжала подбадривать его сообщениями, подкупая надзирателя всем, что у неё было.

— За это можно получить двенадцать лет, — жаловался он ей. — Но знаешь, я делаю это не только из-за денег.

Передавая устные сообщения Ричарда Сабине и наоборот, надзиратель рисковал собственной свободой, и Сабина испытывала к нему огромную благодарность. Именно он помог ей не потерять надежду, что Ричард всё ещё жив.

— Что вы делаете с деньгами, которые мы платим вам? — как-то спросила Сабина.

— Напиваюсь! — расхохотался он в ответ.

Если его опьянение могло облегчить муки Ричарда, сделка стоила хлопот. Муж жив, и это самое важное. Сабина дала надзирателю достаточно денег, чтобы тот утонул в бренди на несколько месяцев. Ко всеобщему удивлению, он завёл с Ричардом настоящую дружбу и начал тайком приносить ему дополнительные куски хлеба.

Когда Сабина рассказала пастору Солхайму и его жене Сильгии о заключении Ричарда, супруги немедленно сняли с себя все другие обязанности и сосредоточились на попытке добиться его освобождения. Пастор Солхайм повёл Сабину в посольство Швеции на встречу со шведским дипломатом, на этот раз в её руках была обёртка от шоколада с подписью Ричарда в качестве доказательства бедственного положения пастора. Дипломат немедленно написал письмо премьер-министру: «Вы обещали освободить пастора Вурмбранда, если мы сможем доказать, что он находится в румынской тюрьме. Теперь у меня есть доказательство».

ГЛАВА 17

Гроза, удивлённый тем, что его шутка произвела обратный эффект, передал информацию министру иностранных дел Анне Паукер, которая попросила о встрече с дипломатом. Разъярённая и оскорблённая, она выругала Рютерсверде за намёк на то, что она якобы лжёт, и снова повторила, что Ричард бежал в Данию. Она не будет терпеть оскорблений от дипломата, который суёт нос во внутренние дела её страны. Таким образом Паукер отказалась удовлетворить просьбу Рютерсверде о проведении расследования. Но тот не мог позволить невинному человеку страдать и снова потребовал её участия. Однако для министра иностранных дел этот вопрос был уже закрыт.

Вышестоящее руководство подвергло сомнению правомерность вмешательства дипломата во внутренние дела Румынии, и он был объявлен персоной нон грата. С испорченной репутацией и утратив все средства для достижения поставленной цели, фон Рютерсверде больше не мог оказывать Сабине содействие в её стремлении найти Ричарда, несмотря на то что теперь у неё было доказательство того, что её муж жив и находится в тюрьме где-то на территории Румынии. Карьера Рютерсверде закончилась. Посол был отозван в Стокгольм и отправлен с дипломатической службы в отставку.

Ещё более удручающей для Сабины стала трагическая новость о том, что её ближайших друзей, пастора Солхайма и его жену, также высылают из Румынии. В момент наиболее глубоких испытаний Сабина всегда обретала смелость и стойкость именно благодаря их ободрению. Когда она готова была сдаться и поверить в ложь, они укрепляли её, возвращая ей надежду и уверенность. Как она будет без них? Однако миссионерской работе Солхаймов в Румынии теперь был положен конец, и та небольшая помощь, которую они могли оказать Сабине, теперь шла издалека. Но, прежде чем они уехали, Бог ответил на многомесячные молитвы Сабины и её дорогих друзей. Ричард наконец-то был найден!

ВУРМБРАНДЫ

По Бухаресту поползли слухи о том, что дважды в неделю в правительственном учреждении на улице Рахова родственники пропавших без вести могли навести справки о местонахождении своих близких. Чтобы предпринять эту последнюю попытку, Сабина попросила подругу, Бьянку, обратиться в орган как бы от имени своего «брата» Ричарда¹.

Бьянка написала заявление и отнесла его в учреждение, которое оказалось Департаментом государственной безопасности и было расположено над тюрьмой, где находился Ричард. Женщины ждали во внутреннем двореке, пока им разрешат войти внутрь, чтобы узнать, есть ли в списках имена их родственников. Вдруг дама, стоящая рядом с Бьянкой, указала ей на одно из маленьких окон в подвале здания.

— Посмотрите туда, в это окно, но будьте осторожны, чтобы никто не заметил, — прошептала она. — Там кто-то указывает на вас, пытаюсь привлечь ваше внимание.

Бьянка медленно обернулась, пытаясь разглядеть лицо небритого мужчины. Она тёрла глаза и напрягала зрение.

— Это же Ричард! Он жив!

Бьянка изо всех сил пыталась скрыть волнение, и Ричард, очевидно понял: она не может показать, что узнала его. Поэтому он помахал рукой и улынулся ей.

Вскоре настала очередь Бьянки войти в кабинет.

— Вурмбранд, Вурмбранд... Его нет в наших списках, — безучастно пробормотал офицер. — Это значит, что он не у нас, и его местонахождение нам неизвестно.

Бьянка поняла, что этот фарс был очередным жестоким обманом коммунистов, которые пытались причинить как можно

¹ Свидетельство Бьянки Адлер из её книги «Служение Богу на враждебной территории», Пенрит, Австралия: «Stephanus», 2003.

ГЛАВА 17

больше боли не только заключённым, но и их семьям. Все родственники получали один и тот же ответ.

Но сказанное в Департаменте государственной безопасности не заставило Сабину остановить поиски. Узнав местонахождение Ричарда, она дважды в неделю приезжала туда, якобы в поисках информации о пропавшем муже. И каждый раз, ожидая во дворе, она «разговаривала» с Ричардом, обмениваясь взглядами и вздохами. Пока муж оставался в камере на Рахова, Сабина регулярно навещала его.

Однако никто не знал, как долго продлятся эти визиты...

К удивлению и восторгу Сабины, 14 мая 1948 года возникло государство Израиль. После нацистской расправы над румынскими евреями эта новость вызвала исход семей из контролируемой коммунистами страны. Невзирая на то, что Ричард претерпевал мучения в тюремной камере, Сабина знала, что он также будет взволнован и восхищён исполнением древнего Божьего обетования, данного пророку Иеремии: «Вот, Я соберу их из всех стран, в которые изгнал их во гневе Моём и в ярости Моей и в великом негодовании, и возвращу их на место сие и дам им безопасное житие» (Книга пророка Иеремии 32:37). Если по прошествии почти двухсот шестидесяти лет Бог смог привести Свой народ домой, Он может вернуть домой и Ричарда.

Однако, как и после вавилонского плена, путь в землю обетованную оказался непростым. Коммунизм держал народ железной хваткой, и вырваться из неё удалось немногим. Солдаты Советской армии часто совершали на улицах облавы, сметая евреев и увозя их на принудительные работы в советских шахтах. За румынами также охотились. После того, как их забирали секуритате, о них никто больше не слышал.

Молодой человек из родного города Сабины на Буковине рассказал ей: «Мой брат провёл четыре месяца в тайнике за шкафом, чтобы избежать вывоза в Советский Союз на принудительные работы. Я взял только немного одежды и сказал советскому бюрократу, что он может забрать мою квартиру со всем её содержимым и все мои сбережения в обмен на паспорт.

ГЛАВА 18

Я получил паспорт и уехал. Коммунизм — это когда все отнимают всё у всех», — вздыхал он.

Из Румынии начался новый масштабный исход, но бежать было дорого. Испытывая отчаянную нужду в иностранной валюте, страна в лице министра иностранных дел Анны Паукер подписала пакт с Израилем, который позволял Румынии продавать вновь образовавшейся стране своих граждан. Вскоре профессора, врачи и учёные стали предметом торгов за высшую цену.

Каждую ночь под зданием визового отдела ждали толпы евреев, которые желали быть проданными своей страной. Те, у кого шансов было меньше всего — дедушки и бабушки с младенцами на руках, — спали прямо на тротуаре перед зданием, ожидая возможности, как и все другие, бежать из Румынии. Очередь евреев, которые надеялись получить разрешение на выезд, простиралась от отделения милиции до Парламентской площади.

— За чем очередь? — спросил незнакомец еврея.

— За апельсинами! — ответили ему.

— Но в том магазине, через дорогу, апельсины продают без очереди...

— Да, но мы хотим есть их прямо с дерева!

Израильская земля, впервые за много веков орошаемая мелиорационными системами, обещала обильные урожаи, способные прокормить свой народ. Из разных городов Румынии туда отправлялись товарные поезда, набитые евреями. Неевреи также жаждали свободы, платя непомерные суммы денег за поддельные визы. Поскольку правительство стремилось сохранить операцию «Израиль» в тайне, эти поезда не отправляли с центрального вокзала Бухареста. Они шли с запасных путей труднонаходимых пригородных станций под покровом ночи. Сабина ездила на эти железнодорожные станции со слезами на глазах, чтобы попрощаться со своими друзьями и пожелать им счастливого пути к новой жизни.

ВУРМБРАНДЫ

Сабина тоже думала о том, чтобы покинуть страну, но только не без Ричарда. Независимо от того, сколько лет понадобится, чтобы добиться его освобождения, она не оставит его одного в заключении.

«В следующем году в Иерусалиме!» — восклицало каждое еврейское сердце из гетто и синагог в течение многих столетий. Сабина тоже страстно желала этого. Как ей хотелось отправиться в Израиль на одном из этих поездов вместе с Ричардом и Михаем, чтобы проделать самое святое из всех путешествий — в землю, обетованную её народу самим Богом!

Даже солдаты и сотрудники милиции рисковали жизнями, пытаясь бежать. Однажды один из высокопоставленных начальников милиции предложил Сабине: «Если дадите мне денег и поможете в получении визы для евреев, чтобы покинуть страну, я освобожу вашего мужа из тюрьмы».

Друг, которому Сабина искренне доверяла, заверил, что этот человек и на самом деле мог исполнить обещанное. Услышав новость, Михай запрыгал от радости. Наконец он снова увидит отца.

Высокий для своего возраста и не по годам зрелый, Михай среди сверстников был изгоем. Он неоднократно пытался объяснить другим ученикам в школе, почему его отца так часто сажают в тюрьму. Отвержение, которое испытывал Михай, не оставалось незамеченным Сабиной.

— Мамочка, я видел сон, — сказал Михай на следующее утро. — Мне приснилось, как наш сосед протягивает шляпу и просит двух птиц войти в неё. Они попорхали вокруг и улетели.

Сабина поняла смысл сна. Начальник потерпит неудачу в попытке освободить Ричарда. Спустя несколько дней сон сбылся, и стало известно, что сосед арестован.

Михаю часто снились сны, открывающие будущее, но они, как и многие детские переживания, обычно заканчивались кошмарами.

ГЛАВА 18

Каждый день с переулков Бухареста исчезало всё больше евреев. Однажды из тюрьмы были освобождены некоторые известные заключённые. Их привезли домой в машинах скорой помощи. Они показывали свои синяки и шрамы и рассказывали о пытках и страданиях. Когда необходимое впечатление было произведено, все они были вновь арестованы.

Сабина беспокоилась о способности Ричарда переносить пытки. Коммунисты были гораздо опытнее в выбивании из заключённых информации, чем нацисты. Однажды Иисус сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить...» (Евангелие от Матфея 10:28), однако Сабине было известно о пасторах, которые отреклись от Христа под пытками и даже предали свои семьи и ближайших друзей. По отношению к ним часто использовали угрозы ампутации, кастрации и других ужасов. Поначалу организм человека выдерживает даже самые серьёзные физические травмы. Но когда они становятся многократными, память о боли накапливается и постепенно начинает ломать волю.

Сабина боялась, что решимость Ричарда пошатнётся, особенно после многочисленных и длительных пыток. Когда-то он пообещал ей, что умрёт, но не предаст друзей, однако Сабина помнила, что даже апостол Пётр нарушил своё обещание не отречься от Христа. Каким бы сильным ни был Ричард, он может сломаться. Иисус напоминал Своим ученикам о том, что «дух бодр, плоть же немощна» (Евангелие от Матфея 26:41). Если даже всё пойдёт по худшему сценарию и Ричард умрёт во время пыток, Сабина знала, что она снова увидит его на небесах. Они заранее договорились о встрече на небесах у одних из двенадцати ворот рая — Вениаминовых.

19

В 1948 году, находясь в камере, расположенной в подвальном помещении тюрьмы на улице Рахова, Ричард через высокое окно едва мог разглядеть край двора. Он часто задавался вопросом, достаточно ли тверда его вера, чтобы противостоять такому жестокому обращению. Он утешал и ободрял себя отрывками из Писания, которые знал наизусть.

Во время допросов следователи проявляли завидное терпение. Подобно хорошо оснащённому архиву, коммунистические тюрьмы содержали множество информации, однако, в отличие от архивов, где информация хранится в записях, здесь она хранилась в человеческих умах. Точная и своевременная информация извлекалась из заключённых постепенно, по мере необходимости, но не вся сразу. Сам Ричард в глазах следователей был огромным сундуком с важными сведениями. В его многочисленных связях с Западом коммунисты усматривали предательство, поэтому он стал их политзаключённым и, скорее всего, умрёт от рук своих тюремщиков. Но они не торопились узнать имена тех, кто состоял в сети его контактов с западными церквями и со Всемирным советом церквей.

Однако его истязателям не было известно, что Ричард обладал секретным и мощным оружием — он годами готовился к тюремному заключению. Как солдат в мирное время, Ричард готовил свой разум и тело к допросам, к пыткам, к истощению. В день похищения он был в идеальном состоянии, чтобы тер-

ГЛАВА 19

петь избиения, словесные домогательства и жестокие условия содержания в тюремной камере.

Ричард провёл много лет, изучая, как другие христиане переносили тяжкие страдания. Он стал чем-то вроде мученика, постоянно приспособливая и корректируя свой образ жизни, чтобы подготовиться к подобным испытаниям. В то время как менее подготовленные заключённые сдавались под давлением и часто выдавали нужную следователям информацию, Ричард за свою стойкость приобрёл среди тюремщиков соответствующую репутацию.

Во время допроса следователи часто повторяли: «Ты — христианин и должен говорить нам только правду». Однако в случае с Ричардом эта уловка никогда не срабатывала. По сути, с ним не срабатывала ни одна их стратегия. Поскольку каждое сказанное им слово могло привести к обвинению или, что ещё хуже, к отступничеству, он запутывал и вводил своих следователей в заблуждение, затрудняя ход расследования.

Ричард нашёл способ сообщить Сабине и своим друзьям о своём местонахождении. Обеспокоенность по поводу его исчезновения выражало руководство не только румынской церкви, но также и церкви Скандинавии и Великобритании.

Даже самые смелые из мужчин пасовали перед Анной Паукер, с которой Ричард был знаком лично. Отец Анны был священнослужителем по фамилии Рабинсон (Рабиновичи). Однажды он сказал Ричарду с грустью в голосе: «В сердце Анны нет чувств ни к чему еврейскому». Она изучала медицину и собиралась стать врачом. Потом недолго работала в Английской церковной миссии. В молодости Анна достаточно хорошо познакомилась с религией, чтобы, придя ко власти, пытаться её разрушить.

Выйдя замуж за инженера по имени Марсель Паукер, она стала коммунисткой и была арестована политическими оппо-

ВУРМБРАНДЫ

нентами за участие в заговорах. Глубоко посвятившая себя идеям коммунизма, Анна и её муж переехали в Москву; однако во время одной из предвоенных чисток по приказу Иосифа Сталина Марсель был расстрелян. Анна быстро вскарабкалась по партийной лестнице, а затем вернулась в Румынию и заняла пост министра иностранных дел. Репутация непоколебимой и безжалостной женщины-министра привела Анну на обложку журнала «Тайм», который назвал её «самой могущественной женщиной в мире»¹.

Анна Паукер так восхищалась Россией, что однажды в прекрасный и погожий день шла по Бухаресту под зонтом.

— Почему вы идёте под зонтом? — спросили её.

— Потому что в Москве дождь! — ответила Анна. — Я слышала по радио².

¹ «Девушка, которая ненавидела заварные пирожные», «Time», 20 сентября 1948 года.

² «Дождь в Москве», «Time», 9 июня 1952 г.

20

Когда дверь камеры распахнулась, Ричард едва мог поверить собственным глазам. В неё вошёл не кто иной, как сам министр юстиции Лукретиу Пэтрэшкану, политик, ответственный за продвижение идей коммунизма в Румынии. Какая честь быть допрашиваемым таким высокопоставленным чиновником!

Когда же дверь за ним захлопнулась, Ричард мельком взглянул на туфли Пэтрэшкану — на них не было шнурков. А рубашка, лишённая галстука, неуклюже свисала. Неужели теперь и он — заключённый?!

Пэтрэшкану сел на деревянные нары напротив Ричарда. Его осанка и поведение выдавали, насколько он привык чувствовать себя уважаемым. Даже тюрьма не изменила привычные манеры политика. Ричард знал, какую разрушительную роль сыграл Пэтрэшкану в распространении в его стране коррупции и какую несправедливость причинял людям. Когда же заключённые разговорились, Ричард уловил в нём нотки искренности и понял, что может говорить с ним как с мужчиной.

В прошлом Пэтрэшкану уже несколько раз подвергался арестам предыдущими правительствами. Политические оппоненты, завидующие его растущей популярности, сговорились избавить Румынию от его присутствия. Несколькими днями ранее министру внутренних дел Теохари Георгеску удалось поставить на нём клеймо буржуазного предателя. При поддержке министра финансов Василе Луки, против Пэтрэшкану было выдвинуто обвинение в содействии империалистическим державам.

Пэтрэшкану глубоко тревожили слухи о пытках, которым подвергаются заключённые и контрреволюционеры. Начав наводить об этом справки, он утратил репутацию коммуниста, преданного делу партии. А последний гвоздь в гроб преданности министра делу его жизни забила его давняя подруга — Анна Паукер.

— Когда я вышел из здания министерства, — как-то рассказал Пэтрэшкану Ричарду, — то увидел нового водителя, который стоял у моего служебного автомобиля. Он сказал: «Ваш шофёр Ионеску заболел, товарищ Пэтрэшкану». Я сел в машину, а за мной — два офицера госбезопасности. И вот я здесь!

Ричард, наклонившись вперёд, внимательно слушал собеседника.

В отличие от нескольких зёрен варёного ячменя, которые обычно давали на обед Ричарду, Пэтрэшкану принесли вкусное блюдо из курицы, сыра и фруктов. Для министра была также откупорена бутылка вина. Однако у вновь прибывшего заключённого не было аппетита. Он пододвинул поднос к Ричарду, который жадно съел пиршественный обед.

Пока Ричард ел, из уст Пэтрэшкану изливались юмористические истории. Он вспомнил о швейцарском сенаторе, который ходатайствовал о назначении его главнокомандующим военно-морским флотом Швейцарии.

— Но у нас же нет флота! — ответили ему.

— А разве это имеет значение? — воскликнул сенатор. — Если в Румынии может быть министр юстиции, почему в Швейцарии не может быть командующего военно-морским флотом?!

Ричард усмехнулся при мысли о флоте Швейцарии, которая не имеет выхода к морю. Пэтрэшкану тоже засмеялся.

На следующее утро два надзирателя увели Пэтрэшкану из камеры на допрос. Ричард подумал о том, как жестоко будут допрашивать такого высокопоставленного чиновника. Тем не менее в тот вечер Пэтрэшкану, вернувшись в камеру, сообщил Ричарду, что его вообще не допрашивали. Вместо этого он

ГЛАВА 20

прочитал в университете лекцию по правоведению. Его заключение должно было храниться в тайне. Даже жена не знала о его месте нахождения. Она предполагала, что он уехал в командировку и ночует в отелях. Министр решил довериться Ричарду, полагая, что его всё равно расстреляют или навсегда оставят за решёткой.

Пэтрэшкану стал коммунистом не потому, что верил в идеалы коммунистического учения, а из-за того, что произошло после войны. Во время Первой мировой войны его отец помогал немцам, поэтому после победы союзников вся его семья подверглась остракизму. Пэтрэшкану бежал в Германию, чтобы получить университетское образование. Когда он вернулся в Румынию, единственной политической партией, приветствовавшей его возвращение, была коммунистическая. Он даже женился на коммунистке, которая дружила с Сабиной, когда они вместе учились в школе.

— Вы напоминаете мне Маркса и Ленина, — раздумывал вслух Ричард.

Комментарий удивил Пэтрэшкану.

— Маркс считал себя гением внутри, — продолжал Ричард, — но, будучи евреем в Германии во времена процветания антисемитизма, он не мог найти выхода своим мыслям, кроме как став революционером. А Ленина ярость и разочарование заставили перевернуть мир после того, как его брата повесили за покушение на жизнь императора. С вами произошло что-то подобное.

Пэтрэшкану не согласился, но Ричард видел, что его слова поразили сокамерника. Они продолжали рассуждать о справедливости, страданиях и роли церкви в истории человечества. Пэтрэшкану потратил немало усилий, критикуя зло крестовых походов, коррупцию и злоупотребления представителей папской династии Борджиа, несправедливые гонения на Галилея, испанскую инквизицию.

ВУРМБРАНДЫ

— Но ведь именно преступления и ошибки церкви дают нам множество возможностей для восхищения, — произнёс Ричард, прерывая тираду.

— Что вы имеете в виду?

— В больнице может вонять, может быть гной и кровь, — объяснил Ричард. — И именно в этом заключается её красота, потому что туда поступают больные с отвратительными болячками и ужасными болезнями. Церковь — это больница Христа. Миллионы пациентов проходят в ней лечение, окружённые Его любовью. Церковь принимает грешников. Они продолжают грешить, а за их проступки обвиняют церковь.

Ричард продолжил:

— Для меня же, с другой стороны, церковь подобна матери, которая остаётся преданной своим детям, даже когда они совершают преступления. Политика и предрассудки её служителей являются искажением того, что исходит от Бога, то есть учения Библии, поклонения и таинств. Однако, каковы бы ни были её недостатки, в церкви есть много прекрасного. Ежегодно в море тонут тысячи людей, но никто не оспаривает его красоту.

Пэтрэшкану на миг задумался и произнёс:

— То же самое можно сказать и о коммунизме. Его практики не идеальны, среди нас есть мошенники, но это не значит, что с нашей теорией что-то не так!

— Тогда судите по результатам, — ответил Ричард. — Историю церкви запятнали постыдные поступки, но она всегда расточала любовь и заботилась о людях во всём мире. Она породила множество святых, и во главе её стоит Христос, самый святой среди всех. А ваши кумиры кто? Такие личности, как Маркс, которого биограф Рязанов, директор московского Института Маркса и Энгельса, называл пьяницей. Или Ленин, чья жена утверждала, что он был безрассудным игроком, и чьи труды полны яда. Коммунизм уничтожил миллионы невинных жертв, разорил страны, наполнил мир ложью и страхом. Где

ГЛАВА 20

его позитивная сторона? Всем известно, что ваши соратники сидят в тюрьмах, расстреляны или уничтожены какими-либо другими способами. Вы используете людей, а потом выбрасываете их вон?

— Так и есть, потому что они глупые, — возразил Пётрэшкану. — Спустя десять лет после Первой мировой войны великий большевистский идеолог, товарищ Бухарин, выступил против планов Троцкого совершить мировую революцию силой оружия. Он утверждал, что лучше подождать, пока капиталистические страны начнут воевать между собой. Затем Россия присоединится к победившей стороне и урвёт львиную долю завоёванных стран. Если бы Запад знал, что половина Европы и две трети Азии попадут под коммунистическое влияние, последняя война никогда бы не состоялась.

Однако ничто не могло переубедить Ричарда.

— Разве вы не видите, господин Пётрэшкану, что в то время, как вы использовали людей, а затем выбрасывали их на обочину, ваши же товарищи использовали и выбросили вас самих? Разве вы не ослеплены злой логикой ленинской доктрины?

Пётрэшкану не мог скрыть горечь.

— Когда Дантона везли на гильотину и он увидел Робеспьера, наблюдающего за ним с балкона, то воскликнул: «Максимилиан, ты последуешь за мной!»

Ричард заметил в глазах мужчины вспышку мести.

— И я вас уверяю, — продолжил Пётрэшкану, — что они пойдут за мной — Анна Паукер, Георгеску и Лука тоже.

Через пять лет пророчество Пётрэшкану сбудется...

21

В один из дней 1948 года в 10 часов вечера в камеру тюрьмы на улице Рахова вошли три надзирателя и потребовали, чтобы Ричард одевался.

— Надень своё плотное пальто, — прошептал Пэтрэшкану. — Оно приглушит удары.

Один из надзирателей по фамилии Аппель одел на Ричарда чёрную повязку и повёл по длинному коридору в кабинет со столом с подсветкой и стулом.

Когда Аппель снял повязку, яркий свет ослепил Ричарда. По ту сторону стола он увидел силуэт мужчины. Через несколько секунд, когда к нему вернулась острота зрения, Ричард узнал в нём Моравца, бывшего инспектора, которого недавно повысили в звании, и теперь он проводил допросы.

— Василе Георгеску, — сказал Моравец, — на столе лежат бумага и ручка. Возьмите стул, сядьте и напишите о своей жизни и деятельности.

Ричард подчинился.

— Будучи священником, — продолжал инспектор, — вы слышали множество исповедей. Теперь вы здесь, чтобы исповедоваться перед нами.

Больше часа Ричард потратил на изложение своего свидетельства и освещение основных этапов своей духовной биографии. Как и следовало, Ричард когда-то был атеистом, но однажды его взгляды изменились.

ГЛАВА 21

— На сегодня достаточно, — наконец сказал Моравец, забирая у Ричарда карандаш.

В течение последующих многочисленных допросов Ричард понял методы и стратегию своих тюремщиков. Вместо того чтобы использовать тактику, которой придерживается милиция, на фоне шока от ареста добиваясь признаний, они предпочитали гораздо более терпеливый подход — заключённый должен сначала *созреть*. Их цель состояла в том, чтобы нагнести в человеке чувство вины и тревоги, которое поможет постепенно извлекать из него информацию. Заключённым редко сообщали причину их ареста, что приводило их в состояние самоанализа и неопределённости. Бесконечные уловки создавали в их умах напряжение, сеяли сомнения и страх. Ложные судебные заседания назначались, а затем, в последний момент, откладывались. Во дворе под окнами камер заключённых проводили лжерасстрелы. А ночами проигрывали записанные на кассету крики.

Через несколько недель таких психологических атак всё сложнее сопротивляться. Воля начинает ломаться. Обессиленный и обременённый чувством вины, заключённый выносит ложные суждения и делает ошибку за ошибкой. Он называет имена, предаёт друзей. А следователь извлекает интересующую его информацию.

Когда заключённый находится на грани психического расстройства, следователь меняет тактику и начинает сочувствовать ему. Запугивание превращается в милость. Даются обещания положить конец всем страданиям в обмен на признание им своей вины, сознание в преступлениях.

Несколько дней спустя Ричарда снова вывели из камеры и отвели в подвал, где его ждали два следователя. Аппель порылся в портфеле, достал оттуда ириску и протянул Ричарду.

— Каким образом вы связаны с господином Теодореску? — как бы между прочим поинтересовался он.

ВУРМБРАНДЫ

— Теодореску? Это довольно распространённое имя. Кого вы имеете в виду?

Аппель и не собирался объяснять. Вместо этого он начал быстро менять темы, задавая вопросы о Библии, пророчествах Исаии и о Мессии. Он проявлял интерес, выслушивая рассуждения Ричарда, то кивая, то хмурия брови. Затем вдруг, неожиданно и без предупреждения, спросил о тех, кто помогал Ричарду распространять христианскую литературу среди советских солдат. Знали ли они о пророчествах Исаии? Аппель вежливо слушал ответ, однако было видно, что его больше интересует реакция Ричарда, чем его слова.

Следующий следователь, неуверенный в себе человек по имени Василиу, был менее любезным.

— Запиши имена всех, кого ты знаешь, — потребовал он. — А также укажи, где вы познакомились, и охарактеризуй ваши отношения.

Ричард колебался, он называл имена осторожно и избирательно.

— Ничего не скрывай, — закричал Василиу. — Я сказал: *«Все имена!»*

Ричард записал имена членов правительства и случайных знакомых, которых встречал по время путешествий. Если он ненароком выдаст имена христианских служителей, их семьи будут тут же арестованы и подвергнутся избиениям.

— Вопрос номер два: какие преступления ты совершил против государства?

Ричард посмотрел Василиу прямо в глаза.

— А в чём меня обвиняют?

Василиу ударил кулаком по столу.

— Ты сам знаешь, что ты сделал! Начни с рассказа о контактах со своим православным коллегой, отцом Григориу, и о том, что ты думаешь о нём. Просто пиши. Продолжай писать!

ГЛАВА 21

Ричард был рад написать столько глав из своей духовной биографии, сколько ему позволили. По другим вопросам он писал как можно меньше.

Ричарда допрашивали в течение многих недель. Ему почти не давали спать. Ночью он обуздывал своё сознание, повторяя наизусть стихи из Библии.

Бог посылал Ричарду и небольшие моменты ободрения. Когда, брея его, парикмахер прошептал, что с Сабиной всё в порядке и она успешно продолжает служение, это удвоило его силы. Сам Ричард мог выдержать допросы, однако мысль о том, что Сабину также допрашивают и подвергают пыткам, была для него, как и для любого любящего мужа, невыносимой. Если Сабину арестуют, что будет с Михаем? Он осиротеет и будет вынужден жить на улице. Такая судьба постигла уже многих детей.

Однажды вечером, когда Ричард пытался уснуть, из соседней камеры донёсся женский крик.

— Нет, нет! — умоляла женщина. — Пожалуйста, не бейте меня. Только не бейте! Я больше не могу!

Когда палачи безжалостно избивали свою жертву, по коридору звонко разлеталось эхо её стенаний.

Ричард внимательно прислушивался. Вдруг его глаза расширились от ужаса. Это был голос Сабины! Её также арестовали и привезли сюда. Всю ночь Ричард прорывал в темноте, зовя жену. Но слышит ли она его? И что с ней делают?

Позже Ричард узнал, что голос женщины, который он слышал, не принадлежал Сабине. Это была всего лишь магнитофонная запись, которую включали для заключённых, и каждый думал, что голос, молящий о помиловании, принадлежит его жене, подруге или матери.

ВУРМБРАНДЫ

Ночь за ночью разум Ричарда напоминал ему об обещании, данном им Сабине, что он убьёт себя, вместо того чтобы предать своих братьев и сестёр. Он вспомнил, как читал о женщине из ранней церкви, которая покончила жизнь самоубийством, чтобы не потерять девственность от рук варваров, напавших на её монастырь. И если церковь канонизировала её, то Бог может простить и Ричарда, так как его самоубийство спасёт от мук и смерти других.

Однако шнуры от его ботинок были конфискованы, а камеру часто проверяли, ища осколки стекла, верёвки и лезвия. Каждый вечер ему давали одну снотворную таблетку, но надзиратели всегда проверяли рот Ричарда, чтобы убедиться, что он её проглотил. Если бы только он мог спрятать таблетку под язык и со временем собрать их небольшое количество! Чтобы прятать непроглоченные таблетки, Ричард разорвал несколько швов в соломенном матрасе Пэтрэшкану. За месяц он собрал тридцать таблеток — более чем достаточно, чтобы помочь ему уснуть навечно.

Самоубийство помогло бы Ричарду взять верх над его противниками, но звуки города, доносившиеся из окна, умоляли его пересмотреть своё намерение: пение молодого девичьего голоса, скрип трамвайных рельс за углом... Ричард посвятил свою жизнь служению Богу. Разумно ли покончить с ней?

Следователи направляли в глаза заключённым яркий свет, чтобы причинить им боль, но у Бога также был Свой собственный свет. Однажды вечером, рассматривая полночное небо, Ричард увидел единственную звёздочку, сияющую во тьме. Её свет освещал всю вселенную, чтобы только заглянуть в его камеру и утешить его. Возможно, его жизнь также могла пролить свет Христа на большие расстояния, чтобы достичь будущих заключённых, страдающих за Спасителя. Звезда умоляла его продолжать жить, но Ричард всё ещё сомневался. А может, его смерть принесёт больше пользы, чем жизнь?

ГЛАВА 21

На следующее утро в камеру пришли надзиратели и забрали матрац Пэтрэшкану для другого заключённого. Таким образом, планы Ричарда покончить жизнь самоубийством были неожиданно сорваны. Сначала он очень расстроился, но вскоре успокоился, полагая, что Бог поможет ему, независимо от того, насколько серьёзными будут страдания.

22

— Ты ведёшь с нами игру, — разъярённо кричал полковник Дулгеру, нанося молниеносные удары по лицу Ричарда. — Разве ты не видишь, ты — полностью в моей власти, и твой Спаситель, или как ты там Его называешь, не собирается распахнуть перед тобой двери тюрьмы?

— Его зовут Иисус Христос, — ответил Ричард, прикрывая пульсирующее от боли лицо. — И, если Он захочет, Он имеет власть освободить меня.

— Хорошо, — прошипел Дулгеру. — В таком случае завтра ты познакомишься с товарищем Бринзару!

Ричард, как и все остальные заключённые, боялся даже упоминания этого имени. Майор Бринзару имел репутацию утончённого, изысканного садиста. У него были волосатые, как у гориллы, руки. Он был мастером выбивать из заключённых информацию. Прежде чем стать следователем, он работал на известного политика. Вскоре его сын был арестован за руководство патриотическим движением.

— Раньше, когда ты был ребёнком, я держал тебя на коленях, — сказал парню Бринзару, а затем хладнокровно удавил его голыми руками.

Ричард знал, что дни мягких допросов закончились. Бринзару привёл его в камеру, в которой были разложены разнообразные орудия пыток.

— Может быть, выберешь, что тебе здесь больше всего нра-

ГЛАВА 22

вится? — спросил Бринзару, указывая на стол с изогнутыми ножами и клещами. — Мы здесь любим демократию.

Бринзару заставил Ричарда стоять на цыпочках, прикасаясь пальцами рук к потолку. Через некоторое время он падал в обморок, только чтобы быть избитым и поставленным обратно в то же положение. В течение нескольких часов каждый день Ричарда заставляли принимать непристойные, грубые или смешные позы. Цель тюремщиков состояла в том, чтобы лишить его достоинства, и в этом они преуспели. Они до упаду хохотали над каждой новой позой.

Взглянув на стену, Ричард вспомнил фразу из Библии: «Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною...» (Песнь Песней 2:9). Когда его тело ломали и рвали, оставляя на нём бесчисленные рубцы, он представлял, как по ту сторону стены стоит Иисус, Который утешает его и страдает вместе с ним. Если Христос мог вытянуть руки на кресте, то и он также сможет тянуть их к потолку. Он вспомнил и о предводителе израильтян, Моисее. Когда руки Моисея были подняты, евреи одерживали победу в войне против амаликитян (Книга Исход 17:11).

Ричарда чаще всего выводили из камеры с завязанными глазами, поэтому он никак не мог мысленно составить карту тюрьмы. Но одно помещение он хорошо знал — это был *манеж*, «тренировочное кольцо», как его называли заключённые. Ужасно маленькая камера, которую можно было обойти, сделав всего двенадцать шагов. Четыре шага и появилась стена. Затем ещё два шага и снова стена. Бринзару приказывал Ричарду часами ходить по периметру.

— Ходи! — требовал он. — Продолжай ходить по кругу!

Ричард повиновался, натываясь на стены, теряя сознание, ударяясь и падая на пол. У него сильно кружилась голова, глаза заливал пот. Через несколько часов комната начала размывать-

ся. Ричард закрыл глаза и снова врезался в стену. Он лихорадочно пытался сохранить ясность ума, чтобы не переставать молиться за своих преследователей.

— Быстрее! — приказывали ему. Один из надзирателей ударил Ричарда деревянной дубинкой по локтю. По всей руке распространилась сильная боль. — Вставай! Пошевеливайся!

На следующий день Ричарду было приказано сидеть на корточках, держа руки за спиной. Через некоторое время надзиратель засунул ему за локти металлическую штангу, резко поднял тело в воздух и начал бить кнутом по ногам, бёдрам и позвоночнику. Тёмная повязка на глазах не позволяла Ричарду подготовиться к ударам, в результате чего боль казалась вдвое сильнее. После нескольких избиений Ричард потерял сознание. Его вернули к реальности, вылив в лицо ведро ледяной воды.

На следующей неделе Бринзару пришёл в камеру Ричарда и поднёс к его горлу нож. Острое лезвие исполосовало шею и грудь. Когда Ричард пришёл в сознание, то обнаружил, что весь лежит в луже крови.

Когда Бринзару считал, что удары не причиняют Ричарду достаточно боли, он вставлял ему в рот лейку и лил туда воду до тех пор, пока живот почти начинал лопать. Затем он приказывал пинать Ричарда, пока его не вырывало.

Однажды Ричарду завязали глаза и пустили в его камеру двух волков. Ему сказали, что зверей обучают нападать на заключённых, если они двигаются, и Ричарду пришлось сидеть неподвижно, чувствуя на лице их горячее дыхание.

Шли месяцы, интенсивность пыток росла. К груди Ричарду приставляли горячий утюг. От жгучей жары его кожа начинала шипеть, и через несколько секунд он терял сознание. Затем его приводили в сознание и продолжали жечь. Эти пытки были самыми близкими к аду муками, которые когда-либо испытывал Ричард, и он жалел своих мучителей, которые проведут в подобных мучениях вечность.

ГЛАВА 22

Чтобы Ричард не умер преждевременно, за пытками всегда следил врач. Временами заключённому казалось, что смерть находится всего за шаг от него. Ричарда душили до потери сознания, а его тело избивали до тех пор, пока у лёгких не оставалось больше сил вдыхать воздух.

Ричард хорошо помнил о том, что и его Господь Иисус также был избиваем. Какая честь участвовать в тех же страданиях, которые перенёс и Он! Крики и стоны соседей-заключённых звучали всю ночь, особенно когда им вырывали суставы конечностей на «стойке» — устройстве, которое растягивало тело до тех пор, пока кости заключённого не выскакивали из суставов. Даже само упоминание о «стойке» вселяло страх и упрощало получение признаний.

— Где список имён тех, кому ты передавал тайную информацию? — спросил Бринзару.

Ричард записал множество имён и адресов, однако он никогда не предавал своих единоверцев. Имена принадлежали тем, кто уже умер или бежал на Запад.

До ареста Ричард не боялся насмешек и унижений. Однако всё изменилось, когда два надзирателя наплевали на него и помочились ему в рот, в то время как другие наблюдали за этим и смеялись. Пытками Ричарда принуждали признаться в том, что он гомосексуалист, прелюбодей, вор, шпион и предатель. Ночью его бросали в камеру, где он, плача от страданий прошедшего дня, молился о силе, чтобы перенести мучения следующего.

— Почему ты не сдаёшься? — удивлялся Бринзару. — Ведь это всё бесполезно. Ты всего лишь плоть, и в конце концов ты сломаешься.

Коммунисты верили, что человек сделает всё, лишь бы не быть убитым. Они полагали, что ради свободы заключённый признается во всём, чего они хотят. Находясь в камере одиночного заключения и опасаясь пыток, которые принесёт грядущий день, Ричард верил, что жизнь — это не только плоть, кровь

ВУРМБРАНДЫ

и кости. Тюремщики могли клеймить, пороть, унижать его и издеваться над ним. Но даже все коммунисты Европы, вместе взятые, включая Бринзару, не могли лишить его души. Его душа находилась во всемогущих руках, чтобы её можно было из них вырвать...

23

Ричард сидел в камере без света. Его охватило отчаянье от одиночества. Стены были такими же серыми, как и цвет его тюремной робы. Со временем одиночное заключение стёрло в его памяти воспоминания о реках, цветах, солнце и звёздах. В его камеру без окон, расположенную десятью метрами ниже здания Департамента государственной безопасности, воздух проникал через небольшую трубу. Ричарду выдавали лишь кусок хлеба в неделю, поэтому голод стал его постоянным спутником. Пища, которой кормили заключённых, содержала только такое количество калорий, чтобы они могли продолжать дышать.

В течение первых трёх лет восьмилетнего заключения Ричарда держали в постоянном гнетущем одиночестве. Тишина, в которой он находился, была оглушительной. Даже к подошвам обуви надзирателей были приклеены тонкие прослойки войлока, которые приглушали звук шагов. Каждый раз, когда его выводили из камеры, его избивали и допрашивали. Не имея ручки и бумаги, Ричард даже забыл, как писать. Единственные слова, которые он всё ещё помнил, были те, которые находились в его памяти до неожиданного ареста по дороге в церковь в феврале 1948 года, за два года до того, как была заключена в тюрьму и его жена.

Жизнь Ричарда не улучшилась и с переводом в общую камеру. С 5 часов утра до 10 часов вечера заключённым приходилось сидеть прямо, со скованными за спиной руками. Слабые, худые как скелеты, они лакали пищу, как собаки, из блюд, которые

им ставили на пол. В течение семнадцати часов в день им не разрешалось ни отдохнуть, ни даже закрыть глаза. С завязанными глазами, избитый и заклеймённый, Ричард носил на теле следы наказания за свою веру. Годы спустя, давая показания в Сенате США, он продемонстрировал присутствующим глубокие колотые раны, нанесённые во время заключения.

«Со всех сторон меня окружали «Иовы», — сказал он. — Некоторые из них пострадали гораздо больше, чем сам Иов. Однако я знал конец его истории, как он получил вдвое больше, чем имел сначала. Вокруг меня были и «Лазари» — нищие, голодные и покрытые струпьями. Однако я знал, что ангелы примут этих людей на лоно Авраамово. Я видел их такими, какими они будут в вечности. В потрёпанных, грязных, слабых мучениках, которые жили рядом со мной, я видел прекрасно увенчанных святых завтрашнего дня».

Тишину нарушало лишь промывание мозгов. Часы непрерывных допросов оказывались бесполезными, поскольку Ричард отказался предать своих братьев и сестёр из румынской церкви.

Однако надзиратели были не единственными, кто промывал Ричарду мозги. Время от времени он ощущал в тёмной, холодной камере присутствие сил зла. В детстве Ричарду являлся улыбающийся сатана, и теперь, когда он находился в изоляции, тот вернулся, чтобы посмеяться над ним. Ричард почти наяву слышал его насмешки: *«Где же твой Иисус? Твой Спаситель не может помочь тебе. Ты сам обманут и обманывал других. Он — не Мессия. Ты последовал не за тем Вождём!»* Беззащитный Ричард чувствовал себя всеми забытым и оставленным...

Заключённых пичкали наркотиками, пока не притуплялись их чувства, а мысли не размывались. Ричард изо всех сил пытался сосредоточиться, однако даже молитва Господня казалась слишком длинной, и он не мог вспомнить её. Ему требовалось собраться с силами, чтобы пробормотать просто слова: «Иисус, я люблю Тебя».

ГЛАВА 23

«Ты любишь меня? — ответил Иисус. — Сейчас Я покажу тебе, как Я люблю тебя».

Внезапно сердце Ричарда запылало, как сердца двух учеников, которые шли по дороге в Эммаус. Чем больше страдал Ричард, тем большую любовь он испытывал к своим истязателям: «Я знаю любовь Того, Кто отдал Свою жизнь на кресте за всех нас. Такая любовь не может исключать коммунистов, как бы сильно они ни грешили». Он верил во всеобъемлющую любовь Христа, Который желает спасения каждого грешника.

Всё время, а особенно в чёрные дни одиночного заключения, Ричард питал свой разум размышлениями над Писанием. Босиком он всю ночь ходил три шага вперёд, три шага обратно в своей крошечной камере, готовя проповеди и произнося их в присутствии Бога и ангелов. В его камере оживали библейские персонажи. Он видел Авраама с верблюдами, Иисуса, беседующего со Своими учениками, и Павла, предпринимającego миссионерские путешествия по Средиземному морю. Еды не доставало, однако духовное питание было в изобилии.

Ричард проводил ночи, молясь за других христиан, живущих в разных странах мира, а также за своих пленителей. Однажды, когда он сидел в одиночной камере, помещение словно внезапно озарилось яркими лучами света. Серые тюремные стены засияли, как бриллианты. Тишину нарушила небесная музыка. Тьма рассеялась, и Бог превратил темницу в мир красоты — в мир, в котором присутствовал Сам Христос. Позже Ричард вспоминал: «В тот миг Царь царей, Сам Иисус пребывал со мной!»

Находясь в камере в полном одиночестве, Ричард отчётливо ощущал присутствие Христа. Он осознал, что преследования, которым он подвергался, были такими же реальными, как и

ВУРМБРАНДЫ

прощение, которое он дарит своим истязателям. А ему было что прощать...

В самые мрачные дни, когда присутствие зла казалось наиболее ощутимым, Ричард сочинил в уме произведение, которое помогало ему противостоять угрозам дьявола:

*Любовь — сама себе оправдание.
Любовь — не для мудрых.
Невзирая на тысячу испытаний,
она не перестанет любить.
Хотя огонь обжигает и волны топят её,
она целует болящую руку.
Даже не находя ответы на вопросы,
она уверена и ждёт.
Когда-нибудь солнце осияет тьму,
и всё тайное станет явным...*

Лампочка над головой Ричарда горела всю ночь, но не гудела, как обычно. Его крошечную камеру пронзала тишина. Мир снаружи исчез — дождь, ветер, качание деревьев. Всё это стёрлось из памяти. Тишина отняла у него даже голос Сабины.

В отсутствие каких-либо звуков его разум точили сомнения. Действительно ли он испытал силу Божью или его Пастырь — всего лишь плод его собственного воображения? Действительно ли он любит других или служит только себе? Разве не лучше было бы ему стать государственным деятелем, миллионером или архитектором? На самом ли деле существует Бог или коммунисты правы? В любом случае, где же Бог?!

Ричард так хотел иметь при себе книгу «Патерик»! Когда он впервые прочитал эти четыреста страниц, он не мог ни есть, ни пить. В ней описана история христиан V века, которые удалились в египетскую пустыню, чтобы сохранить свою веру и не допустить её уничтожения языческим римским обществом.

ГЛАВА 23

Во время пребывания в пустыне один из монахов спросил старейшину: «Отче, что такое молчание?»

«Сын мой, — ответил игумен, — молчание — это когда сидишь в своей келье в одиночестве, в мудрости и страхе Божьем, защищая сердце от горящих стрел мысли... Это — тишина, в которой заботятся только о самом важном и говорят только с Иисусом Христом! Тот, кто хранит молчание, поёт: «Сердце моё превозносит Тебя, Господи!»

Сначала молчание отягощало Ричарда. Однако со временем оно стало благословением. «В тишине, — вспоминал он позже, — я ощущал поцелуй Христа. Ведь каждый молчит, когда его целуют. Ко мне возвратились спокойствие и радость».

Память о других христианах ободрила Ричарда. Он больше не чувствовал себя оставленным. Пребывая в одиночестве, он одновременно находился в компании тысяч пасторов, которые жили и наслаждались присутствием Христа на протяжении веков. Ричарда окружало облако свидетелей, и вскоре, благодаря их свидетельствам и победам, он ощутил, как к нему возвращаются силы. Самого Иисуса, Который провёл сорок дней и ночей в одиночестве в пустыне, посещали и утешали ангелы (Евангелие от Матфея 4:11). Ричард чувствовал, как о нём пекутся его собственные ангелы.

На древе молчания зреет плод мира. Ричард поверил в эту истину и ежедневно полагался на неё. Бог *существует*. И он чувствовал присутствие Христа в каждом дне. Бог *призвал* его быть пастором — ходить по пустыне, любить людей и служить им, а возможно, даже жертвовать собой. Но где же Бог, когда Его дети страдают?! Ричард удивился этой мысли. Бог знал, что значит наблюдать, как страдает Его собственный Сын. Ведь Он послал Христа в мир, чтобы искоренить страдания в вечности. Вновь обретенная уверенность Ричарда в *искренности* его веры ободрила его. Каждая частица его жизни принадлежала Богу, каждый вздох и биение его сердца.

ВУРМБРАНДЫ

Однако, чтобы сохранить здравомыслие, Ричарду следовало придерживаться ежедневного плана действий. Каждый вечер, в десять часов, по всей тюрьме звенел звонок, сигнализирующий о том, что наступило время отбоя. Этот звонок полагал начало рутине, которой Ричард строго придерживался в течение более двух лет одиночного заключения.

Он начинал с молитвы, которая часто сопровождалась слезами. Подобно радиоволнам, беспрепятственно достигающим ночного неба, молитвы, произносимые Ричардом, мгновенно вылетали через дверь его камеры, проносились по коридору и возносились в небо к Божьему престолу.

После молитвы Ричард проповедовал, как он это делал, когда был пастором и стоял перед собранием. Однако в отличие от прошлого, теперь его проповеди были свободны от ограничений — он не беспокоился о том, что подумают прихожане и епископ, не испытывал страх быть арестованным, не остерегался шпионов и не боялся предательства. Ричард проповедовал тихо, чтобы не привлечь внимание надзирателей, но проповеди его звучали не в пустоту. Он проповедовал перед Богом, ангелами, демонами и лицами, возникающими в его памяти, особенно перед лицом Сабины.

Ричард сосредотачивал на Сабине множество своих мыслей и молился, чтобы Бог передал их его жене. Он знал, что на неё оказывают давление, принуждая развестись с ним. Если она сохранит их брак и будет продолжать служение, её арестуют, подвергнут пыткам или же гораздо хуже...

Поразмышляв о Сабине, Ричард пожелал спокойной ночи соломенной подстилке, на которой лежал, представив, что это его сын Михай. Однажды ночью, не в силах терпеть разлуку с сыном, он бросился к стальной двери и начал стучать по ней кулаками, пока не пришли надзиратели и дали ему транквилизаторы. На следующее утро Ричард проснулся с подавленным

ГЛАВА 23

чувством безнадёжности. Неужели он, как и другие заключённые, сходит с ума?

Ричард вспомнил мать Иисуса, которая стояла у подножия креста. «Мария тоже была беспомощна, — подумал Ричард. — Но она не жаловалась. *Дай же и мне силы*, — взмолился он, — *чтобы безропотно принять судьбу моего сына Михая*». По словам Иоанна, Бог послал Своего Сына в мир, «чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Евангелие от Иоанна 3:16). Возможно, Ричард мог поступить так же.

Джон Уэсли однажды сказал, что он никогда не печалится даже четверть часа. Вспоминая Уэсли, Ричард повиновался Божьему повелению быть радостным и нашёл в себе силы смеяться, танцевать, придумывать шутки и даже играть в шахматы с самим собой. Он изготавливал шахматные фигуры из хлеба — более тёмные и более светлые. За два года он не проиграл ни одной партии!

Молчание стало для Ричарда необходимым условием его духовного роста. Одиочное заключение было священным пространством, где он мог молиться в присутствии Христа и получать исцеление. Он не мог выразить словами восторг от пребывания в присутствии Бога и сиял от радости. Иисус обещал: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (Евангелие от Луки 6:22–23). Ричард прыгал от радости и танцевал по камере, исполненный Святого Духа и удостоенный чести страдать за своего Царя.

Ричард знал, что Божьи люди, подобно гусеницам, должны пережить пребывание в тёмном коконе, прежде чем выбраться на свет. Кокон коммунизма стал для Ричарда полем миссионерской деятельности. Он принял решение любить своих гонителей не такими, какими они должны были быть, а такими,

ВУРМБРАНДЫ

какие они есть. И если Бог смог обратить Савла из Тарса, Он может привести к вере даже самых жестоких преследователей Ричарда. Со временем многие из его тюремщиков уверуют в Иисуса Христа и сами понесут суровое наказание. «Именно в процессе пыток мы научились любить их, — позже вспоминал Ричард. — Небесные врата не закрыты для коммунистов, и свет для них тоже не угас».

24

Страх в глазах двоюродного брата встревожил Сабину.

— Он сказал, что он из ЖЭКа, — сказал родственник, рассказывая о подозрительном посетителе, который заходил чуть ранее в тот же вечер. — Он говорил о возможном подселении людей в вашу квартиру. Но я уверен, что на самом деле он хотел знать, сколько у вас выходов, кроме парадного.

Сабина глубоко вздохнула. На её лбу выступили крупные капли пота. Она знала, что это означает. Скоро состоится обыск.

Глаза Сабины расширились от волнения. Услышав громкий стук, она в замешательстве заморгала, пытаясь сообразить, откуда он. Женщина с трудом определила источник: стук исходил от входной двери. У Сабины подкосились ноги. Она опустилась на стул и только теперь заметила подругу, которая ночевала в их квартире. Сабина прищурилась, пытаясь разглядеть время. Было пять часов утра. Начинался обыск.

Сабина слышала голос двоюродного брата, который звучал вперемешку с сердитыми криками. Вскоре сапоги загрохотали по лестнице, ведущей в её спальню. *«Если бы здесь был Ричард, — подумала она, — он бы знал, как обращаться с сотрудниками органов»*. Но Ричарда не было уже два года. Сабина и её подруга в ожидании сидели на постели, прижимая к себе одеяло.

ВУРМБРАНДЫ

— Сабина Вурмбранд? — проревел толстошей мужчина, который, очевидно, был старшим. — Нам известно, что вы прячете здесь оружие. Показывайте, где оно. Немедленно!

Прежде чем Сабина успела возразить, шесть сотрудников начали открывать шкафы и вываливать их содержимое на пол. На пол полетели ящики и книжная полка. Подруга Сабины вскочила с постели, чтобы собрать книги.

— Оставь! — закричал мужчина. — Одевайтесь!

Двум женщинам пришлось одеваться в присутствии мужчин, обыскивающих комнату.

— Так ты не признаёшься, где вы прячете оружие?! В таком случае мы разнесём этот дом на части!

Осмелев и успокоившись от присутствия Святого Духа, Сабина ответила:

— Единственное оружие, которое есть в нашем доме, находится здесь, — она вытянула из-под груды вещей, которые валялись под ногами, Библию.

Толстошей заревел:

— Ты пойдёшь с нами и расскажешь об этом оружии!

Сабина положила Библию на стол и попросила:

— Пожалуйста, дайте нам несколько минут, чтобы помолиться. А потом я пойду с вами.

Мужчины насмешливо смотрели на женщин, пока они молились. Затем Сабина обняла своего двоюродного брата и подругу.

— В следующем году в Иерусалиме!

Когда Сабину выводили, последнее, что она успела сделать, — это схватить со столика небольшой свёрток.

Сабину затолкали на заднее сидение «олдсмобиля» и натянули на глаза тёмные мотоциклетные очки. Поездка заняла всего несколько минут. Её вытолкали из машины и потащили

ГЛАВА 24

по лестнице, как связанную овцу. Когда Сабину толкнули за угол, она ушибла голень. Затем с её глаз сорвали очки, и дверь за ней захлопнулась.

Сабина оглядела длинную пустую комнату, переполненную женщинами. Они сидели на скамейках и на полу. Среди прочих она узнала женщину из высшего общества, фотографии которой видела в газетах, актрису в тонком платье с глубоким вырезом, даму, работавшую во дворце. Теперь и Сабина приписывалась к этим «социально прогнившим» элементам румынского общества.

К вечеру в комнату втиснули уже несколько сотен женщин. Аресты так называемых «подрывных агентов» проводились по всей стране и были посвящены празднованию годовщины со Дня освобождения, как называли советскую оккупацию коммунисты. Женщины сидели под единственной лампочкой, которая свисала с потолка, каждая охваченная собственными страхами. Шли часы. Никто не приносил им ни еды, ни питья.

«*Как долго продлится допрос?*» — задавалась вопросом каждая. — Что будет с детьми?» Михай уже потерял отца, а теперь забрали и его мать. Их дом и всё имущество будут конфискованы. Сабина помолилась за Михая, оставленного на милость друзей, которые сами находятся в опасности. Рядом с Сабиной вскочила и стала бить кулаками в дверь женщина. Она кричала:

— Мои дети! Мои дети!..

Однако никто ей не ответил.

— Меня скоро освободят, — утешала себя актриса. — Вот увидите!

Дверь снова открылась, и женщины закричали на охранников.

— Я не сделала ничего плохого! — уверяла каждая из них.

Как будто их невиновность способна спасти их! Казалось, они забыли, что шёл 1950 год и власть находилась в руках коммунистов...

ВУРМБРАНДЫ

Каждой из них повторяли: «Вас вызвали для дачи показаний». Некоторым пришлось «давать показания» на протяжении десяти лет и более.

Сабина провела ночь в многолюдной камере. На следующее утро раздались звуки духового оркестра. Шёл парад, посвящённый Дню освобождения. *«Если внизу проходит парад, — подумала Сабина, — то мы, должно быть, находимся в отделении милиции на главной улице Бухареста, на улице Победы».*

Женщины слышали, как маршируют тысячи сапог, и демонстранты ритмично скандируют лозунги:

- 23-е августа принесло нам свободу!
- Смерть вора и предателям в тюрьмах!
- Отбросим разбитые оковы!

Женщины хмурились и что-то бормотали себе под нос. Никогда ещё в истории Румынии так много людей не находилось в оковах.

В конце концов задержанным принесли чёрный хлеб и водянистый суп. После скудного ужина женщины устроились на ночь. Сабина провела долгие часы в молитве и крепком сне.

25

На следующий день в комнату вошёл сержант и начал выкрикивать имена. *Сабина Вурмбранд* была в списке первой.

На неё снова надели тёмные очки и повели к уже ожидавшему на улице фургону. Позже она узнала, что была доставлена в Департамент государственной безопасности на улице Рахова.

— Кто-нибудь знает эту гражданку? — крикнула женщина-охранник к тем, кто уже находились в камере, прежде чем затолкать туда Сабину. Её не знал никто, поэтому её оставили ждать вместе со всеми. Знакомых никогда не помещали в одну камеру. Арестованным не полагалось утешения и товарищеской поддержки. Они должны были находиться в одиночестве среди незнакомых людей. На стадии допросов никогда не оставляют долго в одной камере, чтобы арестованные не успели познакомиться, подружиться и понять, кто информатор, доносящий на заключённых, которым теоретически мог быть каждый.

За исключением молодой студентки-медика, новыми соседками Сабины оказались крестьянки. Бесчисленное множество крестьян были приговорены к расстрелу так называемыми трибуналами в процессе захвата коммунистами их земель. Почти 100 тысяч сидели в тюрьмах.

Несколько дней спустя Сабину перевели в одиночную камеру, в которой была только железная койка. Когда женщина огляделась вокруг, она застыла в ужасе: там не было даже ведра — первого, что ищет заключённый на новом месте. Пища

ВУРМБРАНДЫ

и стресс тюремной жизни вызывали постоянные кишечные расстройства. Вскоре Сабине сообщили, что пользоваться уборной ей разрешено только раз в семь-десять часов: в пять утра, в три часа дня и десять вечера. В перерывах между посещениями туалета Сабина, страдавшая от расстройства желудка, могла пользоваться только ведром.

В камере было сыро и холодно, хотя шёл август. Высоко над головой располагалось небольшое оконце, закрытое снаружи железной решёткой. Сабина дрожала в летнем пальто и шерстяных чулках, которые успела схватить, когда её выводили из дома, и была благодарна даже за эту лёгкую одежду.

Сколько же ещё пройдёт времени, прежде чем её вызовут? О чём её будут спрашивать? Сабина вспомнила слова Ричарда: «Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи». У неё их было так много, и теперь она гадала, будут ли их выбивать из неё во время допросов.

— Сегодня погуще! — пробормотал старый надзиратель, протягивая Сабине ежедневное блюдо — варёный овёс. Он был добр к Сабине. Пожилые надзиратели часто были добрее молодых. Он до сих пор надеялся, что скоро придут американцы и положат конец мукам румын. Откуда ему было знать, что прежде, чем румыны увидят свободу, пройдут десятилетия...

Ночью Сабина лежала на койке, пытаясь отвлечься от ужасающих звуков вокруг неё: скрипа стальных дверей, топота шипованных сапог и ругательств надзирателей. Каждый раз, когда рядом с её камерой открывалась дверь, женщина думала: «Следующая — я!» Однако прежде, чем за ней пришли, она провела несколько дней, борясь с клаустрофобией.

— Лицом к стене! — крикнул надзиратель, открыв дверь камеры Сабины и надевая ей на глаза тёмные очки. Когда жен-

ГЛАВА 25

щину потянули за руки по неведомым ей тюремным переходам, её охватила страшная паника. Налево, направо, налево, направо. А может, её ведут на расстрел, и она умрёт в темноте даже без предупреждения?!

Наконец переход закончился. С Сабины сорвали тёмные очки. Она стояла, ослеплённая ярким солнечным светом, в огромной комнате. Надзиратель подвёл её к стулу, который стоял перед массивным дубовым столом. Сабина уставилась на пятна чернил на его поверхности. За столом сидели двое мужчин, одетые в форму секуритате: тучный среднего возраста майор, покручивающий усы, и молодой светловолосый лейтенант, который присутствовал во время обыска в квартире Сабины. Она посмотрела на лейтенанта. Он показался ей знакомым. Когда он улыбнулся, Сабина вздрогнула. Он был похож на юношу, в которого она была влюблена много лет назад в Париже. Сходство было необычайным!

Сабина ожидала услышать, какие против неё выдвинуты обвинения. Однако майор только устало произнёс:

— Вы сами знаете, гражданка Вурмбранд, о своём преступлении против государства. И сейчас вы напишете подробное добровольное признание.

— Но что мне написать? Я не знаю, почему меня сюда привезли.

Майор нахмурился.

— Вы всё прекрасно знаете, — настаивал он.

На столе сбоку от Сабины лежали ручка и бумага. Чтобы угодить офицерам, женщина написала несколько строк о том, что она и понятия не имеет, за что арестована. Майор взглянул на них, кивнул и приказал ввести следующего заключённого.

Всю дорогу обратно в камеру надзиратель кричал и толкал Сабину, бредущую с завязанными глазами, ударяя об стены. Когда за женщиной закрылась дверь, она увидела, что он смотрит на неё через маленький глазок.

ВУРМБРАНДЫ

— Теперь сиди и думай, пока не напишешь то, что сказал тебе майор! Или же тебе не поздоровится!

Сабине было хорошо известно, что означало «не поздоровится». пытки. Запугивания. Издевательства. Унижения. Она слышала крики, которые доносились из соседних камер, команды «Расстрел!» и выстрелы по громкоговорителям, установленным в коридорах. Психологические пытки помогали смягчить упорство арестованного перед допросом.

Однако власти не ограничивались психологическими атаками. В последующие недели и месяцы Сабина станет свидетелем ужасных последствий физических пыток, которым подвергались заключённые.

Проблема, что сказать следователям, была не новой. Сабина неоднократно сталкивалась с ней в нацистских тюрьмах. Некоторые христиане считали, что лгать, даже ради спасения других, неприемлемо, и действовали в соответствии со своими убеждениями. Сабина же не собиралась говорить вору, где в доме хранятся деньги. Врач имеет право обмануть утратившего рассудок пациента, угрожающего ему оружием, чтобы обезоружить его. Коммунистическая ненависть — беспричинное безумие. И христиане обязаны ввести в заблуждение тех, чья единственная цель состоит в том, чтобы их уничтожить.

На следующее утро Сабину снова ждали майор и лейтенант. В блокноте майора был записан ряд вопросов, которые он начал задавать быстро, один за другим. Его цель состояла в извлечении информации, которая могла быть использована против Ричарда.

— У каждого человека есть своя слабость, — сказал майор. Коммунисты искали слабое место Ричарда, и Сабина знала, что допрос будет беспощадным. Следователь поинтересовался,

ГЛАВА 25

о чём её муж разговаривал с коллегами. Сабина ответила, что они всегда обсуждали религию и никогда — политику.

— Гражданка Вурмбранд, — улыбнулся майор, — Библия полна политики. Восставшие пророки, которые жаловались на египетское правление. Выступления Иисуса против господствующего класса Его времени. — Он многозначительно посмотрел на Сабину. — Если ваш муж — христианин, он должен иметь чёткие представления о правительстве.

— Мой муж не интересуется политикой.

Невзирая на давление майора, Сабина оставалась непреклонной.

— Тем не менее, гражданка Вурмбранд, — сказал он искренне, — Вы очень умная женщина. Но я не могу понять ваше отношение. Вы и ваш муж — евреи. Мы, коммунисты, спасли вас от нацистов. Вы должны быть нам благодарны. Вы должны быть на нашей стороне!

Его глаза сузились. Он начал говорить медленнее.

— Ваш муж обвиняется в контрреволюционной деятельности. Его могут расстрелять. Его коллеги дали против него показания.

Разум Сабины на миг помутился, а сердце встrepенулось. Майор, конечно же, лгал и наблюдал за её реакцией. Она попыталась выглядеть спокойной.

Он продолжил:

— Может быть, *они* просто пытаются спасти себя. А возможно, и сами являются контрреволюционерами. Мы не сможем узнать об этом, если вы не расскажете нам всё, о чём говорили люди, которые работают в миссии. Всё. — Прежде чем продолжить, он сделал паузу. — Говорите, обличите *настоящих* контрреволюционеров, и завтра же ваш муж будет свободен.

Майор повернулся и улыбнулся своему помощнику, приглашая его принять участие в разговоре об этой радужной для Вурмбранда перспективе. Молодой человек, обращаясь к Сабине, ободряюще произнёс:

ВУРМБРАНДЫ

— Тогда вы сможете вернуться домой, к своей семье.

Мысль о возвращении к Михаю и церковной общине на миг согрела Сабину, но она тотчас же напрочь отмела её.

— Я ничего не знаю! — холодно отрезала она.

Майор стоял, устремив на Сабину стальной взгляд и сжав губы. Он сделал шаг вперёд и занёс над её лицом кулак. Она была готова к побоям.

Вернувшись обратно в камеру и осматривая раны, Сабина села на койку и вытянула на матрасе ноги. Она почувствовала, что они свисают с кровати, и подумала: *«Бедный Ричард, он такой высокий, что его ноги также, наверное, свисают. Что делают с ним сейчас?»*

Прошло два года с тех пор, как Сабина видела мужа в последний раз. Как она хотела, чтобы он жил, чтобы он не сдавался, чтобы сопротивлялся! Это желание согревало её сердце всю ночь.

Майор выглядел уставшим, его глаза были слегка мутными, однако в них виднелся отблеск триумфа. На этот раз допрос был сосредоточен на нацистах. Кого из немцев знает Сабина? Каковы связи с ними у Вурмбрандов? Известно ли ей, что за укрывательство нацистов грозит расстрел? Почему в своём доме она скрывала нацистских офицеров?

Сабина могла искренне сказать, что не скрывала нацистов. Для неё они были просто людьми. Они испытывали нужду, и Вурмбранды пытались помочь им независимо от их убеждений так же, как ранее помогали и многим другим.

— Значит, вы отрицаете это обвинение, — сказал майор, ухмыляясь. — Тогда у нас есть для вас сюрприз.

Он нажал на кнопку звонка, расположенную под столом. В кабинет ввели человека, которого Сабина узнала сразу. Стефа-

ГЛАВА 25

неску жил с семьёй Вурмбрандов в 1945 году и знал всё, чем они занимались и как помогали немцам. Ладони Сабины вспотели. Стефанеску толкнули вперёд. Нервные глаза забегали от майора к лейтенанту, затем к Сабине. Он сглотнул и закрыл глаза, пытаясь отгородиться от реальности.

— Вот, Стефанеску, — сказал майор, прикуривая сигарету и делая длинную затяжку. — Расскажи нам, как Вурмбранды прятали в своём доме нацистов. — Он кивнул в сторону Сабины. — Ты знаком с этой женщиной?

— Нет.

— Что это ещё такое?!

— Я никогда не видел её раньше.

— Ты врёшь!

— Нет, гражданин следователь, — Стефанеску снова закрыл глаза и приготовился к удару.

Майор кричал и ругался. Он подошёл вплотную к лицу Стефанеску и заорал изо всех сил. Ошеломлённый и испуганный, Стефанеску вновь и вновь повторял, что не знает Сабину.

Наконец майор уступил. Он, казалось, считал всё это абсурдом: еврейка, потерявшая во время нацистских погромов всю свою семью, скрывает в своём доме нацистов, рискуя жизнями своих сына и мужа, а также своей собственной. Затем он повернулся к Сабине и переключился на вопросы о подрывной деятельности Вурмбрандов в рядах Советской армии. Сабине удалось уклониться от ответов на опасные вопросы.

Позже, лежа на нарах в камере и страдая от бессонницы, она вспоминала высоких долговязых юношей, солдат Советской армии, которые когда-то собирались в их квартире. С какой чудесной простотой они слушали Слово Божье! Ей вспомнилось, как один из них радостно затанцевал по комнате, когда Ричард сказал ему, что на третий день Христос воскрес из мёртвых.

События прошедшего дня ободрили Сабину. Даже находясь в одиночестве в своей камере, она испытывала сильное чувство

ВУРМБРАНДЫ

божественного присутствия. Бог дал ей силы и мудрости, чтобы парировать вопросы о печати Евангелий на русском языке и получении средств для оказания помощи нуждающимся. А может, худшее уже позади?

Куском штукатурки, отвалившейся от стены камеры, Сабина нарисовала на тёмном одеяле большой крест.

26

Следующим следователем Сабины был дебелый потный человек с лысой головой и волосатыми руками. Пока он читал документы из коричневой папки, Сабина долго стояла перед испачканным чернилами столом и ждала. Белокурый лейтенант что-то выписывал из толстого учебника, время от времени хитро поглядывая на неё, как будто знал что-то, что не было известно ей.

Наконец начался допрос. Все вопросы носили личный характер: семья Сабины, друзья, поездки за границу, студенческая жизнь в Париже. Следователь казался приветливым и дружелюбным, спокойным и уверенным в себе.

— А теперь, — сказал он обычным официальным тоном, которым он ежедневно даёт распоряжения, — мы хотим, чтобы вы описали историю своих сексуальных отношений.

Сабина подняла голову и растерянно сморщила лоб.

Он терпеливо объяснил.

— История ваших сексуальных связей. Она должна быть у вас, я полагаю? Ваш первый опыт. Первый юноша. Как он ласкал вас. Как вы целовали его. Что произошло дальше. Как он завладел вами и где это произошло? Или это досталось уже следующему? Расскажите нам о *его* объятиях. Сравните их обоих. Или даже троих. Расскажите о других своих любовниках. Мы хотим, чтобы вы дали полный отчёт, шаг за шагом, так сказать.

ВУРМБРАНДЫ

Его спокойный вежливый тон был словно пощёчина. Лейтенант смотрел на Сабину. Его язык прошёл по губам, пока не нашёл маленькую красную болячку на уголке рта.

— Запишите всё это. Мы хотим знать каждую подробность. Я уверен, что их много.

Сабина пыталась сохранить самообладание.

— Вы не имеете права задавать мне такие вопросы. Вы можете обвинить меня в том, что я — контрреволюционерка или что ещё вам угодно, но это — не суд нравственности.

Волосатые пальцы постучали по рабочему столу.

— Здесь мы решаем, какие вопросы задавать. Говорят, вы какая-то святоша. А мы считаем, что всё наоборот. Мы знаем, что это не так, и хотим выставить вас в истинном свете...

Он смотрел на Сабину в упор, не мигая.

— Шлюхой, — добавил лейтенант.

— Я не стану делать того, что вы требуете.

— Это мы ещё посмотрим!

Лысый следователь пылал гневом, изрыгая на Сабину свои непристойные вопросы. Из его рта изливался поток матерных слов. Хлопая мясистой ладонью по столу, он, казалось, расставлял в каждом предложении знаки препинания.

Одежда Сабины промокла от пота. Голова кружилась. Она отказывалась что-либо писать. Через час допрос был приостановлен. Следователи проделывали всё это многократно с другими женщинами, которых допрашивали. Им стало скучно.

— Время на нашей стороне, — наконец произнёс лысый следователь. — Твой муж уже признался, что он — предатель и шпион. Вы оба теперь находитесь на пути к помойке. — Он бросил на Сабину пренебрежительный взгляд. Она конвульсивно дрожала.

На Сабину надели тёмные очки и потащили по кисло воняющим коридорам обратно в камеру. За мгновение до того, как

ГЛАВА 26

втолкнуть женщину вовнутрь, очки сорвали. Тогда она впервые увидела номер над дверью.

Семь.

Она находилась в камере номер семь. Святое число. Число дней творения. Число веток на меноре. Сабина упала на койку и зарыдала. Через некоторое время она пришла в себя и немного успокоилась. Тело её всё ещё продолжало лежать там, в темноте, но дух поднялся и вырвался за пределы тюрьмы. Она вспомнила слова: «Мы сораспяты со Христом». И если пришло время сказать: «Свершилось!» — то она хотела бы только передать последние слова любви своим родным и друзьям, а также вору, находящемуся рядом с ней, как это сделал Иисус. Она знала, что во всех её страданиях Бог — с ней.

В течение нескольких месяцев Сабина находилась в одиночном заключении, выходя из камеры только для того, чтобы отвечать на непрекращающиеся вопросы следователей. Она съела полуденный жирный суп и улыбнулась воспоминаниям о том, как в первые дни их брака Ричард был привередлив в еде.

Каждый вечер в камере номер семь Сабина цитировала отрывки из Книги Исход, напоминая себе о том, как Бог избавил народ израильский от египетского рабства. Она знала, что Ричард, где бы он сейчас ни был, делал то же, и верила, что Бог избавит и их.

Лысый следователь продолжал то и дело повторять одни и те же непристойные вопросы о сексуальной жизни Сабины, а она продолжала отказываться отвечать на них: «Я не скажу вам то, что вы хотите услышать». Она знала, что даже самая худшая история сексуальной жизни не является для человека препятствием на пути к Богу и грешник с любой историей сек-

ВУРМБРАНДЫ

суальных отношений может стать выдающимся святым, если будет предан Богу. Когда-то и Раав, как повествует Ветхий Завет, была блудницей, однако в нескольких отрывках Нового Завета она названа уважаемой и благочестивой женщиной веры (Книга Иисуса Навина 2:1; Евангелие от Матфея 1:5; Послание к евреям 11:31; Послание Иакова 2:25).

Следователь, наконец, отказался от попыток разузнать о личной жизни Сабины, и несколько дней спустя её перевели обратно в общую камеру. Зима только приближалась, а тюремная камера уже была похожа на морозильную. Лёгкое пальто и шерстяные чулки Сабины были теперь предметом зависти всей камеры, и она делилась своим богатством с сокамерницами. Пальто превратилось в одеяло, а халат стал выходной одеждой для допросов. Когда Сабина предложила свои изношенные чулки девушке в тонком хлопковом платье, по её бледному лицу потекли слёзы.

— Вурмбранд! — приказал надзиратель, изо всех сил пытаясь произнести «в» в начале её фамилии немецкого происхождения. — Надеть очки!

Слепой марш по вонючим коридорам завершился в комнате, полной мужчин. Там стояла полная тишина, и Сабина чувствовала, как все они уставились на неё.

— Снять очки!

Яркий свет ослепил женщину, но ей всё же удалось разглядеть длинную комнату для допросов, в которой не было окон. За столом сидели десять офицеров в форме.

— Ты знаешь, что произошло с твоим мужем? — спросил один из них.

— Сядь. Если будешь сотрудничать со следствием и отвечать на вопросы, то сможешь увидеться с ним.

ГЛАВА 26

Сабина действительно поверила, что ей могут дать свидание. Они с Ричардом не совершили никакого преступления. Возможно, её муж уже предстал перед судом и был оправдан. Как наивна она была в начале своего заключения!

Бесконечные вопросы о Ричарде и его сотрудниках сводили Сабину с ума. На одни из них она не могла ответить, на другие отвечать не хотела. У женщины кружилась голова, а нервы были напряжены до предела.

— Здесь не разрешается плакать, — предупредил надзиратель. Но она не могла остановиться. Два часа слёзы сами собой текли по её щекам.

Сначала офицеры угрожали, а затем начали сулить Сабине свободу. Они давали ей обещания и предлагали деньги.

— У каждой женщины есть цена, — сказал лысый следователь. — Ты — порядочная женщина. Ты можешь поднять свою цену. Иуда был дураком, потому что продал своего начальника всего за тридцать сребреников. А ведь мог запросить все триста. Скажи, чего бы тебе хотелось? Свободы для тебя и мужа? Хороший приход для него? Мы могли бы позаботиться о вашей семье. А вы могли бы быть очень ценными для нас. Если бы только вы назвали имена предателей.

Когда он закончил говорить, в комнате воцарилась тишина. Нарушила её Сабина.

— Спасибо, но я уже продала себя, — ответила она. — Сын Божий претерпел мучения и отдал за меня Свою жизнь. Благодаря Ему я могу достичь небес. Можете ли вы предложить более высокую цену?

Годовщина свадьбы Вурмбрандов, 23 октября, наступила и прошла, а осень вскоре сменила зима. Сабина всё время думала о Михе. Он всегда очень легко подхватывал простуду. Кто

ВУРМБРАНДЫ

укрывает его, когда он ночью раскрывается? Каждый день в голове у Сабины роились сотни сомнений и тревог.

В ноябре в камеру пришёл сам начальник тюрьмы. Небольшой группе женщин было приказано быть готовыми через десять минут отправиться в дорогу. Задавать какие-либо вопросы было запрещено. На лицах сокамерниц Сабина видела трепет. Испуганные, они собрали свои нищенские пожитки, ожидая, что их либо освободят, либо расстреляют.

Спустя годы Сабина узнает, что на самом деле её обвинение основывалось на докладе лейтенанта секуритате Джордже Бору: «Будучи служителем евангелическо-лютеранской церкви, расположенной по адресу: улица Олтени, 45, гражданка Вурмбранд занималась враждебной по отношению к коммунистическому правительству деятельностью и совершала действия, направленные на подрыв коммунистического строя и марксистских идеалов...». Обвинения также касались её веры и призыва молиться за тех, кто находится в тюрьмах: «...В своей вере она фанатична, крайне убедительна и имеет огромное влияние».

Без суда и следствия Сабина была приговорена к 24 месяцам каторжных работ в исправительно-трудовом лагере. По истечении этого времени срок был продлён. Она была одной из многих тысяч обитателей трудовых лагерей, чей рабский труд был необходим для коммунистической экономики и которых классифицировали как админзаключённых. В газетах правительство поздравляли с созданием рабочих мест, даже не упоминая об арестах и заключении. Государство делало то, что хотело, и публиковало также, что хотело.

Трудовые лагеря появлялись по всем уголкам Румынии. «Саботажники», не выполнившие трудовую норму, цыгане, преступники, священники, проститутки, богатые буржуа — вот широкий спектр людей, которые не вписывались в «коммунистическую идиллию» и которых отправляли туда для перевоспитания. Эти лагеря были огромными, в них в совокупности

ГЛАВА 26

постоянно находилось по двести тысяч мужчин, женщин и детей, возраст которых колебался от двенадцати до семидесяти лет и выше. Такими методами во всех социалистических странах-сателлитах проводилась «социалистическая реконструкция». Румыния стала примером страны, которая успешно решила проблему безработицы.

Перед тем как у Сабины появился шанс воспользоваться этой «чудесной возможностью» перевоспитания, её перевели в пересыльную тюрьму Джилаву — самую страшную тюрьму страны...

27

Через стену в камеру Ричарда на улице Рахова донеслись слабые постукивающие звуки. Сначала он думал, что это ему послышалось, однако постукивание продолжалось. Вскоре пастор понял, что посредством стука с ним пытается общаться вновь прибывший заключённый, который находится в камере через стену. Один удар означал «а», два — «б» и так далее.

— Кто ты? — медленно постукивал незнакомец.

— Пастор, — простучал в ответ Ричард.

В течение последующих нескольких часов разворачивалась требующая множества усилий и удручающе медленная беседа.

— Вы христианин? — спросил Ричард.

Прошло некоторое время, прежде чем прозвучал ответ:

— Не могу претендовать на то, чтобы называться им.

В ходе беседы Ричард узнал, что его собеседник — радиоинженер 52-х лет, который ожидает суда за совершение тяжкого преступления. Он женился на неверующей, отступил от христианской веры и находился в глубокой депрессии. Каждый вечер, используя вновь открытую для себя систему общения, Ричард утешал и ободрял его. Со временем собеседники усовершенствовали свою систему. Один удар теперь означал первые пять букв алфавита, два — следующие пять и так далее. Таким образом, буква «б» обозначалась одним ударом, за которым следовала пауза, а затем ещё два; для обозначения буквы «е» использовались два удара, за которыми также следовала пауза, и ещё один. Однако даже этот усовершенствованный

ГЛАВА 27

вариант передачи информации не удовлетворял нового соседа Ричарда. Радиоинженер знал азбуку Морзе и со временем обучил её и соседа.

Однажды вечером мужчина простучал:

— Я хотел бы исповедаться.

С помощью постукиваний он излил своё сердце, начав с воспоминаний о том, как ударил ногой еврейского мальчика, когда ему было семь лет, и закончив признанием в мириадах других грехов. В ответ Ричард процитировал ему стихи из Библии, которые порадовали и успокоили страждущее сердце соседа. С тех пор двое заключённых рассказывали друг другу истории из жизни на свободе, шутили и даже играли в шахматы, выстукивая положение и движение по шахматной доске фигурок, сделанных из хлеба.

Когда постукивание между камерами слышали надзиратели, Ричарда перевели в другую камеру. Но теперь он знал новый язык общения и обучал ему каждого нового сокамерника. Чем чаще его переводили из камеры в камеру, тем большему количеству заключённых он передавал свои навыки. Вскоре большинство их тех, кто отбывал заключение в одиночных камерах, научились общаться между собой.

Признания, сделанные Ричарду через бетонные стены, часто начинались со слов: «Когда я был ещё ребёнком...» или «Когда я учился в школе...» Одинокое заключение тяготило разум заключённых воспоминаниями о давно забытых грехах прошлого. Воспоминания о сказанном отцам, матерям, братьям и сёстрам причиняли заключённым невыносимые муки, бередили совесть и душу, вызывали стыд. Лица оклеветанных друзей, преданных супругов и избитых детей то и дело всплывали в памяти, причиняя немыслимые терзания. Ни один грех не забывался, сколько бы времени ни прошло со времени его совершения.

Однажды утром, проснувшись, Ричард узнал, что наступила Страстная пятница. Гвоздём, найденным в туалете, он вырезал

ВУРМБРАНДЫ

на стене своей камеры имя «Иисус». Возможно, это слово утешит заключённого, который будет находиться здесь после него...

— Ты пойдёшь в карцер! — крикнул надзиратель, который застал Ричарда за этим занятием.

28

Ричарда прогнали по коридору, а затем затолкали в узкий шкаф, врезанный в стену. Он был всего два метра высотой и полметра шириной, и заключённым приходилось стоять в нём, не двигаясь, чтобы не пораниться об острые, как лезвие, гвозди. Когда надзиратель захлопнул дверь, в темноте засияли несколько маленьких точек света — отверстия для вентиляции. Ричард откинулся назад, вмиг изранив себе спину. Тогда он рванулся вперёд, и острые шипы впились в него спереди. В панике он извивался от острой боли, а гвозди всё больше впивались в его руки и грудь. Если бы он стоял совершенно неподвижно, то мог бы избежать ранений...

Через несколько часов шкаф открыли. Измученный и неспособный даже держаться на ногах, Ричард рухнул на пол. Краткий отдых — и его затолкали обратно в шкаф. Временами ему казалось, что в темноте он задыхается. Он попытался утешить себя словами царя Давида: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» (Книга Псалмов 22:4).

Ричард был заперт. В темноте он не мог даже пошевелиться, не то, что ходить. Он закрыл глаза и представил греческие пещеры на Афоне. Ютившиеся в высеченных в скале кельях, монахи-христиане сложили там молитву, которая звучала как сердцебиение: «Господь. Иисус. Христос. Сын. Божий. Помилуй. Меня». Ричард повторял эти слова часами. В конце концов

его разум дал команду сердцу самому повторять молитву, не задумываясь над словами, пока тело терпело мучения.

Ричард провёл в карцере два дня, прежде чем врач потребовал, чтобы его оттуда выпустили. Из-за отсутствия солнечного света и сытной пищи у Ричарда перестали расти волосы. Его ногти стали мягкими и сухими. Ему было всего тридцать девять. Когда его похитили с бухарестской улицы, он был красивым мужчиной в расцвете сил. А теперь, рассматривая себя в осколок зеркала, найденный в уборной, он не узнавал старика, который смотрел на него. Ричард был незнакомцем в своём собственном теле, тенью своего прежнего «я». Узнает ли его семья? Жестяная чашка в углу камеры была единственным напоминанием о том, что он находился не в аду — там нет воды.

Каждый вечер Ричард страдал от галлюцинаций — накрытые разнообразнейшими яствами огромные банкетные столы; Сабина приносит ему подносы с копчёными колбасками — его любимым блюдом; он ощущает вкус каждого солёного кусочка, с удовольствием двигает челюстями. Внезапно стены расступаются, и он оказывается в огромной библиотеке. На книжных полках над ним возвышаются миллионы книг. С восторгом он рассматривает романы, поэтические книги, биографии и многочисленные научные журналы. Затем библиотека исчезает, а на её месте появляются тысячи лиц, которые наблюдают за ним и с нетерпением ожидают его речи, которой впоследствии они аплодируют.

Ричард видел и мрачные видения. Он становился свидетелем ужасных актов насилия и кровопролития. Он видел, как надзиратели калечат заключённых и причиняют им невыносимые муки. Он часто не мог уснуть, преследуемый сексуальными фантазиями. Его мучали и эротические сны. Подобно святому Антонию Великому, который провёл тридцать лет жизни в пустыне, ему также казалось, что его пытаются соблазнить своими обнажёнными телами женщины. Он даже не мог вспом-

ГЛАВА 28

нить, каково это — заниматься любовью с Сабиной. Страдания от одиночества в сочетании с неконтролируемыми симптомами туберкулёза усиливали его сексуальное желание. Чем больше он пытался отстраниться от этого, тем более извращёнными становились видения. Ричард уже начал было думать, что он заслуживает всех этих пыток и мук. Разочарованный и истерзанный чувством вины, он взывал о помощи к Богу.

И Бог ответил на его молитву. В итоге Ричард разработал стратегию избавления от галлюцинаций. Он принял решение думать о них как о враждебных злоумышленниках-искушениях, а не как о своих грехах. Вместо того чтобы обвинять себя в этих видениях, он вооружился холодной логикой. Бог дал Ричарду блестящий интеллект. За время заключения он сочинил свыше трёхсот стихов, содержащих в общей сложности сто тысяч слов. Во времена избиений, насильственного пичканья наркотиками и лишения сна он забудет их все. Однако после освобождения они начнут постепенно вспоминаться, и он запишет их.

Вскоре Ричард развил способность во время допросов блокировать части своего разума. Таким образом, ему не нужно было беспокоиться о том, что он выдаст имена или адреса своих сотрудников. Он на самом деле не мог их вспомнить. Точно так же, как врачи используют вирусы для борьбы с другими вирусами, Ричард решил победить противника с помощью его собственного оружия. Стрелы дьявола можно выстрелить обратно в него.

День за днём Ричард боролся с галлюцинациями, подчиняя их своей воле. Он отказался позволить греховным мыслям властвовать в его камере и искренне уповал на Божье обетование: «Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно...» (Книга пророка Исаии 54:17).

29

В 1951 году, отбыв уже три года одиночного заключения, Ричард начал терять надежду снова увидеть своих жену и сына. Он вспомнил о священнике, которого знал лично и которому пришлось, отправляясь в заключение, оставить дома больную жену и шестерых детей. Голодая и не имея работы, две старшие дочери, семнадцати и девятнадцати лет, чтобы содержать семью, занялись проституцией. Их четырнадцатилетний брат, узнав о том, что старшие сёстры продают свои тела, потерял рассудок и был помещён в психбольницу. Когда отец-священник вернулся из тюрьмы и увидел, как страдает его семья, он начал умолять Бога: «Господи, верни меня обратно в тюрьму, я не могу это пережить!»

Ричард часто молился за эту семью, удивляясь, почему христиане из других стран не вмешаются и не помогут своим братьям и сёстрам, страдающим в тисках коммунизма. Он молился и о других заключённых, таких как Флореску. Через трубу в его камеру спускали голодных крыс. Он не мог спать, поскольку всё время приходилось от них защищаться. Если он засыпал хоть на миг, крысы сразу же набрасывались на него. Его заставляли стоять днём и ночью в течение двух недель. Его нещадно избивали, пытали раскалённым утюгом и резали ножом. Таким образом коммунисты пытались заставить его предать своих братьев, однако он наотрез отказывался.

Не сумев вывести имена тех, кто служили Богу вместе с Флореску, сотрудники органов похитили его четырнадцатилет-

ГЛАВА 29

него сына Александра и пытали его на глазах у отца. Этого Флореску вынести не мог.

— Александр, я должен рассказать им то, что они хотят! — воскликнул отец. — Я не могу больше терпеть твои побои!

Но сын остановил его.

— Папа, — ответил мальчик, — я не хочу быть сыном отца-предателя! Будь сильным!

Следователи, разъярённые упорным сопротивлением подростка, начали пытать его ещё более зверски и замучили до смерти, разбрызгав его кровь по камере отца.

Ричард слышал и о других злодеяниях, например, о молодой женщине, которая была поймана за то, что рассказывала детям о Христе и тайно доставляла подпольной церкви Библии. Коммунисты преследовали её, однако, чтобы сделать арест как можно более ужасным и болезненным, произвести его решили в день её свадьбы.

В праздничный день, как только началась церемония бракосочетания, дверь церкви открылась — и на пороге появились сотрудники милиции. Они подошли к одетой в белое подвенечное платье невесте. Увидев их, девушка протянула руки, чтобы на неё надели наручники. Она в последний раз взглянула на любимого, потом поцеловала наручники и сказала: «Я благодарна своему Небесному Жениху за это драгоценное украшение, которое Он подарил мне в день моей свадьбы! Я благодарю Его за то, что Он избрал меня, как достойную страдать за Него».

Милиционеры увели девушку из церкви, оставив безутешно плакать её жениха и братьев и сестёр по вере. Её бросили в тюремную камеру, где в свою брачную ночь она была изнасилована надзирателями. Пять лет спустя её вернули жениху — несчастную, разбитую женщину, на вид ей можно было дать на тридцать лет больше, чем было в действительности. Выйдя на свободу, она сказала ему, что это — наименьшее, что она могла сделать для своего Христа.

ВУРМБРАНДЫ

Жестокое обращение с женщинами во времена коммунизма всегда превосходило то, что приходилось переживать мужчинам. Ричард постоянно думал о своей хрупкой Сабине, надеясь и молясь, чтобы её не арестовывали и не пытали.

Зимой на Ричарда надевали наручники с острыми гвоздями внутри, впивающимися в его запястья. В сырой холодной камере его трясло от холода, и наручники делали месиво на его запястьях. Ричард был свидетелем того, как христиан подвешивали вниз головой на верёвках и били так сильно, что от ударов их тела раскачивались из стороны в сторону, в то время как они корчились от боли. Их палачи тушили об них столько сигарет, что на их коже не было живого места.

Летом Ричарда раздевали почти догола и помещали в «холодильные камеры», в которых было так холодно, что их стены покрывались инеем. Сначала немели пальцы на руках и ногах, потом — конечности, пока, наконец, не теряло тепло туловище, и заключённый начинал терять сознание. Тюремный доктор следил за ним через окошко в двери и, когда замечал первые симптомы приближения смерти от обморожения, подавал знак надзирателям, и те выпускали его и заворачивали в одеяла, чтобы он оттаял. Однако, как только он оттаивал, его снова бросали в «холодильную камеру». Это повторялось снова и снова. И всё это время следователь кричал на Ричарда, чтобы он отвечал на вопросы.

— Мы — дьяволы! — злорадствовали мучители.

Один следователь цитировал Ричарду Ленина: «Не разбив яиц, скорлупу не приготовишь».

Ричард осознавал, что его воля надломлена. Во время заключения на улице Рахова ему сломали четыре позвонка и много костей. Его кожа была изрезана, исколота и покрыта шрамами от многочисленных ножевых ранений, а в мышечной ткани были прожжены восемнадцать отверстий. Недоедание и недостаток сна подорвали его иммунитет. Постоянной угрозой здоровью Ри-

чарда была пневмония. Вечерами он лежал при смерти, пытаясь собрать как можно больше оставшихся сил, чтобы подготовиться к пыткам, которые продолжатся на рассвете.

Тем не менее, даже в своём сокрушении он находил исцеление, которого не переживал никогда ранее. После каждой пытки он чувствовал, как гнев и ненависть к его истязателям покидают его. Каким-то образом страдания вызывали у него сочувствие к палачам. В отличие от многих других заключённых, которые озлобились на тюремщиков, Ричард научился любить их. Он решил, что Бог будет судить его не по тому, сколько пыток он смог перенести, а по тому, как он любил своих мучителей.

Ричард верил, что коммунисты не сами были инициаторами своих злодеяний. За всем этим стоит сам дьявол. Коммунизм — это оружие сатаны против церкви. Ричард часто повторял слова Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Послание к ефесянам 6:12).

Коммунизм — это не только политическое движение. Прежде всего, это движение духовное — злобный бунт, прокатившийся по Европе, цель которого — уничтожить Божью работу. Коммунисты были лишь актёрами в большой драме. Ричард сожалел о том, что когда-то тоже был одним из них, но поскольку Христос простил *его* грехи, какими бы ужасными они ни были, он может простить грехи любого другого человека, даже своих врагов. И если в сердцах коммунистов не было места Иисусу, в сердце Ричарда не было места сатане.

Свидетельства о страданиях христиан в тюрьме города Питешти, находившейся совсем неподалёку, побуждали Ричарда оставаться верным своему решению не отречься от Христа. Христиан в той тюрьме привязывали к крестам. Кресты клали на пол, и сотни узников должны были справлять свои ежедневные потребности прямо на лица и тела распятых. Потом кресты вновь поднимали, и коммунисты издевались над верующими:

ВУРМБРАНДЫ

— Посмотрите на своего Христа. Какой Он замечательный! Какой небесный аромат!

Один доведённый до безумия пытками священник каждое воскресенье был вынуждаем собирать человеческие экскременты и мочу и ими, как хлебом и вином во время вечери Господней, преподавать христианам «святое причастие». После того как других вырывало отвратительным веществом, христиан заставляли есть его с пола.

Однако даже в этой тьме рождались герои. Одним из выдающихся героев веры был пастор Милан Хаймовичи, который доблестно переносил избиения за других заключённых. Поскольку тюрьмы были переполнены и надзиратели не знали всех поимённо, Хаймовичи неоднократно добровольно принимал избиения вместо других, когда их вызывали, чтобы дать двадцать пять плетей. Этим он заслужил уважение заключённых и продемонстрировал пример Христа в самопожертвовании ради спасения других.

Коммунисты знали, что физические пытки способствуют получению признаний. Им также было известно, какую пользу приносит промывание мозгов. Румыния стала первой коммунистической страной в Европе по успеху перевоспитания посредством промывания мозгов. Заключённых, которые отказались от своих убеждений и предали единомышленников, вознаграждали дополнительными пайками, а некоторых даже назначали на должность следователей. Конечная цель заключалась в том, чтобы заставить заключённых пытать других заключённых.

Идея такого «перевоспитания» родилась в декабре 1949 года у начальника службы безопасности Румынии Александра Никольского. Для её воплощения был выбран арестованный десятью годами ранее за помощь фашистской организации «Же-

лезная гвардия» Еуджен Туркану. Он инициировал проект «Организация заключённых с коммунистическими убеждениями». Для экспериментов были отобраны пятнадцать заключённых. Каждый, кто успешно проходил все четыре этапа проекта, получал вознаграждение и повышение¹.

Первым этапом было «внешнее разоблачение», когда заключённый должен был доказать преданность коммунистам, признав свою вину и предав друзей, находящихся за пределами тюрьмы. На втором этапе, «внутреннем разоблачении», требовалось, чтобы он предал своих сокамерников, которые помогали ему после ареста. Третий этап, «публичное моральное разоблачение», заключался в том, что заключённый должен был проклясть то, что он считал священным. Он должен был отказаться от жены или подруги, членов семьи и близких. Четвёртый и последний этап окончательно подтверждал его лояльность. Заключённый должен был «изменить» своего лучшего друга, пытая его своими же руками.

От результатов прохождения заключёнными всех четырёх этапов проекта зависела репутация Туркану, и он использовал любые возможные средства, чтобы мотивировать новобранцев. Зная, что некоторые из заключённых были христианами, он осквернял их ритуалы. Он крестил их в вёдрах с мочой и экскрементами. Во время Страстной недели он заставлял заключённых наряжаться певчими и священниками в одежды, облитые фекалиями. Во время литургий они демонстрировали порнографические акты и называли Деву Марию «Великой Шлюхой». В течение трёх лет Туркану преуспевал в своих экспериментах. Его опыт начали перенимать другие тюрьмы Румынии.

Ежедневно в течение семнадцати часов, неделями, месяцами, годами Ричарда заставляли сидеть в одиночестве и

¹ Стефан Куртуа, «Чёрная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии», Кембридж, Массачусетс: «Harvard University Press», 1999, с. 420–21.

ВУРМБРАНДЫ

слушать пропаганду, которая звучала по громкоговорителю: «Коммунизм — это хорошо! Коммунизм — это хорошо! Христианство — это безумие! Христианство — это безумие! Отрекайся! Отрекайся!»

Эффективность этого метода заключается в его повторении. Сначала, в первый-второй день, разум довольно легко сопротивляется пропаганде. Когда же дни превращаются в недели и месяцы, мозг становится восприимчивым. Слова понимаются как друзья, защищающие заключённого от жестоких физических пыток.

Ричард знал, что сила слова может руководить разумом. Он потратил годы на запоминание и повторение стихов из Писания. Подвергаясь промыванию мозгов в течение многих лет, прослушивая повторяющиеся коммунистические лозунги, он открыл для себя оружие, более грозное, чем промывание мозгов — промывание *сердца*. Разум всегда послушен сердцу, и, если Иисус Христос очистил сердце, мозг обязательно последует за ним. «Ибо от избытка сердца говорят уста» (Евангелие от Луки 6:45).

30

В последний год одиночного заключения Ричард стал слишком слабым, чтобы его можно было пытаться. Постоянно откашливающаяся кровь беспокоила врача, который наблюдал за ним через глазок в двери камеры. Если бы Ричард умер, он перестал бы быть полезным для коммунистов. «Мы не убийцы, как нацисты, — хвалился следователь. — Мы хотим, чтобы ты жил и страдал».

Той ночью Ричарда вывели из здания на свежий воздух. Он уже забыл, как выглядят луна и звёзды. Свежий воздух был чужд его лёгким, но он поспешил сделать глубокий вдох, когда его заталкивали в машину скорой помощи. Проезжая по городу, Ричард даже мельком увидел свой дом. *«Неужели меня везут домой умирать?»* — задался он вопросом.

Когда машина остановилась у тюремной больницы, Ричарда пронесли по лестнице в камеру. Вошёл надзиратель и подозрительно посмотрел на него. Он спросил Ричарда, что он сделал, чтобы заслужить тюремное заключение.

— Я пастор и дитя Божье, — ответил Ричард.

Надзиратель наклонился и прошептал:

— Слава Господу! Я — солдат Иисуса!

И он рассказал Ричарду о вступлении в «Армию Господа» — организацию, основанную православной церковью, в рядах которой состояли сотни тысяч членов. Его фамилия была Тачичи. Риска быть услышанным, надзиратель обменялся с Ричардом стихами из Библии. Последствия того, что его могли поймать,

ВУРМБРАНДЫ

были ужасными. Других надзирателей, подобных Тачичи, заключали в тюрьмы на срок до двенадцати лет и подвергали пыткам только за то, что они дали заключённому яблоко.

Не в силах больше подняться, Ричард лежал на полу, устремив взгляд на маленькое окошко в стене. Он уже не помнил, когда в последний раз видел голубое небо. Этот цвет полностью стёрся из его памяти. Как, впрочем, и зелёный. Трава сияла силой и жизнью. Ричарда поразил странный звук — щебетание птиц. Он рассказал Тачичи о Мартине Лютере, который, прогуливаясь по лесу, однажды сказал птицам: «Доброе утро, богословы, вы просыпаетесь и поёте, а я, старый дурак, знаю меньше вас и беспокоюсь обо всём, вместо того чтобы просто доверять заботе Небесного Отца».

Ужасно изнурённый, Ричард погрузился в глубокий сон, однако скоро его разбудил голос.

— Я — Леонте Филипеску. А кто ты?

Ричард напрягся, чтобы расслышать слова, которые доносились из-за стены. Это был один из первых румынских социалистов.

— Борись с болезнью, — сказал мужчина. — Не сдавайся! Через две недели нас освободят.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Ричард.

— Американцы дают фору коммунистам в Корее и через две недели будут здесь.

Ричард сомневался.

— Но даже если они не встретят противодействия, им, несомненно, потребуется больше двух недель, чтобы добраться до Румынии, не так ли?

— Ничего подобного! — возразил Филипеску. — Расстояние для них — ничто. У них сверхзвуковые самолёты!

Ричард позволил себе на миг поверить в сказанное, но приход в камеру делегации тут же возвратил его к реальности. По

ГЛАВА 30

его делу был назначен судебный процесс. Через стол от Ричарда сели женщина и четверо мужчин. Они и были судом.

— Для вашей защиты вам назначен адвокат, — заявил председатель суда. — Он отказался от вашего права вызывать свидетелей. Сядьте.

Прокурор начал обвинять Ричарда, заявив, что он — шпион империализма и работает в скандинавских церковных миссиях и во Всемирном совете церквей, пропагандирует антикоммунистические идеалы и под видом религиозной работы ведёт скрытую деятельность, направленную на подрыв коммунистического строя. Ричард, которого трясло от лихорадки, чувствовал себя так, как будто его кожу одновременно пронзали множество уколов.

Адвокат даже не предпринял попытки защитить обвиняемого.

— Вам есть что сказать в своё оправдание? — спросил председательствующий.

В свою защиту Ричард произнёс только:

— Я люблю Бога!

Десятиминутный суд закончился тем, что Ричард был приговорён к двадцати годам каторжных работ.

31

Через два дня после суда над Ричардом Тачичи наклонился над его кроватью и прошептал:

— Вас переводят. Бог да будет с вами!

Тотчас же в камеру вошли другие надзиратели, заклепали молотками двадцатикилограммовые цепи на лодыжках Ричарда и повели его на выход, к главным воротам. Подъехал грузовик с сорока другими заключёнными, и Ричарда подняли на борт. Увидев пастора, девушка из его собрания заплакала.

— Вы меня не помните? — спросила она.

Ричард хорошо помнил эту девушку и терпеливо выслушал печальную историю, которую она поведала в перерывах между рыданиями. После ареста она начала воровать еду и провиант.

— Мне так стыдно! — воскликнула она.

— Я тоже грешник, — заверил её Ричард, — спасённый по милости Божьей. Верь во Христа, и твои грехи будут прощены.

Она наклонилась, чтобы поцеловать руку Ричарда, пообещав после освобождения сообщить Сабине, что видела его.

Грузовик доставил заключённых к поезду, который направлялся в Тыргу-Окна, лагерь для туберкулёзных заключённых. Трёхсоткилометровый переезд длился целый день и ночь. Ричарда отвели в большое здание на окраине города, где его осмотрел доктор-христианин по имени Алдеа.

— Я сам заключённый, — объяснил он, — но мне позволили работать здесь врачом.

ГЛАВА 31

«Только один врач, — подумал Ричард, — на весь лагерь, переполненный больными туберкулёзом?!»

— Не буду вам лгать, — сказал доктор. — Мы ничего не сможем для вас сделать. Вам осталось жить около двух недель. Попробуйте есть всё, что вам дают, несмотря на то что еда не привлекательна.

В течение следующих нескольких дней умерли двое заключённых. Как-то Ричард услышал, как пациент умоляет доктора:

— Клянусь, мне лучше, доктор, — хрипел он. — У меня лихорадка, я знаю. Но послушайте, пожалуйста! Сегодня я кашлял кровью только один раз. Не отправляйте меня в палату номер четыре!

— Палата номер четыре? — повторил Ричард вслух.

— Это куда помещают тех, у кого нет надежды, — объяснил мужчина, который принёс Ричарду водянистый суп.

Ричард пытался есть жидкость, но его вырывало.

Через некоторое время доктор принёс печальное известие.

— Извините, но я получил распоряжение, — сказал он Ричарду, — перевести вас в палату номер четыре.

Ричарда привели в большую камеру с двенадцатью кроватями и несколькими столами. Окна были забиты железом, но в них за стенами и колючей проволокой можно было разглядеть огороды. Угроза заражения спасала Ричарда и других пациентов палаты номер четыре от прямого взаимодействия с надзирателями, поскольку никто не ожидал, что кто-нибудь из них выживет. Заключённым только доставляли к двери еду — в основном капусту, бобы и ячменную кашу.

В то время как другим заключённым приходилось работать в саду на свежем воздухе, Ричард провёл следующие тридцать

месяцев в камере смерти, колеблясь между мирами. Время от времени он впадал в кому, потом пробуждался, чтобы снова захлёбываться собственной кровью. Его спина покрылась пролежнями, из которых сочился гной. Соседи по камере пытались облегчить страдания пастора, переворачивая его до сорока раз за ночь и двигая его конечности в надежде облегчить его страдания. Несколько раз они уже было сочили Ричарда мёртвым и крестились, проходя мимо его кровати.

За две недели четверо мужчин, которые были изолированы вместе с Ричардом, умерли. После них перед болезнью сдались ещё десятки, и их койки сразу же занимали новые заключённые.

Туберкулёз быстро прогрессировал в теле Ричарда. Его грудь распухла, и из неё исходило громкое бульканье. Он изо всех сил пытался справиться с жидкостью, которая наполняла лёгкие. Царь Давид однажды сказал: «...один только шаг между мною и смертью» (Первая Книга Царств 20:3), и Ричард неоднократно почти что делал этот шаг. Когда он закрывал глаза, то понятия не имел, откроет ли он их в этом мире или уже в загробном.

«Если бы только у нас было хоть немного современных лекарств», — вздыхал доктор Алдеа, обследуя Ричарда. Ходили слухи, что американцы создали новый препарат от туберкулёза под названием «стрептомицин», однако коммунисты отрицали правдивость этих слухов, приписывая их западной пропаганде.

Со временем чудесным образом здоровье Ричарда начало улучшаться. К удивлению доктора, разум пациента прояснился, температура спала, и его лёгкие начали заживать. Ричард снова стал есть и свидетельствовать о своей вере с необычайным пылом. Каждую неделю в палату номер четыре приходила смерть, чтобы забрать очередную жертву, однако ни один из заключённых в ней больных не умер атеистом. Ричард стал их пастором. Он помогал даже наиболее убеждённым неверующим перед своим последним вздохом заключить мир с Богом. Смерть предоставила Ричарду новую паству — убийц, воров и

фашистов, и каждый из них принял надежду, которую не мог дать коммунизм.

Какое-то время койка Ричарда стояла между койкой заключённого по имени Василеску, который был надзирателем над группой священников в тюремном лагере на Дунайском канале, и койкой аббата, которого он когда-то пытал. Теперь в камере номер четыре оба умирали вместе.

Туберкулёз вызвал хаос в лёгких молодого Василеску, и однажды ночью он, задыхаясь, проснулся.

— Пастор, я умираю! — кричал он. — Пожалуйста, помолитесь за меня! — Всю ночь он то дремал, то снова просыпался и кричал: — Я верю в Бога!

На рассвете аббат Иску подозвал к себе двух соседей по камере.

— Поднимите меня! — попросил он.

— Вы слишком больны, чтобы двигаться, — запротестовали заключённые. — Мы сами сделаем, что вам нужно.

— Поднимите меня!

Его подняли.

— К кровати Василеску, — попросил Иску.

Аббат сел рядом с молодым человеком, который когда-то пытал его, и осторожно положил свою руку на его.

— Не бойся, — едва слышно произнёс он. — Ты молод. Ты едва осознавал, что творил.

Он вытер пот со лба молодого человека.

— Я прощаю тебя всем сердцем, как и все другие христиане. Для тебя тоже есть место на небесах.

Аббат Иску помог Василеску помолиться молитвой покаяния и преподал ему святое причастие перед тем, как его перенесли обратно в постель.

В ту ночь и аббат, и Василеску умерли.

Тюрьма Джилава размещалась в помещениях форта XIX века с глубоким подземным лабиринтом, в котором были расположены камеры. В окружённом ровом сыром сооружении, рассчитанном на шестьсот человек, теперь содержалось три тысячи. Джилава была знакома Сабине. Она дважды посещала эту тюрьму — в первый раз сопровождая девушку, которая искала там друга, а во второй раз в поисках Ричарда. Оба раза Сабина не получила нужной ей информации. А теперь она сама попала сюда в качестве заключённой.

Когда грузовик, доставлявший заключённых из Департамента государственной безопасности, внезапно помчал вниз, женщины завизжали. Транспортное средство остановилось, и все замерли в ожидании дальнейших приказаний.

Наконец поступила команда:

— Снять очки!

Сабина начала разглядывать большое подземное помещение без окон с мокрыми каменными полами и стенами, блестящими от сырости. Вокруг метались женщины-конвоиры в форме. Коренастая мускулистая надзирательница с рыжими волосами кричала на вновь прибывших и направляла к коллеге с книгой учёта.

— Все лишние предметы одежды, — рявкнула сержант Аспра хриплым голосом, — после поступления в это заведение остаются здесь.

У Сабины забрали летнее пальто, сделав об этом соответствующую запись в книгу. Ей вспомнился разговор с двумя школь-

ГЛАВА 32

ницами неделями ранее в камере следственного изолятора. «Да поможет вам Бог, чтобы вы никогда не узнали, что такое камера номер четыре в Джилаве», — прошептала старшая из них.

Когда группа женщин, с которыми прибыла Сабина, подошла к тяжёлой двери с железными решётками, она услышала страшные слова: «Эту партию — в камеру номер четыре!»

Внутри камеры вдоль стен высокого сводчатого помещения стояли два длинных яруса деревянных нар, образуя посредине узкий проход. С потолка свисала слабая электрическая лампочка. В дальнем конце было небольшое окно, закрашенное и зарешеченное. В затхлой камере стояла жара и зловоние. Десятки глаз устремились на Сабину сверху.

— Я Виорика, старшая по камере, — нарушил тишину голос, и Сабина увидела поднятую вверх руку. — Дайте ей койку в конце.

Сабина направилась в тёмный угол камеры, где рядом с открытым канализационным стоком стояло всего одно уборное ведро. Оно было одно на всех пятьдесят женщин, большинство из которых из-за плохого питания страдало от проблем кишечника. С кроватей свисали тела, покрытые ранами и шрамами от пыток.

В первое утро, проведённое в Джилаве, Сабина услышала, как кто-то поёт христианский гимн. Часть населения тюрьмы составляли монахини. Надзиратели презирали их пение.

— Вам разрешено петь? — позже спросила Сабина одну из монахинь.

— Нам разрешено петь, — ответила сестра Вероника, — а им позволено избивать нас за это...

В 11 часов утра Сабина стала в очередь за супом. Каждая женщина получала ложку жидкости и кусочек чёрного хлеба. Когда в камеру втолкнули парящий чугунок, вспыхнули ссоры

ВУРМБРАНДЫ

из-за несправедливости при разделе пищи на порции, и помещение наполнилось свирепыми воплями. Потом появились надзиратели с дубинками.

Сержант Аспра орала:

— Мы слишком сильно жалеем вас! Если так будет продолжаться, завтра будете голодать!

Весь пол был в лужах от пролитого супа. Из темноты доносились всхлипывания. Когда надзиратели, хлопнув железной дверью, ушли, рыдания вырвались на свободу.

— Сегодня больше не будет пищи, и завтра тоже! — рявкнула Аспра.

Девушка, сидящая рядом с Сабиной, коснулась её руки:

— Бедняжка. Вы так и не успели ничего поесть.

— Ничего, всё равно еда была не очень аппетитной.

— Это из-за гнилой моркови, — объяснила девушка по имени Елена, сморщив нос. — Государственный овощной трест свалил сюда триста тонн испортившейся продукции, которую никто не захотел покупать даже для свиней. А мы питаемся этим уже несколько недель.

К Сабине приглядывалась большая властная женщина.

— Ты кто? Почему ты здесь? — потребовала она объяснений. — С тех пор, как ты прибыла, ты не произнесла ни слова.

Женщины с интересом наблюдали, как их сокамерница свирепо уставилась на Сабину со своей койки.

Сабина назвала своё имя и сказала, что она — жена пастора.

— Религиозная, значит, да? А ты знаешь какие-нибудь библейские истории? — поинтересовалась седовласая крестьянка.

— Да, да, пожалуйста, расскажи нам что-нибудь! — к ней присоединились и другие голоса. — А то здесь так скучно!

Однако мужеподобная властная женщина стала вести себя ещё более враждебно.

— Ещё возьмите и превратите это место в церковь! — сердито прошипела она и отвернулась.

ГЛАВА 32

— Не обращайтесь внимания на Эльзу Гаврилоу, — посоветовала Елена. Даже в тёмной камере Сабина видела, как блестят её глаза. — Она давний член партии и очень признательна за предоставленную ей возможность переосмыслить свои идеологические ошибки в Джилаве — «лучшем перевоспитательном заведении»!

Чтобы ободрить голодных и впавших в уныние женщин, Сабина рассказала им историю об Иосифе и его братьях, объяснив, как может повернуться колесо жизни, когда всё выглядит безнадежно. В то время как горстка женщин внимательно слушала рассказ Сабины, остальная часть обитателей камеры гудела и выражала недовольство. Женщина поймала на себе взгляд рыжеволосой Виорики.

— Будь осторожна, — прошептала она. — Если Аспра услышит разговоры о Боге, будет беда!

На следующее утро Виорика появилась в проходе между койками.

— Наконец-то я вспомнила, кто ты! — сказала она, указывая пальцем на Сабину, которая застыла на своей койке на верхнем ярусе в ожидании. — Я долго не могла вспомнить. Твое имя было мне очень знакомо. *Я знала, что где-то слышала его раньше.*

Остальные женщины удивлённо уставились на Сабину, ожидая, что тайна раскроется.

— Да! — торжествующе произнесла Виорика. — Она проповедница. Жена этого пастора, как его, Вурмбранда!

Главная по камере с гордостью объявила, что её дядя возглавлял православный храм в Бухаресте и слышал выступление Ричарда Вурмбранда на конгрессе культов.

— Единственный из четырёх тысяч присутствующих, кто встал и высказался как человек Божий, когда все остальные

ВУРМБРАНДЫ

приветствовали коммунистов, — объяснила Виорика. — Вы знаете, что после всего этого был уволен министр культов?

Потом она повернулась к Сабине.

— Я как-то побывала в вашей церкви. Богослужение было прекрасно!

Так во мгновение ока Сабина превратилась в героиню. Виорика переселила её на стоящую пустой лучшую койку, которая находилась за несколько метров от ведра.

На завтрак Сабина получила свой первый *тертч* — блюдо из варёной кукурузы — и огляделась в поисках чего-либо, чем можно было бы его есть.

— Она ищет ложку! — с издёвкой произнесла госпожа Гаврилоу. — Лакай его!

Сабина попыталась хлебать жидкую жижу, от которой несло сыростью, из мелкой оловянной тарелки, но та всё время стекала по подбородку. Лакать стоя на коленях показалось ей слишком по животному, поэтому свой утренний тертч она отдала соседке. Позже, однако, Сабина вспомнила Гедео́на — героя, который отправился сражаться с врагами Израиля. Бог сказал ему отобрать только тех солдат, кто лакал воду из реки, как собаки, то есть тех, кто готовы были принять наибольшее унижение (Книга Судей 7:5). Иисус также смирил Себя до предела. И если Он мог принять такие унижения, то и Сабина могла. Когда принесли очередную еду, Сабина начала лакать её из миски. Даже лакая, женщины потребляли едва ли достаточно калорий, необходимых, чтобы выжить.

В тюрьмах коммунисты обычно кормили заключённых впроголодь, в результате чего те становились вялыми и слабыми, а следовательно, доставляли меньше хлопот. Кроме того, мечты о лучшем питании побуждали женщин добровольно соглашаться на работы в трудовые лагеря.

ГЛАВА 32

Сабина и другие христиане часто собирались вокруг коек монахинь, тихо пели песни и ухаживали за ранами страдающих женщин в камере. Большинство заключённых принадлежали к православному вероисповеданию. Неграмотные, они очень боялись умереть без священника и последних обрядов. Монахини повторяли над умирающими слова заупокойной службы, даруя им умиротворение и надежду.

— У тебя ведь есть опыт работы с женщинами, помоги нам избавиться от склок, — как-то попросила Сабину госпожа Ступинеау, ближайшая союзница Елены.

Эта высокая статная женщина была зажиточной вдовой, пока коммунисты не отобрали у неё всё. Обеднев, она выжиwała, продавая свечи и убирая в церкви, щедрым меценатом которой она когда-то была. Госпожа Ступинеау была предана французским семинаристом, который посетил её церковь. Расспросив женщину о религиозных преследованиях, информатор секуритате тут же донёс на неё. Ей было всего сорок шесть лет, но за год, проведённый в Джилаве, её волосы полностью поседел.

Джилава была местом несправедливости и террора. Заместительница сержанта Аспры, капрал Георгеску, медлительная девушка с плоским лицом и ещё более плоским умом, собрала заключённых для выполнения физических упражнений.

— Когда я требую выходить на улицу, никто не должен быть последним. Все должны выходить вместе! — кричала она. Но пятьдесят женщин не могли одновременно выйти через одну дверь. Однако не могли и спорить с Георгеску. — Когда я отдаю приказ — вы подчиняетесь, — шипела капрал. Её удары и пинки всегда доставались самым старым и немощным, которые не могли передвигаться быстро.

ВУРМБРАНДЫ

— Разве вы не знаете, что такое жалость?! — как-то воскликнула Сабина. — В Библии написано, что те, кто не проявляют жалости к ближним, сами не получают её от Бога! (Послание Иакова 2:13).

— Нет, я не знаю, что такое жалость! — проревела Георгеску. — И знать не хочу!

Сабина привыкла к людям, которые любят и ненавидят, но эти девушки-истуканы в военной форме были превращены в марионетки. Если поступал приказ бить, они били. Они прошли школу, где им преподавали слепое повиновение. В прошлом многие из них были крестьянками, которые никогда ничем не обладали: ни одеждой, которая была бы наряднее, чем их форма, ни игрушками, более дорогими, чем их револьверы. Румыния была их царством, и здесь они правили, как хотели.

Мучительные воспоминания бередили обитателей камеры номер четыре. Горе одной женщины часто вызывало ужасные воспоминания у всех остальных. В течение многих часов заключённые корчились и кричали, вновь и вновь переживая ужасы, которые испытали ранее. Сабина боролась с безумием посредством молитвы. «Господи, — взывала она, — если Ты сможешь мне оказать влияние на этих женщин, дай мне и мудрость, чтобы завоевать их души для Тебя». И Бог предоставил ей первую возможность уже следующим утром.

На следующее утро Сабина столкнулась лицом к лицу с Эльзой Гаврилоу, бывшим членом партии.

— Только попробуй снова здесь проповедовать! Я буду барабанить в дверь, пока не придут надзиратели! — угрожала она.

Сабина ответила:

— Эльза, вы всё ещё преданы партии?

ГЛАВА 32

— Несомненно! — ответила она. — И никогда не изменю своих убеждений. Мой арест — это всего лишь недоразумение.

— Мой арест также не изменил мою веру во Христа. Наоборот, она стала ещё крепче. И я хочу рассказать людям, какого друга они имеют в Иисусе.

— Из-за тебя накажут всю камеру, — предупредила Эльза. — Я не собираюсь страдать за твоего Бога. Во всяком случае, Он не сильно тебе помог.

— Если Бог вам так не нравится, — поинтересовалась Сабина, — то какой же Он в вашем представлении?

Эльза описала фанатика, который подавляет науку и выжимает деньги у пролетариата, используя украденное на строительство новых церквей.

— То, что вы называете богом, конечно же, крайне непривлекательно, — согласилась Сабина. — Однако Бог, Которого я люблю, — совершенно другой. Он разделил бедность трудящихся, был воспитан среди угнетённых, кормил голодных и исцелял больных. Он учит любви. Он умер за нас...

— Любовь! — голос Эльзы вздрогнул. — Что в ней хорошего? Я сама ненависть! Если бы ты знала, как я ненавижу своих соратников-предателей, которые упрятали меня сюда. Я желаю им попасть в ад! Я посвятила партии всю свою жизнь, и вот что они сделали со мной. — Она грустно склонила голову. В её глазах заблестели слезинки. — Может, ещё скажешь помолиться: «Прости им, Отче?» — прошипела она. — И мне тоже не нужно ничьё прощение. Это всё обман.

Эльза заплакала.

— Мне всё равно, — всхлипывала она. — Если придут американцы, то меня повесят. Если останутся коммунисты, я сгнию в тюрьме. Какое прощение?!

Из глаз женщины непроизвольно потекли слёзы. Через некоторое время она села и вытерла серое лицо краем юбки.

ВУРМБРАНДЫ

— Сабина Вурмбранд, ты хитрая. Я требую от тебя прекратить проповедовать, а ты через пять минут уже умудряешься проповедовать мне.

Джилава была набита под завязку, и ситуация с каждым днём ухудшалась. В камере номер четыре, рассчитанной на тридцать человек, к Рождеству было уже восемьдесят. Сабина продолжала проповедовать Евангелие своим сокамерницам и преподавала уроки французского и немецкого языков, черепком записывая слова и предложения на инсектицидном порошке ДДТ. Её друзья также сильно пострадали, многие погибли. Слухи о скором приходе американцев циркулировали по тюрьме, однако им так и не суждено было сбыться. А в это время в камере номер четыре, окружённые страданиями, ковались будущие святые...

Однажды утром в камеру вошла капрал Георгеску со списком в руке:

— Каждая, чьё имя я назову, должна быть немедленно готова к переезду!

Наконец имена были зачитаны, однако причина отъезда не указана. К этому времени уже мало кто из женщин надеялся на то, что её освободят. Но что может быть хуже, чем Джилава?!

День за днём Сабина ждала, что назовут её имя. И свой шанс она получила 6 января 1951 года, в день двенадцатилетия Михая. В восемь часов утра её вывели из камеры номер четыре и поставили на сильном морозе в ожидании грузовиков, которые вскоре отвезли заключённых в Генцею, транзитный лагерь неподалёку от Бухареста. После стольких месяцев, проведённых в подземелье Джилавы, Сабина наслаждалась ясным видом ночного неба.

— Освобождение?! — хмыкнула долговязая девушка с тёмными глазами, услышав разговоры вновь прибывших, у которых

ГЛАВА 32

опять появилась надежда на избавление. — Какие глупости! — Она уставилась на Сабину. — Это пункт отправки на канал.

На распределительной станции близ Бухареста женщины сели в поезд и отправились на Дунайский канал. Наконец они смогут работать на свежем воздухе. Теперь у них будет достаточно пищи. Много часов спустя поезд остановился, и Сабина вывалилась на перрон, усталая и изнеможённая. На табличке, висевшей на платформе небольшого придунайского городка, было написано: «Чернаводэ». Лагерь находился за много километров от станции, поэтому заключённым, чтобы преодолеть последний отрезок пути, пришлось идти всю чёрную зимнюю ночь пешком.

Тогда Сабина и предположить не могла, какие ужасы ожидают её на Дунайском канале...

Шокированная Сабина широко открыла глаза и соскочила с койки на холодный пол тюремной камеры. Её сердце бешено стучало.

— Тварь! — визжала женщина, лежащая рядом с ней. — Она прыгнула на мою кровать!

Сабина услышала в темноте шорох и писк и ощутила едкий запах животного. Крысы!

Первая ночь в Чернаводэ была ужасающей. Крысы постоянно прерывали сон, на который заключённым было выделено несколько часов.

Прибыв в трудовой лагерь, Сабина узнала, что здесь заключённым часто дают разрешения на свидания с родственниками. Сабина надеялась наконец увидеть Михая, мысли о котором занимали весь её разум каждую ночь.

На следующий день Сабина надеялась на отдых и возможность постирать грязную одежду. Однако её надежда оказалась тщетной.

Вся женская часть лагеря находилась во власти Доциле Рины, которая отбывала длительный срок.

— Всем вновь прибывшим собраться на улице для посещения бани! — закричала Рина.

Сабина стала в колонну вместе с другими женщинами и в сопровождении вооружённого конвоя замаршировала по замёрзшей грязи. В бане она разделась под пристальным взглядом надзирателей.

ГЛАВА 33

Заключёнными в Чернаводэ были образованные женщины и хорошо воспитанные молодые девушки, однако встречались и обыкновенные преступницы, и даже проститутки. В присутствии надзирателей проститутки визжали, выкрикивали непристойности и демонстрировали неприличные жесты. Надзиратели смеялись и топали сапогами. Рина кричала на заключённых, призывая к порядку.

Всё вокруг Сабины закружилось. Влажный бетонный пол ушёл из-под ног. В глазах потемнело. Из-за напряжения в пути, голода и стыда случился обморок. Женщины отнесли её в барак и уложили на койку. Кто-то бросил рядом пиджак и мешковатую юбку с грязными серыми и белыми полосами. Сабина пыталась справиться с силами, чтобы надеть эту одежду. Ушибленное место пульсировало от удара о цементный пол бани.

Черноволосая, с еврейскими чертами лица, Сабина, должно быть, имела диковинный внешний вид. Заключённые начали бросать на неё любопытные взгляды. Осмотрев вновь прибывшую, «политическая элита» пришла к выводу, что к ним она не принадлежит, и предположила, что она, должно быть, цыганка. С этого момента в Чернаводэ Сабина была причтена к кругу цыган.

На следующий день, рано утром, заключённые готовились к переходу из лагеря на Дунайский канал. Холодный ветер дул по равнине со стороны Чёрного моря, пронзая их тонкую одежду. Конвоиры в тёплых зимних шинелях били каждую женщину, которая осмелилась пошевелиться, чтобы согреться.

В ряды женщин влились десятки мужчин.

— Вывожу две тысячи преступников и контрреволюционеров! — крикнул начальник конвоя, когда колонна поравнялась с железными сторожевыми вышками.

ВУРМБРАНДЫ

Колонне, казалось, не было конца. Она простиралась вдаль, как огромный зверь, организм, в котором бурлила собственная жизнь. Сабине вспомнились её предки — рабы-израильтяне, которые в древние времена жили в Египте и трудились на строительстве для фараонов.

Дунай, вторая по длине река Европы, протекала через страны, попавшие в железные клещи коммунизма. В трудовых лагерях политзаключённых и преступников использовали для рытья канала, который должен был соединить Дунай с Чёрным морем. А тех, кому было не под силу выполнить дневную трудовую норму, ожидали голод и жестокие наказания. Чтобы выжить, заключённым приходилось есть собак, змей, мышей и траву. Миниатюрное тело Сабины было плохо приспособлено к тому, чтобы нагружать в тачки замёрзшую грязь и носить в воду тяжёлые каменные глыбы. Острые края камней резали её крошечные пальцы, оставляя их распухшими и кровоточащими. Ночами ей снились сны об аспирине и облегчении боли. Не зря этот проект в народе назывался «смертельный канал».

Заключённые в Чернаводэ строили вдоль канала набережную. Женщины наполняли землёй тачки; затем мужчины перевозили их на расстояние ста метров, а потом спускались с этой тяжестью по крутому склону к парпету плотины. Нагрузив первые несколько тачек, Сабина пошатнулась, пытаясь поднять тяжёлую лопату мокрой земли к борту.

Над каждой бригадой был поставлен бригадир. Он устанавливал рабочие нормы на день и следил за ходом работ. Если, приложив огромные усилия, бригаде удавалось выполнить норму, на следующий день бригадир увеличивал её. Если же норма не выполнялась, всю бригаду наказывали.

— Давай! Просыпайся! — с расстояния метров в двадцать прозвучал голос Рины. — Что, захотела на всю ночь в карцер?

От одного лишь упоминания о *карцере* в жилах Сабины застыла кровь. Ричард провёл два дня в этом гробоподобном обби-

ГЛАВА 33

том шипами шкафу. Карцер был обычным наказанием в лагерях, расположенных на канале, и после тяжёлого рабочего дня для заключённых он был просто мучением. А на следующий день надо было снова выходить на работу, зная, что, если из-за усталости не получится выполнить норму, вечером опять будет карцер.

В обеденное время заключённые получили полкило хлеба, немного супа и овсяной каши. Эта еда была лучше, чем в Джилаве, однако всё же далеко не соответствовала рациону, необходимому для выполнения непосильной работы на канале.

После обеда заключённые трудились ещё четыре часа. Когда спустились сумерки, для возвращения в лагерь их снова выстроили в огромную колонну. По дороге несколько заключённых рухнули на землю. Наиболее сильные мужчины поднимали упавших, забрасывали их руки себе на плечи и тянули, пытаясь остаться незамеченными для конвоиров. Холодный ветер, казалось, не прекращался ни на миг.

— Возвращаю две тысячи преступников! — закричал начальник конвоя, когда колонна достигла наконец ворот.

— Бодрящий ветерок! — весело воскликнул один из конвоиров, кутаясь в толстую тёплую шинель.

Сабина промёрзла до мозга костей. Её руки и ноги покрылись волдырями, которые болели такой же пульсирующей болью, как и мышцы, и голова. На следующий день у неё обязательно будет сильная простуда.

Ряды заключённых Чернаводэ состояли из чёрствых потерянных преступников, и Сабина искала возможности рассказать им истории из Писания, чтобы посеять в их омертвевшие сердца слова ободрения из Евангелия.

— Один великий Божий человек сначала был мошенником, — сказала она женщинам. — Его звали Матфеем. Но когда он встретил Господа, то был так тронут, так очарован Его благодатью, что оставил всё своё имущество и стал Его учеником (Евангелие от Матфея 9:9). — Она смотрела им в

ВУРМБРАНДЫ

глаза, и грусть, которая в них отражалась, рвала её сердце на части. — Вор стал святым, прощённым человеком, любимым Иисусом, а также по сей день известным во всём мире.

Одни женщины насмехались над словами Сабины, а другие явно хотели услышать больше.

Пропать между уголовными и политическими заключёнными (все арестованные по религиозным мотивам считались политическими) нечасто можно было соединить мостиком. Находясь на равном расстоянии между всеми враждующими группировками, обращаясь с любовью к наихудшим преступникам в бараке и указывая на грех дамам из высшего общества, Сабина, цыгано-еврейская христианка, естественно, заслужила не один презрительный взгляд от представителей обеих группировок.

Сабина разговаривала не только с теми, кто находился рядом. Она часто представляла, что беседует с Ричардом, особенно в годы одиночного заключения, и предугадывала его ответы. Вурмбранды, которые в течение многих лет находились в вынужденной разлуке, до сих пор оставались одним целым.

Сабина спрашивала всех, кто работает на канале, не слышали ли они о её муже. Она очень боялась страшных новостей, но всё же отчаянно пыталась узнать о судьбе Ричарда. Однако никто ничего о нём не слышал до тех пор, пока из Вакарешти — тюрьмы, куда отправляли безнадёжно больных, — не прибыли три женщины.

— Каждый раз, когда ты говоришь о Боге, я вспоминаю Вакарешти, — сказала одна из них Сабине. — Я была там недолго, но там тоже был проповедник, как и ты.

Сердце Сабины замерло.

— Мы стояли на лестничной клетке, ожидая очереди воспользоваться ванной, — продолжала свой рассказ женщина, — когда вдруг услышали голос, доносившийся из-за двери камеры. Мужчина, который находился по ту сторону двери, говорил:

ГЛАВА 33

«Любите Иисуса и верьте в Божью доброту!» Мы все были очень сильно удивлены. Мы расспрашивали, кто был этот человек, но так и не узнали.

Услышав этот рассказ, Сабина была уверена, что тот проповедник — Ричард. Его голос звучал, как голос очень больного человека. Через несколько дней он перестал проповедовать. Она слышала, что он умер.

Вернувшись в тюремный барак в одиночестве, Сабина упала на железную койку и заплакала. Однако это горе породило в ней новую надежду. Она продолжала молиться и просить Господа, чтобы Он продлил годы жизни и укрепил здоровье того человека, который служил Ему верой и правдой даже в одиночной камере.

Со временем слёзы Сабины высохли. Она с нетерпением ожидала дня, когда её сможет навестить в Чернаводэ Михай. Надзиратели раздавали заключённым открытки, чтобы написать близким и пригласить на свидания. Молясь о том, чтобы эти открытки не оказались ловушкой, с помощью которой власти обманным путём намеревались заставить заключённых выдать имена и адреса родных и друзей, Сабина написала Михая.

В воскресенье, когда должен был состояться визит, Сабина проснулась задолго до рассвета. Оконные стёкла были с обеих сторон покрыты инеем. Она лежала в ожидании наступления утра.

Наконец забрезжило. Сабина выбежала во двор в надежде увидеть ожидающих за воротами посетителей. Прищулив глаза и прикрыв лицо от яркого света восходящего солнца, она увидела Михая. Он был высокий и худой, в изодранной одежде. Она узнала человека, стоящего рядом с ним, — это был пастор их церкви. Она неистово замахала руками, однако они не заметили

ВУРМБРАНДЫ

её в толпе остальных женщин, которые прижимались к колючей проволоке в надежде увидеть близких.

Внезапно за спиной Сабины вспыхнула драка, в эпицентре которой торжествующе стояла Рина. Поскольку на прошедшей неделе многие не выполнили свои трудовые нормы, свидания были отменены.

Михай и пастор провели всю ночь в поезде из Бухареста и, можно сказать, выбросили сбережения, в которых сами сильно нуждались, на ветер. Им не удалось даже перемолвиться с Сабиной словом, не то что передать ей одежду и пищу, которую привезли с собой.

Небольшая группа посетителей, человек около тридцати, весь день прождала у ворот в надежде, что комендант передумает. Однако руководство было неумолимо, и ближе к вечеру посетителям всё-таки пришлось разойтись.

Заключённым разрешили написать приглашение на свидание ещё раз. И через несколько недель, в воскресенье, Михай снова совершил поездку в Чернаводэ. На этот раз не было никакого наказания. Однако запускали на свидание в алфавитном порядке, и фамилия Вурмбранд (которая начиналась на букву W) стояла в списке последней. Было мало надежды, что офицер доберётся до этой буквы до истечения времени свиданий. Заключённые женщины делились одолженной одеждой, пытались выглядеть как можно лучше. Они репетировали слова, которые скажут своим семьям. Им нужно было успеть всё за пятнадцать минут. Находиться от родных они будут на расстоянии в десять метров, и каждое слово будет прослушиваться.

Наконец, ближе к концу времени свиданий, имя Сабины всё-таки прозвучало. Увидев сына, мать забыла о том, что находится в заключении, как выглядит и как себя чувствует, она просто пыталась обнять его своими глазами. Какой он худой и какой серьёзный! Она смотрела на него, а он — на неё. Пятнадцать минут пролетели как одно мгновение. Они не сказали

ГЛАВА 33

друг другу почти ничего. В конце свидания Сабина закричала через пространство, разделяющее её с сыном: «Михай, веруй в Иисуса всем сердцем!» Она знала, что её сын, как и тысячи других мальчиков и девочек, оставлен на произвол судьбы — без близкого человека, который мог бы вести его по жизни и наставлять в вере. И коммунисты использовали это для достижения собственных целей.

Слова Сабины пустили корни в сердце сына, хотя она об этом не знала. И проросли в нём, подобно дереву из маленького семени, чтобы напоминать ему всегда держаться Христа.

Конвоир толкнул Сабину в плечо и повёл из комнаты свиданий обратно в барак. В течение нескольких часов женщина не могла говорить. Драгоценная память о сыне действовала как успокаивающий бальзам на её усталую страждущую душу...

Когда Сабина была ещё ребёнком, она ненавидела ночь. Теперь же она жаждала её как освобождения от убийственной работы на Дунайском канале. Тем не менее, когда ночь наступала, Сабина не могла уснуть. Она сидела и молилась за женщин из своего барака, из лагеря, за миллионы заключённых в коммунистическом мире, а также за христиан, которые мирно спали на Западе — за тех, которые, как она надеялась, молились о страдающих в коммунистических странах христианах.

Каждое воскресенье в Чернаводэ заключённым устраивали лекции по перевоспитанию. В актовом зале утомлённых женщин собирали, чтобы они слушали словесные нападки на Бога.

— За этими стенами все коммунисты, — начала свою речь лектор. — Но только вы упорствуете в своём религиозном безумии, и мы отучим вас от этого. Сейчас у руля коммунистическая партия, и её руководство лучше знает, во что вы должны верить. Здесь вы не в *тюрьме*. Вы находитесь в учреждении перевоспитания. Здесь вы будете строить своё счастливое будущее! Трудиться на благо Родины и будущих поколений! Перевыполняя трудовые нормы, вы можете приблизить своё освобождение, освобождение реабилитированного гражданина.

После лекции по воспитанию начинался пропагандистский концерт, во время которого певицы кабаре и мелкие актрисы воспевали песни хвалы коммунизму. Одна из немок, когда-то пухленькая и симпатичная, а теперь измождённая тяготами

ГЛАВА 34

тюремной жизни, патетически сложила руки и запела. Её голос срывался на высоких нотах. Офицеры в переднем ряду гудели и смеялись. Что может быть смешнее, чем измученная фрейлейн, высмеивающая сама себя и свою страну? Она дрожала, по её щекам текли слёзы.

Мало кто мог сопротивляться этому цирку. А те, кто могли, всё равно позволили идеологической обработке повлиять на себя. Нередко грязь, которую на них выливали, прилипала к ним.

Во время таких концертов Сабина отказывалась аплодировать.

— Притворись, какое это имеет значение? — убеждали её сокамерницы. — Стоит ли из-за этого напрашиваться на побои?

Но когда Сабина слышала, как клеветали на её Бога, и видела красоту, втапываемую в грязь сапогом, то не могла потворствовать этому. Она пряталась за спины тех, кто стоял в задней части зала, но не хлопала в ладоши.

— Я располагаю информацией, что ты не аплодировала во время лекции по перевоспитанию и концерта во второй половине дня, Вурмбранд! — строго отчитывала Сабину комендант, хмурясь из-под фуражки. — Твоё поведение раскрывает твою контрреволюционную сущность, которая не поддаётся надлежащему перевоспитанию. — Она облизала губы. — Мы были добры к тебе. Теперь к тебе будут применяться другие методы.

В тот вечер вместо того, чтобы отпустить в барак, Сабину потащили в карцер. В железной двери зияли несколько узких отверстий для воздуха. Пищу просовывали через небольшую щель внизу. На Дунайском канале надзиратели наслаждались возможностью посадить заключённого в карцер.

Через несколько часов пребывания в карцере ноги Сабины стали гореть. Каждый раз, когда она шевелилась, словно острое железное лезвие впивалось в её бок. *«Сколько часов меня*

ВУРМБРАНДЫ

здесь продержат?» — задавалась она вопросом. Сабина знала, что в этих шкафах для пыток люди теряли рассудок, позволяя ужасным мыслям одолеть себя. Но как избежать этого?

С потолка карцера капала вода, и Сабина решила использовать этот раздражающий звук, чтобы отвлечься. Она начала считать капли. Одна: существует один Бог. Две: есть две скрижали закона. Три: Бог есть Троица. Когда счёт достиг пятнадцати или шестнадцати, она начала всё сначала. Вскоре, когда её одолело отчаянье, она закричала:

— Один! Два! Три! Четыре! Один! Два! Три! Четыре!

Со временем слова Сабины стали бессвязными. Её разум перешёл из хаоса в покой, и, хотя тьма порождала всё новые муки, дух её продолжал общаться с Богом. Через час или два разум вернулся к Сабине отдохнувшим. Её рассудок был спасён!

Вскоре после освобождения Сабины из карцера полковник Альбон проводил осмотр лагеря. Он обходил Чернаводэ, обводя презрительным взглядом ряды серых призракоподобных женщин, и уже собирался уходить, когда к нему подбежала девочка-цыганка. Она тайно встречалась с лейтенантом службы безопасности и была теперь беременна.

Альбон направил доклад о дисциплинарном нарушении в Бухарест, после чего пришёл приказ о переводе женщин из Чернаводэ в женскую трудовую колонию, подальше от мужчин. Так Сабина оказалась в лагере, который назывался «4-й километр» (или K4).

С утра до вечера узники лагеря K4 грузили на борт баржи тяжёлые камни, чтобы переправлять их по реке в нужное

ГЛАВА 34

место и выбрасывать за борт, что невозможно было сделать, не вызывая огромные всплески. Через несколько минут после начала работ все были промокшими до нитки. Ледяной ветер дул с равнины Бэрэган и замораживал одежду Сабины. Из-за тяжёлых каменных глыб её пальцы были исцарапаны, а ногти изорваны. Женщина задавалась вопросом, сможет ли она когда-нибудь снова стоять прямо.

Вечером, возвратившись в барак, заключённые ложились спать в промокшей одежде. Как Сабина мечтала хоть о лучике солнечного света! Похожая на серый призрак, она была так худа, что леденящий ветер, казалось, продувал её насквозь.

Около одиннадцати часов вечера дверь барака с грохотом распахнулась. В помещение, крича во весь голос, ввалилось полдюжины надзирателей.

— Подъём! Всем встать! Комендантский осмотр!

Ошеломлённые перепуганные женщины, дрожа, выскакивали из-под серых одеял. В их усталых глазах отражался страх. Они заползали по полу, собирая свои вещи. А вдруг это перевод на новое место?

— Женщины! — В барак вошла комендант в таких начищенных сапогах, что в них отражался тусклый свет лампочек. — Я хочу, чтобы все те, кто может говорить на иностранных языках, сделали шаг вперёд.

Вперёд начали выходить женщины — представители так называемого буржуазного общества, а среди них и Сабина. Из их имён составлялись списки. В течение многих часов женщинам приходилось только догадываться о том, что же на самом деле означает этот поздний подъём.

— Им нужны переводчики, вот что, — предположила одна из женщин. — Американцы идут! И французы!

ВУРМБРАНДЫ

Осуждённые по криминальным статьям зеленели от зависти при мысли о комфортной работе, которая ожидала их интеллигентных сокамерниц.

На следующее утро, бредя по равнине на работу, Сабина ликовала от предвкушения новых перспектив. *«Может ли это быть правдой? — задавалась она вопросом. — Работа в качестве переводчика в каком-нибудь тёплом кабинете, подальше от этого вечного ветра... А если произошли какие-либо глобальные международные перемены?»* Карьер гудел от возбуждённых слухов...

В тот день Сабина работала рядом с миниатюрной еврейкой по имени Ессика. Тайком косясь на охранников, Сабина шёпотом рассказала ей о том, что произошло вчера ночью в их бараке.

— Такое происходит в каждом бараке и в каждом лагере, — ответила Ессика. — Иногда они также спрашивают, кто является иностранцем. Немцы и евреи спешат назвать свои нерумынские имена, надеясь, что им дадут возможность эмигрировать. — Ессика подняла большой камень и бросила его на баржу. — Но на этом всё и заканчивается. Это придумано, чтобы заставить всех страдать.

Вскоре Сабина поняла, что Ессика была права. Это было очередное издевательство с целью подорвать волю и ослабить разум заключённых.

Между мучениками и их мучителями часто возникали отношения любви-ненависти. Надзирателей и конвоиров, которые били заключённых и издевались над ними, те самые заключённые, которые носили на своих телах синяки от дубинок, часто называли уменьшительно-ласкательными именами. Молодые конвоиры, которых учили, что все заключённые — бандиты,

ГЛАВА 34

бездумно повторяли эти эпитеты. Сабина научилась остерегаться большеглазых девочек с пустым взглядом, которым едва исполнилось двадцать, потому что они становились более жестокими, чем любой мужчина — до тех пор, пока действовала их идеологическая обработка.

Но затем их отправляли на канал, и в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, они жили рядом с заключёнными и проходили вместе с ними долгие километры пути по дороге на карьеры. Они стояли над ними, когда те трудились. И, хотя это было строго-настрого запрещено, иногда они разговаривали с ними. Через некоторое время они понимали, что имеют дело не только с «паразитами» и «бандитами», а в большинстве своём с простыми крестьянками, такими же, каких много было и в их собственных семьях. По всей Румынии проходила принудительная коллективизация, когда у владельцев отбирали землю и скот. По мере того, как надзиратели узнавали о том, что их собственные родственники голодают и подвергаются арестам и заключению, они начинали сомневаться. Постепенно они переставали гордиться своей работой, потом — своей партией. Это растущее негодование, вызванное последствиями деятельности коммунистов, приводило к замечательным изменениям в сердцах некоторых надзирательниц.

Нина, конвоир со щеками цвета спелого яблока, которая в прошлом неоднократно проявляла к Сабине доброту, замечала, насколько молоды были некоторые из вновь прибывавших в лагерь заключённых.

— Она же ещё ребёнок! — воскликнула как-то Нина, увидев одну из них. — Мне говорили, что я буду работать с ворами и убийцами, а здесь такая юная девушка!

Нина тайком приносила заключённым еду и передавала записки их семьям. То, свидетелем чего она стала в лагере, пошатнуло её приверженность коммунизму. Сабина начала разго-

варивать с ней, всё ещё отпускающей насмешки над религией, которым она научилась в ходе профподготовки. Её сердце было закрыто. Когда Сабина заговорила о Христе, Нина воскликнула:

— Мы, коммунисты, — лучшие друзья Христа! Если существуют небеса и суд Христов, то к нам Он явит наибольшую милость. Твой муж пастор? — спросила она Сабину. — Как ты думаешь, сколько людей он привёл ко Христу? Несколько? Может быть, пару сотен? — ухмыльнулась она. — А мы, коммунисты, трудимся над тем, чтобы ежегодно Христос получал тысячи клиентов, которые умирают с Его именем на устах. Мы набиваем небо. Он должен быть благодарен нам!

Сабина выслушала Нину и рассказала ей о Савле из Тарса, ненависть которого к христианству в каком-то смысле содействовала тому, что он стал Павлом. В Библии написано, что там, где ярко проявляется грех, благодать изобилует во много раз сильнее (Книга Деяний, 9; Послание к римлянам, 5:20).

Со временем Нина стала христианкой, а это не так уж легко было скрыть. Предатель может творить свои гнусные дела и оставаться нераскрытым в течение десятилетий, потому что вокруг преобладает зло, и он может укрыться в нём. Под каждым камнем сидит паук. А доброта — редкая бабочка, которая поражает даже самый невосприимчивый к красоте глаз. Никто не может не заметить её, а некоторые хотят её уничтожить.

Где-то в 1951 году Нина исчезла из лагеря К4.

— Не принимай это так близко к сердцу, — сказала Сабина подруге, которую мучало чувство вины за то, что её действия поставили под угрозу безопасность Нины. — Она сама хотела помогать вам. К тому же теперь, став христианкой, она имеет большую радость, даже находясь в узах, и это не сравнить с её ощущениями, когда она была надзирательницей.

Личные страдания наделили Нину большим авторитетом, который помог ей свидетельствовать другим. А если она умрёт в тюрьме? Тогда её смерть послужит великой цели Бога, а

ГЛАВА 34

Он не оставит не вознаграждённой даже чашу воды, поданную страждущему. Он вознаградит и Нину. Те, кто умирают за веру, оставляют после себя величайшее нетленное наследие.

35

Из лагеря колонну заключённых всегда сопровождал конвой, состоящий из мужчин. Они были единственными мужчинами, которых в течение многих лет видели женщины. Сабина спокойно работала у берега Дуная, когда проститутки, работавшие рядом, начали отпускать непристойные шутки.

— У этого Петра руки, как у гориллы, — завела речь одна из них. — И чёрные волосы на спине! Я уверена, что он весь покрыт ими с ног до головы. Вот бы увидеть!

— Есть женщины, которые видели! — взвизгнула другая, и её золотые зубы сверкнули на солнце.

— Кто знает, что привлекает их к нам? — удивилась третья.

— Понятия не имею. Трудно представить себе существ, более непривлекательных и бесполох, чем мы. От нас всех так несёт!

Все вокруг Сабины захохотали и начали ругаться. На удивление, никто этот разговор не останавливал.

— Святоше не нравятся наши разговорчики! — окинув Сабину презрительным взглядом, вдруг воскликнула одна из проституток.

Конвоиры, которые слонялись без дела и покуривали, в то время как женщины тяжело работали, с ухмылкой посмотрели на Сабину. В тот миг она и предположить не могла, к каким последствиям для неё приведёт болтовня соседок по бараку.

ГЛАВА 35

— В ногу! В ногу! — проревел конвоир, и женщины направились к месту сбора, где их ждали грузовики. Грязная тропа проходила вдоль реки.

Сабина чувствовала, что взгляд конвоира по имени Пётр всё время устремлён на неё. Он уродливо шурился и улыбался. Потом он толкнул своего спутника в бок, а затем неожиданно повернулся и подставил Сабине ногу, так что она упала в грязь. Женщины-конвоиры захохотали. Пётр протянул руку и вытащил заключённую. Мокрая и скользкая, Сабина кричала от боли, причинённой его стальной хваткой.

— Милая дама, — прорычал он, — вам не помешало бы сейчас принять ванную!

— В Дунай её! — послышался женский голос.

Когда Пётр схватил Сабину за запястья, она закричала. Второй конвоир схватил её за лодыжки. Обессиленные заключённые наблюдали за тем, как женщину качнули в одну сторону, потом в другую, и она взлетела в воздух в направлении ледяной воды. По воскресеньям конвоиры с удовольствием «купали» заключённых в холодном Дунае, вылавливая их только для того, чтобы высмеять их тела, к которым прилипла мокрая одежда.

Весна сменила суровую румынскую зиму, но по Дунаю всё ещё плавали тёмные льдины. Когда конвоиры разжали руки, Сабина со страшным всплеском шлёпнулась на каменистую отмель. Леденящая вода нахлынула на неё с такой силой, что протащила её по каменистому дну. Когда женщина пыталась выкарабкаться на берег по острым скалам, бурлящие воды снова повергали её вниз. Так она металась в безуспешных попытках спастись, ещё больше раня себя об камни. Наконец Дунай одолел её.

Сабина увидела, как над ней стоит конвоир с угрожающе-издевательской улыбкой.

— Так где же сейчас твой Бог?!

Возвращение в лагерь с меньшим количеством заключённых было исключено, поэтому две руки подхватили её под мышки

и потащили по мелководью. Ошеломлённую и обессилившую Сабину бросили на берег, где она безжизненно лежала, задаваясь вопросом, какому миру принадлежит шум накатывающихся волн — этому или уже иному.

Конвоир продолжал издеваться.

— И почему Он не спас тебя?

Сабина оторвала взгляд от мёрзлой земли.

— Он спас меня. Вашими руками. И я всё ещё жива...

— С ней всё в порядке. Вставай! — строго приказал женский голос. — Давай двигайся или замёрзнешь.

Молодая женщина подняла Сабину на ноги. Она попыталась отжать подол своей длинной юбки. Когда они догнали основную колонну, заключённые бросали на Сабину исполненные сочувствия взгляды.

У Сабины невыносимо болели рёбра. Спустя годы врачи подтвердят наличие двух неправильно сросшихся переломов. Сабина знала, что только Бог помог ей выжить в таких условиях.

— Вот так-то лучше. Нет ничего прекраснее холодной ванны! — увидев Сабину, закричал Пётр.

Одежда Сабины была холодной и липла к её дрожащему телу. Кожа на руках и ногах была содрана о камни. Женщина обняла себя руками, чтобы согреться, и ощутила, что боль в боку стала невыносимой.

Когда колонна вернулась в лагерь, Сабина сразу же принялась окровавленными руками выжимать мокрые вещи и осматривать свой бок. Ночью она почти не спала. Каждые несколько минут она переворачивалась с боку на бок, не в состоянии найти менее болезненное положение.

На следующее утро поднять руки было мучительно больно. Вдоль одного бока простирался огромный пурпурно-жёлтый синяк, похожий на карту Африки. В надежде на медицинскую помощь Сабина отправилась к доктору Кретцеану.

— Для работы пригодна! — вынесла свой вердикт Кретцеану.

С приходом весны начал оттаивать и лагерь К4. Заключённым не разрешалось есть молодые травинки, появляющиеся вдоль дороги в карьере, но они срывали их, когда конвоиры не смотрели. Лягушки также были желанной добычей, их сырое мясо изголодавшиеся считали деликатесом. Заключённые даже состязались с дикой кошкой за возможность съесть жирную зелёную травяную змею. Заболевания, связанные с дефицитом витаминов, были обычным явлением среди женщин. Почти все страдали от приступов диареи, цинги и загадочных болезней кожи. Вследствие инфицирования порезов и ушибов на руках и ногах появлялись язвы, которые со временем достигали в диаметре двенадцати сантиметров. Инфекция, распространявшаяся по кровеносной системе, снижала иммунитет и способствовала полному ослаблению тела.

Весенние дни становились всё длиннее. На западе, за Дунаем, вечернее небо радовало прекрасными золотисто-малиновыми закатами. Ходить на работу стало легче. В канавах, пахнущих влагой и зеленью, виднелись облака крапивы и жемчужной коровьей петрушки. Земля почернела и стала илистой. Деревья осмелились выпустить блестящие молодые листья. Ароматный воздух оказывал на женщин благотворное влияние. Свет, листья, трава и солнце изменили всё вокруг. И сами заключённые не могли удержаться от перемен. Крепли новые дружеские отношения...

Поскольку среди заключённых было много представительниц разных религиозных конфессий, у них возникали свои споры.

ВУРМБРАНДЫ

Однако теперь от злобности прошлых дней почти не осталось и следа. Женщины, казалось, начали понимать друг друга. За стенами тюрьмы они не могли существовать без разногласий. Но здесь, в лагере К4, у них был общий барак, общее ведро — общее всё. Здесь они, наконец, стали настоящими сёстрами.

Скоро весну сменило лето, и теперь узники трудились на солнцепёке до головокружения. Часы тянулись медленно. Дыхание заключённых превращалось в хрип, а языки — в войлок. Они часами били мотыгами по земле, как машины, которые могут выполнять лишь одну функцию.

Одна женщина застонала:

— Если скоро не привезут воды, я упаду в обморок.

— Только не в обморок! — ответила другая. — Тебя запи-
нают ногами.

Солнце поднялось ещё выше. Перед глазами Сабины стоял образ Михая — маленького, худощавого, плачущего сына. Сколько отчаянных материнских молитв было вознесено к Богу на этом канале?!

Наступил полдень, а заключённые от самого рассвета не ели и не пили. В импровизированных уборных на краю дороги роились мухи.

Вдали появился грузовик, который тянула старая лошадь. Он остановился и начал разворачиваться.

— Это привезли еду! — воскликнула одна из женщин.

— Воды! Мы хотим воды!

Заключённые побросали орудия труда и бросились к грузовику. К этому времени грузовик с едой прибыл на место. Перепуганный водитель, споткнувшись о камень, неправильно потянул за поводья. Лошадь свернула, и прицеп наклонился набок. Конвоиры, крича, бросились спасти его. Лошадь

ГЛАВА 36

стала на дыбы, и кастрюли полетели через борт, смешав с дорожной пылью более двадцати килограмм варёных макарон. Взбешённые, женщины окружили грузовик и набросились на еду. Они горстями сгребали с земли липкие макароны и набивали ими рот. Все остальные с ужасом наблюдали за этим плачевным зрелищем.

В тот день воду так и не привезли. Во время работы у Сабины темнело в глазах, в гортани пересохло. Язык, казалось, распух. Она вспомнила последние слова Иисуса на кресте: «Жажду!» Конечно же, Иисус понимал её мучения...

В лагере К4 Сабина заботилась как о душах, так и о телах своих сестёр. Она ухаживала за их ранами, когда их избивали, и несла их бремя, когда они не могли больше сделать ни шага.

Доносы о том, что Сабина проповедует о Боге, дошли до заместителя коменданта лагеря, и ей пришлось немедленно предстать перед женщиной с красным лицом, широкими плечами и крупными зубами.

— Ты проповедовала заключённым о Боге. Этому следует положить конец! — зловеще предупредила заместитель коменданта.

Сабина ответила, что ничто не сможет воспрепятствовать этому. Разъярённая начальница подняла кулак, чтобы ударить, но вдруг остановилась.

— Чего ты улыбаешься?! — закричала она.

— Если я и улыбаюсь, то это из-за того, что вижу в ваших глазах, — ответила Сабина.

— И что же это?

— Я вижу в них себя. Тот, кто приближается к другому человеку, может видеть в нём себя. Я также раньше была импульсивной. Я тоже злилась и сжимала кулаки, пока не узнала, что на

ВУРМБРАНДЫ

самом деле любить — это быть готовой принести себя в жертву ради истины. С тех пор мои руки не сжимаются в кулаки.

Рука заместителя коменданта непроизвольно опустилась.

— Если вы посмотрите в мои глаза, — продолжала Сабина, — вы увидите в них себя такой, какой Бог может сделать вас!

Казалось, начальница закаменела.

— Уходи, — лишь прошептала она.

Сабина продолжала свидетельствовать заключённым о Христе, и с того дня заместитель коменданта больше не вмешивалась.

Казалось, время в лагере К4 застыло на месте. Вся жизнь женщин была беспросветным рабством, а канал — их миром. Безысходность заставила их смириться со своей участью. Даже новости извне неизменно оставались одними и теми же: голод, нехватка всего, угнетения и вечная надежда, что американцы придут и освободят их из рабства.

Производительность труда падала по мере того, как росло уныние, и администрация лагеря играла с заключёнными в жестокие игры.

Однажды надзиратели выбрали из рядов около двадцати женщин.

— Вы трудились наиболее самоотверженно, — объявили они. — За это вы подлежите досрочному освобождению!

Комендант выступил с прощальной речью, и двадцать тружениц посадили в кузов грузовика, вручив им в награду по буханке хлеба и красные флаги.

Через десять километров вниз по дороге на канал, в близлежащей трудовой колонии, их выгрузили и сразу же отправили на работу.

ГЛАВА 36

Вскоре Сабину повезли из лагеря К4 через всю страну на невероятно набитом людьми душном поезде. Заключённые обсуждали президентские выборы в США и то, как их последствия могут повлиять на ситуацию, сложившуюся в Румынии. Они всё ещё были уверены, что Эйзенхауэр непременно их спасёт...

Волнение переросло в страх задохнуться в вагоне. Путешествие с таким огромным количеством больных женщин причиняло невыносимые мучения. На одной остановке распахнулись двери, и в вагон бросили мешок с едой. На оставшуюся же часть почти недельного путешествия еды больше не было. Вскоре разговор перешёл на Сталина.

— Я знаю, он не может жить вечно, — размышляла женщина, сидящая рядом с Сабиной. — Но что же делает человека таким исчадием ада?!

— Часто обстоятельства. Ими нельзя объяснить всё, но можно объяснить многое.

Сабина вытянула ноги, надеясь получить в этом душном металлическом ящике хоть какое-то облегчение от боли. А затем объяснила, что она имела в виду:

— Иосиф Сталин был незаконнорождённым ребёнком. Говорят, что его отец состоял на службе в полиции, а мать была вынуждена прислуживать в доме офицера, от которого и забеременела. Официально отцом Сталина был пьяница, который знал, что мальчик не его сын, и поэтому немилосердно избивал его. Сталин поступил в православную духовную семинарию, где к семинаристам относились больше как к заключённым, чем как к студентам.

Сабина понимала, каким образом Сталин стал революционером.

Когда день снова перетёк в ночь, поезд остановился.

— На выход! Все на выход! — кричали конвоиры.

ВУРМБРАНДЫ

Двери раздвинулись, и, ослеплённые ярким светом фонарей, женщины растерянно заморгали. «Боже, неужели нас всех привезли сюда, чтобы расстрелять?!» С криками и плачем они выпадали из вагонов на шпалы.

— Выстроиться в шеренгу! Никому не отходить от сержанта!

Примерно через час полного замешательства несколько сотен заключённых были согнаны в поле, рядом с железнодорожными путями. Женщины шли сквозь тьму, подстёгиваемые угрозами и ударами конвоиров. Казалось, прошло много часов, прежде чем все увидели высокие стены новой тюрьмы — длинные секции светлых заборов, освещённых ярким светом электрических фонарей. Тяжёлые стальные ворота открылись, и заключённые вошли в них неровными шеренгами по пять человек. Прокатился слух, что это — Тыргушор.

— Почему сюда? Почему в Тыргушор? — недоумевали заключённые. Это была тюрьма особо строгого режима, где отбывали наказание самые жестокие убийцы. Название этой тюрьмы было известно всей Румынии. Что это может означать?

— То, что другие тюрьмы переполнены, — попыталась успокоить остальных одна из женщин.

В Тыргушоре Сабина была назначена на работу в швейную мастерскую. В этой тюрьме были собраны самые закоренелые преступники страны: убийцы, насильники, мошенники, садисты — многие из них явно безумные. Женщина, сидевшая за швейной машинкой рядом с Сабиной, парой ножниц заколола насмерть врача, и Сабина с тревогой наблюдала за тем, как она отрезает ткань.

Именно в этой тюрьме Сабина узнала, что президентом Соединённых Штатов был избран генерал Эйзенхауэр, и услышала о свержении и исключении из партии нескольких ру-

ководителей коммунистической партии. А, может, это начало освобождения?

Вскоре по Румынии поползли слухи о том, что правительству пришлось отказаться от строительства канала. Эти слухи дошли и до Тыргушора. Со временем они подтвердились, и в Тыргушоре стало известно, что инженерам канала пришлось предстать перед судом за «расхищение государственных средств». В уме каждой женщины пульсировал вопрос: *«Какая же польза от десятков тысяч новых осуждённых? Возможно, нас теперь освободят?»*

Проходили недели. Два раза в день в Тыргушоре проводили переключку заключённых. Однако мало кто из надзирателей умел считать. Ещё меньше могли прибавить число стоящих в передних рядах к числу стоящих в задних. Всё это занимало несколько часов. Потом начинали проводить осмотр камер.

Однажды переключка прошла с удивительной скоростью. А за ней сразу же последовал зловещий приказ: «Собрать все личные вещи!» Заключённых Тыргушора снова куда-то везли.

В открытых грузовиках их доставили в колхоз «Ферма Рози», где заставили выполнять бесполезную работу: покрывать виноградную лозу землёй, чтобы защитить её от холода. И хотя было уже слишком поздно, это, казалось, никого не волновало. Бывшая «житница Европы» теперь находилась на грани голода...

Однажды утром, работая в поле, Сабина потеряла сознание и была доставлена в тюремную больницу Вакарешти. Сабина хорошо знала эту тюрьму. В прежние времена Ричард там проповедовал, а Сабина помогала украшать ёлку. Теперь она спала на бетонном полу в изолированной камере, в которой не было ничего, кроме грязного ведра в углу.

На следующее утро через окно Сабина увидела заключённых мужчин, которых вывели на улицу. Когда они проходили мимо её окна, Сабина спросила, не слышали ли они о Ричарде Вурмбране. Первые двое покачали головами, а третий переспросил:

ВУРМБРАНДЫ

— Вурмбранд? Пастор?

Наконец-то кто-то знает её мужа!

Мужчина остановился под окном камеры Сабины.

— Я знаком с ним, — прошептал мужчина. — Я не жалею о том, что провёл десять лет в тюрьме. Они стоили того, потому что пастор привёл меня ко Христу! А теперь я встретил его жену. — Этот человек познакомился с Ричардом в Тыргу-Окна, однако ему не было известно, выжил ли он. — Он находился в камере для умирающих, — добавил мужчина. — Он всегда говорил о Христе.

Сабина не знала, жив ли Ричард, однако теперь она знала, что, находясь в заключении, он так и остался Ричардом, который проповедует Христа и направляет к Нему души.

Сабину, наконец, осмотрела добрая врач, которая прописала ей уколы от цинги и улучшенное питание. Раны и струпья на теле начали заживать, а колиты и диарея прекратились. Сабина даже стала лучше видеть.

Однажды вечером вместе с другими людьми в военной форме в палату пришёл замполит больницы.

— Когда каждый имеет доступ к такой прекрасной больнице, как эта, кому нужен Бог?! — спросил он.

— Лейтенант, — возразила Сабина, — пока на земле живут люди, они нуждаются в Боге и в Иисусе, который даёт жизнь и здоровье!

Возмущённый замполит выругал Сабину. Однако это не испугало её. Она продолжила:

— Все, кто живёт в доме, знают, что он построен архитектором. Так же, как и все, кто приглашён на банкет, знают, что еда на нём приготовлена поваром. Мы все приглашены на пир

ГЛАВА 36

в этот мир, полный удивительного творения, и знаем, что этот пир приготовил для нас именно Бог!

Замполит хмыкнул, ухмыльнулся и вышел, хлопнув дверью. На следующий день Сабине было приказано собирать вещи. Её возвращали в колхоз «Ферма Розы».

— Ночь темнее всего перед восходом солнца, — сказал Ричард, с сочувствием глядя на старшего сержанта Букара.

Сержант умирал в лихорадке, испытывая ужасные муки совести за свои прошлые преступления. Действуя даже не по приказу, Букар убил множество евреев, включая женщин и детей.

— Я хочу сознаться всем вам, — с трудом прошептал он. — Я так много согрешил. Я не могу умереть наедине со своими грехами.

— Ты больше не тот убийца, — заверил его Ричард. — Человек может родиться свыше!

На следующее утро состояние Букара ухудшилось. За несколько минут до смерти он произнёс:

— Я не всё рассказал вчера. Я боялся. — И сержант признался, что стрелял в детей на руках их матерей. Когда у него заканчивались патроны, он добивал детей деревянным прикладом винтовки. Он поведал и другие леденящие кровь истории, которые свидетельствовали о его жажде крови и его нужде в прощении. Затем он схватился за крест, висевший у него на шее, и потерял сознание.

Ричард наблюдал, как дыхание сержанта становится всё более нерегулярным и затруднённым. Жёсткие линии вокруг его рта, свидетельствовавшие о его жестокости, расслабились. Он принял Иисуса Христа как своего личного Спасителя и ушёл с миром.

ГЛАВА 37

Профессор по имени Попп отвёл взгляд от тела Букара и задумчиво произнёс:

— Я удивляюсь тому, сколько убеждённых атеистов в конце жизни становятся верующими.

Ричард кивнул.

— Когда-то я жил возле железной дороги и днём никогда не замечал поездов, потому что в городе было шумно. А вот ночью я очень отчётливо слышал стук их колёс. — Пастор уселся на кровать и продолжил: — Так и шум жизни может заглушить в нас тихий голос совести. А когда смерть приближается в тишине тюремной камеры, где нет отвлекающих факторов, человек слышит голос, которого не слышал никогда раньше.

Попп стал ближайшим компаньоном Ричарда. Вечерами они обменивались бесконечными шутками и рассказывали друг другу истории. Их объединяла любовь к литературе, культуре и философии. Попп помог Ричарду помыться и одеться.

— Так где же Бог? — спросил он. — Почему Он не помогает нам?

Ричард рассказал ему историю о девушке, которая после смерти отца задала пастору тот же вопрос.

— Девушка спросила: «Где же защищающая рука Бога, о которой ты проповедуешь, пастор?!»

— И что пастор ответил ей? — поинтересовался Попп.

— Он сказал: «Она — на твоём плече, в виде руки твоей матери».

Ричард объяснил, что даже в тюрьме Христос не оставил их. Здесь Его представляли врачи-христиане. Под угрозой пыток они контрабандой проносили в камеры лекарства для заключённых. Христа представляли пасторы, которые самоотверженно несли Благую Весть больным и умирающим. Даже те, кто рассказывали друг другу истории, были божественным орудием, помогающим окружающим ободриться и сохранить надежду.

ВУРМБРАНДЫ

Наступление Пасхи принесло умирающим в камере номер четыре новых сил. А служение Ричарда превратило атеистов в христиан, убийц — в служителей, а заключённых — в проповедников. В то утро в камеру был контрабандой пронесён пакет для Валериу Гафенку, бойца «Железной гвардии».

— Открывай скорее! — крикнул кто-то из сокамерников.

Гафенку развернул бумагу и увидел два маленьких кусочка сахара. Заключённые не могли поверить своим глазам! С тех пор, как они в последний раз видели это прекрасное белое вещество, прошли годы. Их тела, истощённые недоеданием, жаждали хоть малейшего напоминания сладкого вкуса сахара. Все внимательно наблюдали за тем, как Гафенку решает, что делать с пасхальным подарком. Он завернул сахар обратно в бумагу и положил возле кровати.

— Пока не буду есть, — сказал он. — Кому-то может стать хуже, чем мне сейчас.

Несколько дней спустя тело Ричарда начало пульсировать от лихорадки. Он стал настолько слабым, что даже не мог сесть. Заключённые передавали сахар от кровати к кровати, пока он не достиг Вурмбранда.

— Это подарок, — сказал Гафенку.

Ричард на мгновение задумался. Всё его тело жаждало этих желанных кубиков, однако он отказался съесть подаренный сахар. Через несколько дней он передал его Сотерису, пожилому греку-коммунисту, который находился на грани смерти. Сотерис бежал в Румынию в конце гражданской войны в Греции и, хотя был арестован за дезертирство, никогда не упускал возможности похвастаться своими подвигами. Особенно он любил рассказывать о том, как привёл молодых женщин на Афон, где их не было в течение двух тысяч лет. «Вы бы

ГЛАВА 37

видели, как забегали эти старые мальчики!» — с гордостью восклицал он.

С приближением смерти Сотерис умолял Бога спасти его. Тихим шёпотом о Божьей любви и прощении Ричард привёл закоренелого атеиста к спасению.

В течение двух лет заключённые передавали друг другу кусочки сахара. Каждый хотел помочь тому, кто находится в более тяжёлом состоянии. Ни один из них не был настолько эгоистичным, чтобы съесть драгоценные белые кубики.

В камере номер четыре Ричард получил небольшую передышку. Но когда в Тыргу-Окна была введена новая программа перевоспитания, пытки возобновились с ещё большей жестокостью. Короткое посещение коммуниста Формажиу из пресловутой Питештской тюрьмы породило среди заключённых страх. Формажиу намеревался применять свои методы и в тихом горном санатории, и теперь никто здесь не был в безопасности.

В тюрьму приехала группа политруководителей, прославившихся своей особой жестокостью. Когда-то они сами были заключёнными, прежде чем доказали свою преданность коммунизму, пытая своих собратьев по несчастью. Директор тюрьмы дал им разрешение пытать больных туберкулёзом в любое время дня и ночи. Теперь ни у кого не было надежды избежать пыток. На каждые пятьдесят заключённых приходилось от десяти до двадцати вновь прибывших спецсотрудников.

За наиболее тяжкими пытками тщательно следили врачи и вводили заключённым специальную сыворотку, чтобы повысить их терпимость к боли и дать возможность палачам пытать ещё более жестоко. В тюрьме царил безумие. Ричарда и других заключённых раздевали догола, выстраивали в ряд босяком на

ВУРМБРАНДЫ

холодном каменном полу и обливали ледяной водой. Шок почти останавливал их сердца и усугублял болезнь.

С сокращением продовольственных пайков голод стал обычным явлением. Руки Ричарда связывали за спиной и заставляли есть гниущее месиво, которым кормили свиней.

Один из недавно переведённых в камеру номер четыре заключённых, католический священник, рассказал о своём пребывании в предыдущей тюрьме, в Питешти, где его бросали в канализацию, а потом заставляли преподавать христианам святое причастие.

— И ты повиновался? — с сочувствием спросил его Ричард. Священник заплакал.

— Я пережил больше, чем Христос.

Система перевоспитания набирала обороты, и заключённые раскрывали секреты, которые ранее скрывали от следователей. Так предаваемы были жёны, друзья, родители, пасторы. Тысячи новых жертв подверглись арестам из-за признаний, успешно выбываемых из заключённых.

Среди узников увеличилось количество самоубийств. В тюрьме соседней Герлы заключённым приходилось прибегать к изобретательности, чтобы покончить с жизнью. Одни прыгали с высоких лестниц в пролёты под ними. Другие перерезали себе горло колючей проволокой или стеклом. Если заключённый имел достаточно сил, он мог разбить голову о цементную стену камеры, если же нет — выпить чистящую жидкость. Православный священник, которому не доступны были другие методы, покончил с собой, прыгнув с двухъярусной койки. Однако для окончательного результата ему потребовалось совершить несколько прыжков.

Один из заключённых, которого поместили в камеру номер четыре, пожилой фермер Бадарас, рассказал Ричарду о злодеяниях, свидетелем которых он стал. Бадараса тяжело избили во время последнего допроса. Он проклинал коммунистов и клялся

ГЛАВА 37

отомстить им. Он с ужасом рассказывал о своём следователе, особенно жестоком палаче.

— Если бы он когда-нибудь попал ко мне в руки, — говорил Бадарас, — я бы содрал с него кожу живьём!

Бадарас ежедневно молился:

— Во имя Отца, Сына, и Святого Духа, Бог, уничтожь коммунистов, заставь их, свиней, страдать!

— Зачем вы такое говорите? — спросил Ричард. — Христиане не должны так говорить!

Бадарас верил в ад и хотел, чтобы коммунисты провели вечность, жарясь на огне.

— Я говорю так, потому что Бог не пустит в рай никого, кто не проклинает ублюдков!

— Мы не имеем права поддаваться ненависти, — ответил Ричард. — Такие люди, как Борис, сломались под ужасным давлением.

Борис был одним из наиболее ненавидимых людей в тюрьме, бездушный следователь, который чуть не убил доктора Алдея за то, что тот сопротивлялся его садистским методам. Плечи и спина доктора были покрыты рваными ранами, причинёнными Борисом.

Поскольку внедрение программы перевоспитания привело к сильной ротации заключённых, их примирение с Богом стало ещё более сложной задачей. Ежедневно в исполнение приводили смертные приговоры. Слухи о протестах и восстаниях циркулировали с особой силой, особенно среди страдальцев, которые до ареста занимали высокие должности. Может ли организованное восстание принести свободу? В камере номер четыре разворачивались дискуссии. Приемлемо ли пациентам с карантинным туберкулёзом принимать участие в бунте или вместо этого следует подставить другую щёку, как повелел Иисус (Евангелие от Матфея 5:39)?

«Иисуса обычно представляют кротким и смиренным, — размышлял Ричард. — Однако Он был и бойцом. Он изгнал

кнутом торговцев из храма!» После долгих размышлений Ричард решил помочь бунтовщикам и убедил в том же остальных.

Возможность представилась 1 мая около пяти часов вечера. В День солидарности трудящихся многих заключённых повезли на стадион в центре Тыргу-Окна смотреть футбольный матч. Для некоторых из них это был первый выезд за стены тюрьмы.

Вскоре после начала матча раздался звон разбитых стёкол, сигнализирующий о восстании. Внезапно заключённые набросились на конвоиров. Те, кто были достаточно сильны, чтобы драться, набросились на своих следователей. В ходе драки многие заключённые были убиты вооружённым конвоем.

Игра прекратилась. Жители города побежали со стадиона. Некоторые заключённые, которые остались в больнице, воспользовавшись тем, что охрана отвлеклась, порезали себе острыми предметами запястья.

Когда полный контроль над тюрьмой был восстановлен, администрация начала жестокие разборки с теми, кто возглавил беспорядки. Врачам было приказано отказывать заключённым в медицинской помощи. Восстание провалилось, однако слухи о нём быстро разлетелись по всей Румынии и вселили страх в тюремщиков и надежду в заключённых.

Полая игла пронзила грудь Ричарда, пройдя между рёбрами и проникнув в его сжатое лёгкое. Относительно безболезненная процедура лечения пневмоторакса¹ длилась всего две минуты и проводилась с целью введения кислорода в наполненный жидкостью дыхательный орган. Проснувшись на следующее утро, Ричард был удивлён тем, как легко ему дышится.

Самая холодная за минувшие столетия зима принесла в Тыргу-Окна сильные метели. Два метра снега покрывали огород за матовым от инея окном камеры номер четыре. Не имея ни дополнительной одежды, ни одеяла, Ричард дрожал в постели. В его памяти то и дело всплывали картины пыток в «холодильнике». Наступление холодов препятствовало доставке продуктов, и продовольственные пайки, выдаваемые заключённым, стали намного меньше. Хлеб был давно забытой роскошью, и Ричард изо всех сил пытался есть гнилую морковь, которая плавала в супе.

В сочельник привычные ссоры, ругань и шутки сменялись ностальгической грустью. Ричард начал короткую проповедь, но зубы, которые то и дело цокотали от холода, делали его речь неразборчивой. Его конечности, замёрзшие и обмякшие, теперь отказали совсем. Он удивлялся, что сердце по-прежнему продолжает качать кровь по больному телу.

Рождественскую проповедь, на том месте, где её прервал Ричард, подхватил молодой человек по имени Аристар. Этот

¹ Пневмоторакс — скопление воздуха или газов в плевральной полости, когда воздух давит на лёгкое, вызывая его коллапс.

ВУРМБРАНДЫ

фермер, не имевший университетского образования, так естественно говорил о Рождестве, как будто Христос родился в его собственном сарае!

Через несколько недель Аристар умрёт. Но в канун Рождества его слова — пламенные и убедительные — вызвали слёзы у всех, кто его слушал. Вскоре кто-то запел рождественский гимн. Сначала пение звучало тихо, но затем, подхваченное другими, громко разлетелось над койками туберкулёзных больных. Мелодия была прекрасна. Она напомнила Ричарду о счастливых зимних вечерах, когда-то проведённых с Сабиной и Михаем у костра. Звук эхом разнёсся по коридору, и все, прислушиваясь, затихли. Даже надзиратели, сгрудившиеся в своей коморке у тёплой печки, не прерывали пение.

В феврале Ричард и его друзья вырыли Аристару в твёрдой, как сталь, мёрзлой земле неглубокую могилу. Вернувшись в камеру номер четыре, они увидели, что место Аристара уже занято музыкантом по имени Аврам Радоновичи.

До ареста Аврам работал музыкальным критиком в Бухаресте. И теперь в «камере смерти» постоянно звучали прекрасные отрывки из произведений Баха, Бетховена и Моцарта, которые он напевал. Несмотря на то, что туберкулёз не позволял Авраму петь на полную мощь, прекрасные мелодии отражались от стен и радовали заключённых.

Однажды музыкант очень сильно удивил присутствующих, когда извлёк откуда-то маленькую потрёпанную книжицу.

— Где ты это взял? — спросил Ричард. Он не видел этой книги на протяжении многих лет, кроме как во время галлюцинаций.

— Это Евангелие от Иоанна, — таинственно произнёс Аврам. — Мне удалось спрятать его, когда за мной пришли. Хотите почитать?

Ричард обращался с Евангелием так, словно это была птица со сломанными крыльями. Хрупкие страницы представляли для него большую ценность, чем лекарство от туберкулёза. Он переворачивал каждую страницу, поражённый и окрылённый её посланием. Его взгляд случайно упал на отрывок, который он не видел со времени своего ареста. Наказание за то, что его поймали с Библией, стоило даже нескольких секунд чтения. Ричард был согласен даже на казнь, ведь в руках он держал источник жизни! Насладившись живительной силой Слова, которая наполнила его душу, Ричард передал книгу дальше по камере.

Последующие недели были посвящены обсуждению Евангелия. Заключённые заучивали наизусть текст, восхищаясь его простотой. То и дело разворачивались дискуссии, в том числе и с профессором Поппом, у которого постоянно были свои аргументы.

— Я пытался молиться, — как-то сказал Попп, — но между чтением православных молитв, которые я выучил в детстве, и выпрашиванием милости у Всевышнего, которой я не достоин, сказать Богу мне особо нечего. Мои слова взлетают, но мысли остаются внизу.

— Мне нравится думать, — ответил профессору Ричард, — что Иисус стоит рядом со мной и что я могу говорить с Ним так же, как говорю с вами.

Попп никогда не слышал о возможности так запросто разговаривать с Богом и с любопытством слушал Ричарда.

— Люди, которые встречались с Иисусом в Назарете и Вифлееме, не читали Ему молитвы. Они рассказывали Ему, что было у них на сердце. Так же должны поступать и мы.

Таким образом, одним махом Ричард разрушил последний барьер, который удерживал Поппа от шага к обретению веры. Он всем сердцем обратился ко Христу. А потом сказал Ричарду:

— Когда я впервые увидел тебя, у меня было предчувствие, что ты можешь мне что-то дать!

ВУРМБРАНДЫ

Теперь профессор решил отплатить Ричарду за его доброту.

— Я кое-что скрывал от тебя после перевода в Тыргу-Окна, — шёпотом произнёс он. — Доктор Алдеа считает, что в твоём состоянии это известие может оказаться губительным...

Ричард сидел на краю своей койки, с нетерпением глядя на профессора.

— Твоя жена сейчас в тюрьме. Она на канале.

Сердце Ричарда сжалось. Он знал, что трудовые лагеря на Дунайском канале известны насилием над женщинами. Он слышал об офицере по имени Кормос, который изнасиловал тридцать женщин-заключённых. Позже он сам был приговорён к тюремному заключению по обвинению в «подрыве авторитета режима».

— Она была очень больна, но выжила, — попытался успокоить Ричарда профессор Попп. — Ей известно, что ты в безопасности.

Услышав новость, Ричард потерял контроль над эмоциями. Сосед по камере, которого перевели из тюремной больницы в Вакарешти, где Ричард провёл месяц после одиночного заключения, разговаривал с Сабиной в больнице.

— Твоей жене сказали, что ты умер в ещё 1950 году, — продолжил Попп. — Но она не поверила; она уверена, что ты жив, несмотря на предоставленные ей доказательства.

В течение нескольких дней Ричард не мог есть. Сабина находилась в руках полковника Альбона, которого все так боялись, начальника лагеря «Поарта Альба», одного из трудовых лагерей на Дунае. Ричард попытался представить, насколько напуганной должна быть Сабина, и вскоре его мысли превратились в круговорот самоосуждения. Это *он* виноват в том, что женился на ней, что привёл её ко Христу, что стал пастором и нёс служение в подпольной церкви. Если бы он выбрал другую карьеру, его драгоценная подруга жизни была бы в безопасности. *А его сын?* Ричард впал в такое отчаяние, которого не переживал годами.

Отец Сурояну, заметив страдания Ричарда, сказал:

— Чтобы улыбаться, нужно задействовать семнадцать мускулов лица, а чтобы хмуриться — сорок три!

Ричард глубоко уважал отца Сурояну с тех пор, как познакомился с ним в тюремном двореке. У него была длинная белая борода, которая развевалась на ветру. Аура святости и власти наполняла каждое помещение, в которое он входил. Он никогда не приветствовал других заключённых словами «Привет» или «Доброе утро», а всегда библейским призывом «Радуйся!».

У Сурояну было больше причин для скорби, чем у Ричарда или любого другого заключённого. Его дочь была искалечена, а её муж — заключён в тюрьму. Другая дочь приговорена к двадцати годам пыток, а сын-христианин умер в тюрьме. Другой сын, ненавидевший Христа, всю жизнь боролся с религией. Все его внуки стали сиротами.

— Ты пережил так много, — угрюмо ответил Ричард. — Как ты можешь радоваться?!

— Всегда есть веская причина радоваться, — ответил Сурояну, с любовью посмотрев на Ричарда. — Бог не только на небесах, Он и в сердце. И каждый день, когда ты не радуешься, потеряй, сын мой! Ты никогда не сможешь его вернуть.

Ричард знал, что мудрец прав. Он и сам часто утешал заключённых теми же словами. Однако новости об аресте Сабины лишили его радости. Как он мог наставлять других, когда сам находился так далеко от объятий Пастыря?!

Помня наставления отца Сурояну, впервые за несколько дней Ричард помолился. Он благодарил Бога за спасение жизни Сабины и за то, что увидит её снова, будь то в этой жизни или в вечной. Он радовался, что Бог предоставил ему возможность свидетельствовать о своей вере окружающим.

Раньше люди приходили в церковь послушать проповедь, когда их звали церковные колокола, а теперь, в местах не столь отдалённых, аудитория Ричарда всегда была с ним. И вместо

ГЛАВА 39

того, чтобы проповедовать раз или два в неделю, он мог возвещать Евангелие каждую минуту каждого дня — и не только словами. Вся жизнь Ричарда, как и жизнь отца Сурояну, стала проповедью, которую они будут проповедовать с вновь обрётённым пылом и частотой...

В 1953 году, находясь в тюрьме Тыргу-Окна, Ричард страдал от острой зубной боли, которая накатывалась на него волнами. Хождение по камере приносило облегчение, однако тянуть за собой двадцать пять килограмм металла, сковывающего лодыжки, было нелегко. Регулярные избиения, постоянный голод, жар, потеря веса, озноб и кровавый кашель делали своё дело. Медицинская помощь больным всегда предоставлялась крайне редко, а после бунта руководство вообще уволило таких врачей, как, например, стоматологи.

Со временем заключённым в Тыргу-Окна позволили ежемесячно получать посылки из дома. Ричард отправил доктору Филону, своему бывшему врачу, который жил в Бухаресте, выданную в тюрьме открытку с просьбой прислать ему еды и сигарет. Хотя сам Ричард ненавидел курение, он знал, что это будет огромной радостью для других заключённых.

Однажды Ричард обратился к Филону с любопытной просьбой и молился, чтобы доктор смог понять зашифрованное послание о «старой одежде доктора Филона».

Семейный врач был не таким высоким, как Ричард, поэтому его одежда не пришлась бы Ричарду по размеру. Однако доктор Филон имел доступ к стрептомицину, многообещающему новому препарату из США, с помощью которого можно было вылечить туберкулёз.

Ричард боролся с этой болезнью уже в течение двух с половиной лет. Он был единственным заключённым в камере номер

ВУРМБРАНДЫ

четыре, который не умер. Десятки его соседей сдались перед этой страшной бедой.

Почти через месяц после того, как Ричард отправил открытку с зашифрованной просьбой, он получил посылку, в которой было спрятано сто грамм стрептомицина — доза, достаточная для лечения одного больного. Однако, как и в случае с кубиками сахара, вместо того чтобы принять лекарство самому, Ричард попросил генерала Ставрата, одного из заключённых-христиан и бывшего военнослужащего румынской армии, передать его самому больному из них.

Ближе всех к смерти находился фашист из «Железной гвардии» по имени Султанюк. Ставрат бросил на Ричарда возмущённый взгляд.

— Лучше прими его сам, — сказал он. Но ничто не могло убедить Ричарда изменить решение.

Зная, что лекарство было предложено евреем и христианином, Султанюк отказался его принять. Чтобы убедить его, Ричарду придётся прибегнуть к тактике, которая впоследствии приведёт к новой дружбе...

40

Время, проведённое Сабиной на свиноферме колхоза «Ферма Рози», было самым трудным периодом её заключения. Еда едва позволяла женщинам выжить. Каждое утро в пять часов они с трудом сползали с постели в тех же грязных лохмотьях, в которых легли спать с вечера. Свиньи бегали по щиколотку в гнилой жиже, а по всей ферме распространялось мерзкое тошнотворное зловоние. Сабина и другие женщины набивали желудки жомом, которым кормили свиней.

С «Фермы Розы» Сабина была переведена в Генчу, транзитный лагерь, из которого более двух лет назад её отправили на канал.

— Здесь толпы женщин! Лагерь переполнен, как никогда ранее, — перешёптывались между собой заключённые. — Что же происходит?

В бараки Генчи собрали сотни женщин из лагерей по всей Румынии. Либо правительство планировало некую новую, ещё более масштабную схему рабского труда, либо... Никто не осмеливался даже выразить надежду. Все они пережили слишком много и слишком часто обманывались...

На следующий день пролетел слух: десять человек из управления безопасности изучают досье заключённых. Досье! А может, это на самом деле означает свободу?!

Женщин начали вызывать на допросы. Допросы были похожи на те, которым заключённые подвергались в прошлом, однако на этот раз им задавали вопросы с вежливостью. А к концу месяца небольшие группы женщин уже начали покидать Генчу.

ВУРМБРАНДЫ

Наконец, пришла очередь Сабины. Главенствовал за столом толстый майор с розовым, как у младенца, лицом. Его руки напоминали маленькие толстые колбаски, которыми он, разговаривая, всё время разгребал предметы, лежащие у него на столе, как будто собирался вскочить на него, чтобы завершить своё выступление.

Для религиозных заключённых было приготовлено несколько особенных вопросов.

— Вы должны знать, госпожа Вурмбранд, что в этом месте я сильнее Бога. По крайней мере, Он до сих пор не продемонстрировал здесь никаких чудес. — Двое его помощников улыбнулись, восхищённые его остроумием. — Но понимаете ли вы это? Действительно ли вы осознали притворство религии? Поняли ли вы, что в коммунистическом обществе Бог лишний, что вы больше не нуждаетесь в Нём? Если вас когда-либо выпустят отсюда, вы будете поражены достижениями последних лет. И это только начало!

Новый золотой кант на его погонах взблёскивал на солнце, когда он перебирал документы в папке.

Сабина вздохнула и ответила:

— Я вижу, что вы наделены здесь властью. И, вероятно, у вас есть документы обо мне, о которых мне даже не известно и которые могут решить мою судьбу. Но Бог также ведёт Свою книгу, и ни вы, ни я не имели бы жизни, если бы её не дал нам Бог. Поэтому оставит ли Он меня здесь или освободит, — я знаю, что Его воля споспешествует моему благу.

Майор грохнул обоими кулаками по столу.

— Вы неблагодарны, госпожа Вурмбранд, неблагодарны! Мне очень жаль, что вы не смогли извлечь урок, и я должен доложить об этом начальству.

В течение нескольких минут майор кричал в порыве гнева.

Однако через три дня имя Сабины было зачитано вновь. Её судьбу решали власти, гораздо более высшие, чем майор...

Вскоре Сабина уже стояла в ожидании на заснеженном дворе под зданием администрации со своим нищенским узелком в руках. Другие тоже ждали. Даже теперь женщины не были уверены, что их освободят. Первая уверенность пришла только тогда, когда их вывели за ворота, обмотанные колючей проволокой, и приказали стоять на дороге, пока надзиратель начал длительный процесс раздачи каких-то листов бумаги.

Ветер относил его хриплый голос куда-то в поле:

— Вурмбранд Сабина, место рождения — Черновцы, 1913 год...

Сабина взяла документ. На нём крупными буквами было написано «Свидетельство об освобождении». Остальное её прочитать было трудно, поскольку уже темнело. Сабину и остальных освобождённых посадили в грузовик и повезли из Генчи на окраину Бухареста.

Сабина выбралась из кузова и побрела со своим жирным вонючим узелком через пригороды. Впервые почти за три года она видела людей, которые спешат домой после работы, семьи, которые делают покупки. Если её дом всё ещё существует, если что-нибудь вообще ещё существует — она скоро будет там. Сейчас Михаю уже четырнадцать. Что же годы сделали с ним?

Вокруг сияли огни, из всех сторон доносились разнообразные запахи. Сабина посмотрела в сторону остановки трамвая номер семь. «Будет ли кто-нибудь добр оплатить мой проезд?» — спросила Сабина. С десятков людей сразу же предложили деньги. У каждого, казалось, в тюрьме был родственник или друг.

Когда трамвай проезжал улицу Победы, в памяти Сабины всплыли печальные воспоминания об отделении милиции, куда её привезли после ареста. С тех пор здесь ничего не изменилось. Гигантские портреты четырёх «гениев» человечества — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — по-прежнему свысока смотрели на всех проходящих мимо.

ВУРМБРАНДЫ

Сабина вышла из трамвая возле хорошо знакомого ей многоквартирного дома и поднялась по лестнице. Дверь открыла подруга.

— Сабина! — от неожиданности она вскрикнула и сразу же зажала рукой рот, сделав шаг назад. — Неужели это ты?!

Женщины обнялись, и на глаза Сабины накатились слёзы.

Кто-то побежал за Михаем. Сердце Сабины, казалось, остановилось, когда она увидела его, вошедшего в дверь. Он был высоким, бледным и таким худым! Теперь он был уже молодым человеком.

Когда мать и сын обнялись, слёзы, наконец, потекли и по щекам Сабины. Михай вытер их рукой.

— Не плачь так сильно, мама, — тихо произнёс он.

В тот миг Сабине казалось, что все её горести позади и ей никогда больше не придётся снова плакать...

41

В 1953 году, на следующий день после освобождения, Сабина вместе с Михаем пошли в большой парк Бухареста, Чишмиджиу. Был просто необычайный весенний день. От зимнего сна пробуждались гиацинты. После многих лет заключения и молитв Сабина и её сын, наконец, были снова вместе. Сабина уже не знала Михая, которому исполнилось четырнадцать лет. Теперь он юноша!

Сабина повела сына по тропинкам, по которым они ходили, когда Михай был ещё ребёнком. «*Верит ли он всё ещё в Бога?*» — задавалась вопросом мать. Она вспомнила о том, что в пять лет не по годам развитый сын уже был рыным благовестником, а в семь лет привёл ко Христу профессора, который позже стал членом их общины. С тех пор жизнь Михая была полна травм. Удалось ли коммунистам, на много лет отобравшим у Ричарда и Сабины их сына, отвратить его от веры? Антихристианская пропаганда агрессивно насаждалась в школах и часто преуспевала в обращении учеников из христианских семей.

Сабина рассказала сыну о годах лишения свободы, о том, как вынуждена была работать на берегах Дунайского канала и как сильно скучала по нему, как ежедневно думала о нём и возносила к Богу молитвы за него.

Затем Михай поразил мать словами:

— Мы не критикуем природу за то, что сутки состоят из дня и ночи, из света и тьмы. Я принимаю тот факт, что в людях живёт зло. Давай постараемся не называть их скотами.

ВУРМБРАНДЫ

Как Сабина радовалась этим словам! Михай не колебался в вере. Наоборот, он отверг ложное коммунистическое учение и воспитание. Он был прав. Бог создал и солнце, и луну; первое — для управления днём, а вторую — для управления ночью. Бог даже сказал, что ночь хороша. Но как подросток может отвечать на ненависть с такой зрелостью? Многие взрослые не могут простить своих врагов или даже просто пожалеть их. Сабина восхищалась тем, что её сын добился успеха там, где другие потерпели неудачу. Она поражалась его стойкости, а в его голосе слышала любовь и доброту.

Прогуливаясь под цветущими плодовыми деревьями, Михай сказал:

— Ты, мать, и отец также — вы избрали крестный путь, как наилучший способ служить Богу. Я не знаю, выбрал бы я его или нет. Я ощущаю себя ближе всего к Богу в таких местах, как это, где красиво, где нет страданий и стыда.

Маленькие дети часто радуются маленьким радостям, и Михай не был исключением. Бог посылал в его молодую жизнь маленькие удовольствия.

— Смотреть на Божьи лилии, — напомнил Сабине сын, — не стоит денег.

Михай спросил:

— А почему бы просто не остаться в саду, не вдыхать запах цветов и любовь Бога?

Сабина ответила:

— Ты знаешь, что, когда Иисус был распят, Он находился неподалёку от сада. Что бы ты сделал, если бы, находясь в саду, услышал вопли распинаемого невинного человека? Застенки Вакарешти и Джилавы недалеко отсюда. Там люди подвергаются пыткам в то время, когда мы любуемся цветами. Да и Министерство внутренних дел совсем рядом, на этой же улице.

— Тебе было очень трудно, мама? — спросил Михай.

ГЛАВА 41

Сабина предложила ему ответ, в который в молодые годы сама не поверила бы:

— Михай, мы евреи и дети Божьи. Больше всего нам причиняли страдания не физические истязания, а то, что нас сделали рабами иллюзорного мира и пытались отделить от духовного. История канала показывает, насколько бесполезным может быть труд, если за ним не стоит Бог. — Михай кивнул в знак согласия, а Сабина продолжила. — Ведь, в конце концов, строительством канала так ничего и не было достигнуто, как, впрочем, ничего не достигли ни Римская империя, ни греческие республики, ни первое еврейское государство, ни египетские и китайские цивилизации, ни Британская империя. Все они принадлежат к миру иллюзий.

Но теперь слова уже не имели никакого значения. Мать и сын наслаждались остатком прогулки в молчании, радуясь воссоединению после того, как уже было потеряли надежду снова быть вместе.

Позже тем же вечером Михай пришёл в комнату Сабины с книгой «Сравнительные жизнеописания» Плутарха в руках. Прочитав матери о жизни Катона, он сказал, что дворец тирана Суллы был ничем иным, как местом казни, поскольку там подвергались пыткам и умирали многие люди. Катону было тогда четырнадцать лет, как и Михаю.

Видя, как проносят головы знатных персон, и заметив, как люди тайно вздыхают при виде такого страшного зрелища, Катон поинтересовался, почему кто-нибудь не убьёт Суллу. Его учитель ответил, что люди боятся тирана гораздо больше, чем ненавидят его.

Тогда Катон предложил: «Дайте мне меч, чтобы я мог убить этого человека и избавить свою страну!»

ВУРМБРАНДЫ

Михай закрыл книгу и сказал Сабине:

— Катон прав. Я чувствую себя так же, как он. Я хотел бы просто наслаждаться жизнью, но иногда удивляюсь, почему так много молодых людей ничего *не* предпринимают, ведь только один мальчик, как я, мог бы избавить страну от тирана. Об этом говорит весь Ветхий Завет. Разве такие мысли не от Бога?!

Сабина на мгновение задумалась.

— В современных условиях это не помогло бы. И насилие — не самый лучший способ. Мы должны попытаться искоренить *тиранию*, а не убить тирана. Мы должны ненавидеть грех, но любить грешника.

— Мама, — ответил Михай, — но ведь это труднее всего.

Сабина кивнула и поцеловала сына на сон грядущий. *Да, это труднее всего!*

42

Спустя почти неделю после освобождения Сабину разбудил звон бухарестских колоколов. Сначала звук исходил от соборной башни Святого Спиридона, затем к нему присоединились окружающие церкви и средневековые монастыри, и звон слился в прекрасную жалобную мелодию. Умер Иосиф Сталин. Это произошло 5 марта 1953 года.

Сабина вышла на улицу и подставила лицо под тёплый солнечный свет. Несмотря на то, что эта зима была самой ужасной за последние тридцать лет, в воздухе, казалось, витали предвестники новой надежды. Трамвайные вагоны, как обычно, провизжали по рельсам и засвистели на повороте, как будто они были аттракционом в парке развлечений. Несмотря на запрет публичных собраний, люди наводнили рыночные площади, чтобы узнать, кто умер.

Сабина шла по улице Победы, разглядывая людей, шагающих рядом с ней. Все магазины, школы и фабрики остановили работу ради важного объявления, которое внезапно протрещало из обычно бездействующих громкоговорителей.

«Дорогие товарищи! Труженики Румынской народной республики! Президиум Верховного совета СССР с глубокой скорбью информирует партию и всех румынских трудящихся о том, что от тяжёлой болезни умер Председатель Совета министров СССР и секретарь ЦК Коммунистической партии, Иосиф Виссарионович Сталин. — Аудитория с облегчением вздохнула. —

БУРМБРАНДЫ

Жизнь мудрого вождя и учителя народа, товарища, верного ученика и соратника великого Ленина, оборвалась».

В динамиках зазвучала траурная музыка. Однако для Сабини и большинства других людей звон колоколов означенвал не смерть, а зарю новой надежды. Впервые за долгое время она ощутила облегчение. Трансляция продолжалась, информируя население о том, что кончину человека, посвятившего себя уничтожению христианства, ознаменуют богослужения во всех церквях.

Спустя годы дочь Сталина, Светлана, раскроет подробности последнего дня жизни отца¹. По её словам, Сталин умер ужасной смертью. Когда у него началось мозговое кровоотечение, которое подавило части мозга, отвечающие за дыхание, он начал медленно и мучительно задыхаться. В течение последних двенадцати часов жизни его дыхание становилось всё более затруднённым, губы почернели, и постепенно он задохнулся. За несколько мгновений до смерти его глаза открылись и обвели собравшихся у его смертного одра правительственных чиновников, членов семьи, друзей и медицинский персонал ужасным, зловещим, пугающим взглядом. Затем он внезапно поднял левую руку в угрожающем жесте, указывая на что-то вверху, как будто проклиная всех в комнате. После этого он испустил дух.

Если бы Сталин посвятил всю свою жизнь тому, чтобы записать имена убитых им христиан, этот атеист всё равно не смог бы завершить свой список.

Вернувшись домой из школы, Михай нашёл Сабину на чердаке, слушающей зарубежные радиопередачи о смерти Сталина. Он принёс специальный выпуск газеты, который раздобыл по дороге домой. «Скинтея», единственная в Бухаресте газета, напечатала панегирик длиной в целую страницу и статью, в которой пламенно воспевалось славное наследие товарища Ста-

¹ Светлана Аллилуева, «Двадцать писем другу: Воспоминания», Нью-Йорк: «Harper Perennial», 2016, с. 10.

ГЛАВА 42

лина. Плакаты об этом умершем вожде коммунизма сопровождали Михая везде, где бы он ни проходил.

На одной из радиостанций диктор процитировал стих из 14-й главы Книги пророка Исаии, в котором описан упадок Вавилонской империи, когда-то порабощавшей евреев: «Ты произнесёшь победную песнь на царя Вавилонского и скажешь: как не стало мучителя, пресеклось грабительство!» (Книга пророка Исаии 14:4).

— Что ты думаешь об этом? — спросил Михай после окончания передачи.

— Я не испытываю жажды мести, — ответила Сабина. — В последние минуты жизни в сердце человека, который смотрит в глаза смерти, могут произойти кардинальные перемены.

Однако, к сожалению, в жизни Сталина такие перемены, похоже, не произошли...

Сабине не было грустно. В Румынии наступит новая эра, конец рабских трудовых лагерей, пыток и многого другого зла, порождённого коммунистическим режимом. Вскоре после смерти Сталина из-за острой необходимости поднять уровень жизни населения Румынии правительство приняло решение сместить приоритеты со строительства крупных общественных объектов на производство товаров народного потребления.

Сабина сопереживала евреям, которые вернулись из рабства в Иерусалим. Дочитав последние слова статьи, напечатанной в «Скинтеи», она прошептала строку из пасхальной молитвы: «Мы были рабами фараона в Египте, и Господь рукою всемогуще освободил нас».

18 июля 1953 года, спустя четыре мучительных года после начала строительства, проект Дунайского канала был заморожен, несмотря на то что завершена была лишь седьмая часть

ВУРМБРАНДЫ

работ. Слухи, которые Сабина услышала в Тыргушоре, действительно оказались правдой. Проект должен был продемонстрировать силу коммунизма, однако человеческие издержки на строительство канала оказались ошеломляющими. Казармы, так хорошо известные Сабине, были закрыты навсегда. Сквозь бетон в бараки теперь пробивались трава и сорняки, по полу ползали змеи, на которых когда-то охотились заключённые, чтобы утолить свой голод. Непосильный труд десятков тысяч мужчин и женщин, порабощённых на берегах канала, оказался тщетным. Были положены бесчисленные тысячи жизней, и тысячи семей невинно пострадали от невыносимой жестокости.

Румынские инженеры считали, что канал всё равно невозможно было бы ввести в эксплуатацию. Они предупреждали, что для него и других ирригационных проектов воды всё равно оказалось бы недостаточно. Главные инженеры и планировщики этого проекта были арестованы. Двое из них были расстреляны. Ещё тридцать получили сроки до двадцати пяти лет каждый. Строительство канала возобновилось лишь двадцать три года спустя, однако на этот раз не с использованием рабской рабочей силы, а с помощью самого современного оборудования.

Вавилон тоже когда-то гордился созданными им ирригационными системами, орошающими знаменитые висячие сады. Свидетелями величия этого чуда света когда-то были евреи. Но, подобно разрушению персами Вавилона, Чёрное море теперь уничтожало канал и даже следа от него не оставило.

43

Сабина чувствовала себя воскреснувшей из мёртвых.

«Если только мне удастся выйти отсюда, — мечтала она, когда ещё находилась в тюрьме, — я буду счастлива жить на хлебе и воде все оставшиеся дни жизни».

После почти трёх лет унижений, голода и непосильного труда мечта Сабины, наконец, сбылась. Теперь она наслаждалась свободой. Сломанные рёбра и окровавленные пальцы зажили. Никакие Пётры больше не бросали её в ледяную реку. Будущее снова выглядело светлым, и она не могла видеть тени, нависающие над горизонтом.

— Где ваша трудовая книжка? — рявкнул чиновник правительственного учреждения.

— Я бывшая заключённая, — сказала Сабина, которой пришлось простоять в очереди больше четырёх часов.

— Ничем не могу помочь. Нет работы и трудовой книжки — нет и продовольственной карточки.

Сабина вышла на улицу, не зная, где теперь добывать еду. С возвращением с берегов канала её страдания не прекратились. Коммунисты конфисковали их с Ричардом жильё на улице Олтени в историческом районе Бухареста, Вакарешти. После нескольких дней выстаивания в очередях и заполнения бланков Сабине с Михаем разрешили занять плохо утеплённый чердак дома, в котором была расположена их бывшая квартира. Там не было ни воды, ни туалета. Зимой там было очень холодно, а летом — слишком душно. Потолок был покрыт пятнами грибка.

На шатких кроватях с вырванными пружинами было невозможно спать. Окно выходило на кирпичную стену.

Бывшим заключённым, таким как Сабина, приходилось ютиться в непригодных к проживанию перенаселённых квартирах, без удобств и отопления. Еды катастрофически не хватало, а электричество подавали редко. Чтобы приобрести предметы первой необходимости, продавали семейные реликвии. Одна из подруг Сабины продала всё своё имущество — столовые приборы, простыни, коврики и книги, чтобы купить лекарства для больного отца.

К Сабине стекался поток друзей, которые умоляли сообщить им что-либо об их родственниках и близких.

— Сабина, будь осторожна в своих разговорах, — умоляли ближайшие друзья. — Здесь *повсюду* информаторы!

Скоро жить с Сабиной и Михаем пришла труженица подпольной церкви по имени Жанетта. Потом на их и без того переполненном чердаке поселилась Мариетта, молодая женщина, страдающая эпилепсией. В один прекрасный день она появилась на пороге их дома с тёмно-синими кругами под глазами, в изношенном чёрном пальто. Она протянула Сабине и Михаилу небольшой свёрток, перевязанный шнуром — две французские булочки, для покупки которых она простояла в очереди два часа.

— Как здесь уютно! — воскликнула Мариетта, вдыхая аромат жарящейся на плите картошки.

Вместе они разделили скудную трапезу.

— Ну, Мариетта, как видишь, это — не дом. Это просто старый чердак, чулан, который когда-то мы использовали, чтобы хранить старые вещи, когда ещё жили внизу, — начала Сабина. — Но, если хочешь, мы могли бы втиснуть сюда ещё одну кровать. Думаю, мы сможем где-нибудь найти матрас.

Через тридцать лет улица Олтени будет снесена, а столетние культурные и религиозные памятники — стёрты с лица города,

ГЛАВА 43

чтобы освободить место для жилых многоэтажек и правительственных учреждений. А пока Сабина, её сын и подруги жили на крошечном чердаке...

Когда Ричард узнал об освобождении Сабины, у него поднялось настроение, и он начал размышлять над тем, как бы помочь Султанюку. Он был готов пожертвовать собственным здоровьем, отдав ему свой стрептомицин. Пастор завёл разговор с сокамерником по имени Иосиф, добродушным восемнадцатилетним парнем, который был арестован при попытке дозвониться к сестре в Германию. Став заложником в политической игре, Иосиф подвергся жестоким пыткам и был приговорён к исправительным работам на Дунайском канале, недалеко от места, где отбывала заключение Сабина. Вскоре Иосиф заболел туберкулёзом. Его молодое лицо теперь было изуродовано язвами.

— Я ненавижу Бога! — Иосиф сплюнул. — Если будете продолжать приставать ко мне со своими разговорами, позову надзирателей. Оставьте меня в покое!

Ричарду было интересно, действительно ли Иосиф был тайным информатором. Если следователям не удавалось самим получить у заключённого необходимую информацию, к нему в камеру подсаживали «стукачей». Возможно, Иосиф был одним из них. Однако Султанюк находился в опасности — он мог умереть в любую минуту, и возможность помочь ему стоила риска.

Ричард попросил Иосифа сказать Султанюку, что стрептомицин ему отдал больной, который сочувствовал фашистам, а затем сам поклялся ему в том, что лекарство — не его. Находящийся на грани смерти фашист, наконец, принял порошок, и через несколько дней его здоровье полностью восстановилось.

ГЛАВА 44

— Стрептомицин был действительно не мой, он принадлежал Богу, — позже объяснил Ричард Иосифу. — Я отдал его Богу в тот миг, когда получил его.

Этот разговор услышал заключённый католический епископ.

— Господин Вурмбранд, не думаете ли вы, что во время допросов обязаны говорить правду?

— Конечно нет! — ответил Ричард. — Я не испытываю угрызений совести, когда отвечаю первое, что приходит мне в голову, если это поможет ввести в заблуждение тех, кто пытается поймать в ловушку моих друзей. Неужели я должен предоставить им информацию, которую они используют против Церкви Божьей? Я — служитель Божий! Это тот случай, когда ужасное слово «ложь» используется для того, что, как подсказывает нам инстинкт, является правильным. Я уважаю правду, но готов соврать, чтобы спасти друга.

— Что же тогда вы называете ложью? — поинтересовался Иосиф.

— Ты хочешь услышать от меня определение? Совесть того, кто руководствуется Святым Духом, в любых жизненных обстоятельствах подскажет, что сказать и что оставить недосказанным. Ведь ты же не думаешь, что клятва, которую ты дал Султанюку по поводу стрептомицина, была ложью, не так ли?

— О, нет, — ответил Иосиф и расплылся в улыбке. — Это было проявление любви.

Ричард уловил смягчение в сердце Иосифа и спросил:

— Почему ты говоришь, что ненавидишь Бога?

— Почему?! — воскликнул Иосиф. — Сначала расскажите мне, почему Бог создал туберкулёз.

— Я могу объяснить, — предложил Ричард, — если ты спокойно выслушаешь меня.

Иосиф подпёр голову рукой.

— Я готов слушать всю ночь, если вы сможете объяснить.

ВУРМБРАНДЫ

— Одна палочка живёт и заквашивает тесто, — сказал Ричард. — Другая живёт и повреждает лёгкое ребёнка. Ни одна из них не знает, что она делает, но я одобряю одну и осуждаю другую. Сами по себе они не являются ни хорошими, ни плохими; мы определяем их полезность в зависимости от того, удобны они для нас или нет. Мы хотим, чтобы вся вселенная приспособилась к нам, однако мы — всего лишь её бесконечно малая часть. То, что мы называем плохим, часто является просто незаконченным добром.

— Чтобы доказать это в моём случае, придётся потрудиться, — произнёс Иосиф.

— Четыре тысячи лет тому назад жил человек по имени Иосиф. Он был продан в рабство своими братьями и пережил в Египте много несправедливости. Затем он стал премьер-министром и смог спасти свою землю и неблагодарных братьев от голода. Поэтому пока, как и Иосиф, ты не узнаешь конца истории, ты не поймёшь, является ли то, что с тобой происходит, злом или же благом для тебя.

— А как быть тем, кто не дожили до того, чтобы снова увидеть свободу? — поинтересовался Иосиф.

— Лазарь умер в нищете и болезни, но в притче Иисус говорит нам, что он «отнесён был Ангелами» в вечное благословение (Евангелие от Луки 16:20–22). После смерти каждый из нас получает свою награду, и только тогда, когда мы увидим конец, сможем всё понять.

Через несколько недель Иосиф получил известие о том, что скоро он будет освобождён. Его планы на будущее, которое он надеялся провести в Америке, зависели от овладения им английским языком, и Ричард пообещал научить его. Иосиф очень переживал, не помешает ли его изуродованное туберкулёзом лицо возможности трудоустройства.

Ричард ободрял юного друга:

ГЛАВА 44

— Русский писатель Николай Островский был слеп, парализован и настолько беден, что ему приходилось записывать свой роман на обёрточной бумаге. Шиллер, Шопен и Китс, как и мы, страдали от туберкулёза. Великие люди нередко были больными.

— Пастор, — однажды после долгих раздумий сказал Иосиф, — если Иисус такой же, как вы, то я люблю и Его.

Надзиратель, вошедший в камеру Ричарда, потребовал, чтобы он оделся, а затем повёл его, закованного в кандалы, по коридору в большой зал, где его ожидал посетитель.

Сквозь железную решётку окна Ричард мельком увидел знакомый тощий профиль. *«Мой сын! Неужели это действительно он?!»*

В течение долгих лет Ричард представлял, что он скажет Михею, если увидит его снова. Он вспомнил о том, как Сабина сообщила ему о своей беременности, и о том, как молодые супруги танцевали от восторга, что вскоре будут приветствовать появление на свет своего первенца. Что думает Михай об отце? Узнает ли его?

В каждом углу комнаты для свиданий стояли надзиратели, пристально наблюдая за ходом разговора. Однако в тот миг для Ричарда исчезло всё: стены, окна, следователи, которые прослушивали их разговор с целью получить информацию. Здесь были только два человека: худой заросший отец и его любимый сын.

Ричард изумлённо смотрел в глаза Михея. Когда отец был арестован, мальчику исполнилось всего девять лет. Теперь же, шесть лет спустя, его сын был уже почти мужчиной. В доказательство этого у него даже пробились молодые усики.

— Мама говорит, что, даже если ты умрёшь в тюрьме, ты не должен грустить, потому что мы все снова встретимся в раю.

ВУРМБРАНДЫ

— Как она? — спросил Ричард. — Достаточно ли дома еды?

— С ней почти всё в порядке, — заверил отца сын. — У нас есть еда. Наш *Отец* очень богат.

Михай пересыпал разговор стихами из Библии, выдавая надзирателям мало информации о Сабине. Ричард был взволнован, услышав, как Бог защищает его семью. В отличие от жён сотен других заключённых, Сабина не подала на развод.

Радостные новости оказались более сильнодействующим лекарством, чем стрептомицин. Независимо от того, сколько лет тьмы его ожидало, теперь Ричард мог выдержать железную хватку коммунизма, зная, что его жена и сын наконец-то в безопасности.

45

Здоровье Сабины понемногу улучшалось. Однако каждый глубокий вздох всё ещё причинял сильную боль под сломанными рёбрами. Врачи, удивлённые тем, каким пыткам Сабина подверглась во время заключения, заверяли, что боль носит временный характер и в ближайшие месяцы утихнет.

Однажды утром, проходя по улице Олтени, Сабина заметила потрепанного человека маленького роста с жидкими волосами. Он пристально посмотрел на неё, прежде чем задеть её плечом. Сабина не обратила на это особого внимания, пока через несколько минут не сунула руку в карман, в котором нашла аккуратно сложенную записку.

«Должно быть, это он сунул её мне в карман!» — подумала Сабина. Она поднесла её к свету и прочла: «И будет в тот день: когда Господь устроит тебя от скорби твоей и от страха и от тяжкого рабства, которому ты порабощён был...» (Книга пророка Исаии 14:3).

«А может, тот человек — ангел?» Этого Сабина не знала, однако ощущала любовь, исходящую из записки. Куда бы она ни посмотрела, везде она видела Божью милость. Каким неведомым ранее благословением стал для неё Бухарест! При виде людей, которых она встречала на улицах, её сердце наполнялось радостью. Борьба всё ещё не закончилась, как не закончилась и поддержка от членов подпольной церкви, посланная ей Богом...

Лишь спустя годы Сабина узнает название движения христианского сопротивления, частью которого стала. Подпольная

церковь, действующая прямо в железном кулаке коммунизма, не имела официального названия. Она не могла похвастаться ни величественными соборами, ни церквями со сводчатыми потолками. Её пасторы не носили ни вычурных мантий, ни особенной клерикальной одежды. Их нельзя было различить ни по сану, ни по полученной ими учёной степени. Члены подпольной церкви не соблюдали законы коммунистов, и это было их единственной отличительной чертой. Они были последователями Христа, которые выполняли свои обязанности в страхе Божьем и повиновении Священному Писанию. Ни более, ни менее.

Подпольная церковь существовала всегда. На протяжении всей истории церкви множество христиан не могли поклоняться свободно, как хотели, из-за угрозы наказания. В течение столетий целые общины рисковали жизнями, собираясь для поклонения единственному истинному и живому Богу в подполье.

Сабина знала, что до тех пор, пока существуют правительства, гонящие христиан, будет существовать и подпольная церковь. После освобождения она свидетельствовала окружающим о том, что Бог совершил в её жизни. Тем, кто испытывал страх, она объясняла, что на самом деле христиане свободны, они граждане города, строитель и архитектор которого Бог. Обучение людей этой истине и стало основным служением Сабины, а годы её заключения лишь добавили её посланию достоверности.

Многие бывшие друзья Сабины теперь избегали её и, боясь потерять работу, не смели даже подойти к её дому. Другие, когда чиновники спрашивали их, знакомы ли они с Сабиной, отрицали даже это.

Однажды, проходя мимо университета, в котором училась в юности, Сабина встретила преподавателя, которого очень хорошо знала. Она окликнула его, чтобы поприветствовать, как раз в то время, когда мимо проходил его коллега.

— Вы ошиблись, гражданка. Я не знаю вас! — ответил Сабине профессор и отвернулся, стыдясь посмотреть ей в глаза.

ГЛАВА 45

Церковь Вурмбрандов теперь возглавляли два молодых лютеранских пастора. Они пытались руководить собранием в меру своих способностей, однако их учение основывалось на книгах, а не на тюремных страданиях. Они владели обширными знаниями истории предыдущих эпох, но, когда приходилось применять эти знания в условиях коммунистической Румынии, им было трудно справиться.

В отличие от них, Сабине удавалось поддерживать и вдохновлять братьев и сестёр. Иногда её смущало то, что так много верующих стучалось за советом именно в её дверь. Однако она всегда распахивала её, чтобы ободрить обеспокоенные души, нуждающиеся в совете, утешении и молитве.

К верующим, которые пострадали за веру, христиане в Румынии относились с особым почтением. Как и во времена ранней церкви, преследуемых отцов и матерей возносили на пьедестал. Им поклонялись как героям веры, как святым. Каждое слово, исходившее из уст Сабины, воспринималось как истина Евангелия. Но она сопротивлялась славе и идолопоклонству и запрещала людям относиться к себе с преувеличенным почтением, напоминая, что она всего лишь слуга Христа. Сабина знала, что мученики не делают истину — истина делает человека мучеником.

— Мама, с меня достаточно. Я больше не пойду в школу! — В тот день Михай вернулся домой рано с глазами, сияющими твёрдым решением никогда больше не возвращаться туда, откуда он только что ушёл.

— Что значит «с меня достаточно»? — удивлённо переспросила Сабина.

— Я больше туда не пойду!

— Но ты же должен получить образование! — Сабина не понимала сына.

ВУРМБРАНДЫ

— Только не там! — ответил Михай.

Михай объяснил Сабине, что в школе его кандидатуру предложили выдвинуть для вступления в пионеры. Этой чести могли удостоиться только лучшие ученики. Однако, вступив в пионеры, он должен был носить красный галстук. Михай категорически отказался.

— Я не буду носить красный галстук! — отрезал он. — Это символ партии, которая держит моего отца в тюрьме.

Учительница, также еврейка, боясь потерять работу, выругала Михая и отправила домой. Сабина знала, что сыну необходимо получить образование, и убедила его на следующий день вернуться в школу.

Большинство преподавателей, особенно евреи, ненавидели свою работу, потому что не могли свободно преподавать свой предмет. Их заставили включать в планы уроков коммунистическую пропаганду. Сабина знала, что на самом деле Румыния никогда не была коммунистической страной, она была страной, угнетаемой коммунистами.

На следующий день учительница Михая, обняв его, позволила вернуться в класс. Она была готова к последствиям. С того дня она всегда защищала Михая. Другие учителя знали, что Михай был сыном политзаключённого, и уважали его за мужество. Время от времени он даже решался выступать против атеистической пропаганды. Иногда он проигрывал споры, но только лишь потому, что не мог ещё, как взрослый, уследить за поворотом мысли и доводов учителей. Но он снова и снова вставал на защиту своей веры.

В то время как Сабина находилась в тюрьме, Михай остался на попечении «тёти Алисы», учительницы воскресной школы.

— Пока ты побудешь моей мамочкой, — сказал ей Михай.

ГЛАВА 45

Алиса заботилась о сыне Сабины с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать лет. Когда-то она была руководителем отдела образования, однако после отказа вступить в коммунистическую партию была уволена. Алиса перебивалась репетиторством по французскому и подготовкой учеников, таких как Михай, к экзаменам.

Узнав о бедственном положении Алисы, одна пожилая пара преодолела двухдневный путь, пробираясь окольными дорогами до Бухареста, чтобы избежать обнаружения, и отдала ей большую часть своих сбережений. Госпожа Михайловичи, рискуя жизнью, прошла десятки километров от своей деревни до Бухареста пешком с мешком картошки, чтобы отдать Алисе всё, что у неё было, и тем самым помочь ей прокормить Михая. О её визите стало известно милиции, и женщину так сильно избили, что она больше не смогла оправиться от травм.

Бедность Алисы не помешала ей принять Михая в свою семью, несмотря на то что ей и так приходилось в одиночку заботиться о престарелом отце. Все трое жили в одной комнате. Женщина с любовью тратила те немногие гроши, которые ей удавалось заработать, на нужды своих иждивенцев.

Алиса заботилась и о других детях, чьи родители находились в тюрьмах или были убиты. Смелость и мужество этой женщины спасли многих детей, которые жили на улицах, голодали и могли бы даже умереть.

Благодаря Алисе Михай смог встретить Сабину после освобождения словами:

— Мама, я на вашей с отцом стороне. Я люблю Господа!

Посещение школы было трудным испытанием для Михая. Во все предметы была включена атеистическая пропаганда — от точных наук до литературы. Детям промывали мозги, демонстрируя многочисленные фильмы. Во время пропагандистских воспитательных часов высмеивалось христианство. В каждой школе существовал «уголок безбожника», в котором выставля-

лись фотографии и книги с цветными иллюстрациями, высмеивающие священников и пасторов, ведущих аморальную жизнь.

Сабина пыталась помочь Михаю противостоять пропаганде, которой он подвергался в школе. Сама будучи когда-то атеисткой, она знала, как бороться с промыванием мозгов. Когда-то Ричард помог Сабине преодолеть собственные сомнения. Он сказал, что никто не требует доказательств существования природы. Духовные существа осознают скрытые реальности, которые так же реальны, истинны и доказательны, как и всё, что происходит в мире природы.

Святого Духа, например, нельзя увидеть глазами. Но ни один христианин, исполненный Духа, не сомневается в Его существовании. Иисус сравнивал Духа с дуновением ветра: «Ветер дует, где хочет. Ты слышишь его шум, но не можешь определить, откуда он приходит и куда уходит. Так же и с каждым рождённым от Духа» (Евангелие от Иоанна 3:8, «Новый русский перевод»). Сабина не могла видеть ветер, как и не могла отрицать его дуновение. Точно так же она надеялась вселить в Михая веру и научить видеть невидимое. Она хотела придать его вере силы, чтобы та, как ветер, могла проявиться во время испытаний и помогать ему выстоять.

— Церковь имеет как плотскую, человеческую сторону, так и святую, божественную, — неустанно повторяла сыну Сабина в особенно трудные для него дни. — И такую же двойственную природу имеет каждый христианин. А Божья сила в нём проявляется через покаяние и прощение.

Вурмбранды знали многих пасторов, которые впали в тяжкий грех, однако Сабина напомнила Михаю, что в школьной литературе никогда не рассказывается о раскаянии этих священнослужителей. «Они показывают только их греховную сторону, но скрывают позитивную, — отметила она. — Любой человек может допустить ошибку. Но когда мы сожалеем о содеянном и раскаиваемся, в нас сияет Божья благодать.

ГЛАВА 45

Однажды в школе учитель сказал классу, что царь Давид был убийцей и прелюбодеем. Вернувшись домой, Михай спросил:

— А почему царь Давид захотел жениться на жене Урии?

— Библия не скрывает правду, — ответила Сабина. — Она рассказывает о том, что люди могут грешить и делать ошибки. Но когда ты хорошо задумаешься, то поймёшь, что именно коммунисты лгут и искажают факты.

Жизнь каждой матери-христианки была полем боя. Каждый вечер им приходилось отвоёвывать в сердцах своих детей позиции, которые в течение дня занимали коммунисты. Враги были во всеоружии: они пропагандировали атеизм в школах, в литературе, по радио и телевидению. Однако у Михая было оружие, намного более мощное, чем всё это — пример христианства в действии, который подавала его мать. Теории и философии можно оспорить, однако ничто не может опровергнуть силу молитвы матери.

Сабина и другие христианки научились быть жёсткими, как воины на поле битвы. И если они не могли вести бой с врагом на линии фронта, то обязательно должны были победить его в домашних условиях.

Сами подвергаясь преследованиям, члены подпольной церкви никогда не забывали помогать осиротевшим детям.

Некоторые христиане уезжали из Бухареста, боясь, что их заставят стать информаторами. Другие, однако, поддались давлению. Принуждение предавать других христиан стало в Бухаресте настолько невыносимым, что к Сабине часто приходили христиане, чтобы исповедовать свои злодеяния и попросить прощения.

— Мы в ловушке, — говорила одна женщина. — Мы любим Господа. Мы любим тебя и Михая, но мы не в состоянии противостоять угрозам и шантажу.

ВУРМБРАНДЫ

Сабина слушала её признание:

— Мой муж потеряет работу или, ещё хуже, будет арестован. Нас заставляют сообщать обо всех, кто посещает церковь, а также о том, что говорят прихожане. Мы стараемся рассказывать только то, что не причинит вам вреда, но вам следует быть предельно осторожными!

Коммунисты разделили дома, натравливая членов семьи друг против друга. И если им не удавалось заставить ребёнка доносить на своих родителей, они находили любопытного соседа, коллегу или друга, который готов был предать своих близких. Секуритате собирала большое количество информации о каждой подробности жизни Сабины: о еде, которую она покупала, о том, что она готовила, куда ходила, по каким улицам пролегал её маршрут, о людях, с которыми она разговаривала в течение недели. Девушек допрашивали о юношах, с которыми они встречались. И вся эта информация тщательно документировалась, чтобы потом послужить основой для ареста и заключения христиан.

Основной реакцией церкви стала подпольная деятельность. Поэтому при коммунистической системе многие тысячи тайных христиан носили красный галстук. Некоторые из них даже занимали высокие государственные посты. Они ехали в отдалённый город, где их никто не знал, чтобы пастор тайно совершил христианский обряд бракосочетания или крещения их детей.

Каждый шаг планировали заранее. Везде были информаторы. На чердак к Сабине их приходили сотни. Она всегда говорила им: «Докажите искренность своего раскаяния и расскажите о том, как за нами ведётся наблюдение. Назовите имена офицеров, которым вы предоставляли информацию. Расскажите, где и когда вы встречаетесь с ними».

Информация, полученная Сабиной у раскаивающихся информаторов, помогла спасти много жизней христиан и предотвратить сотни арестов. Сабина создала тайную группу, ко-

торая поставила перед собой цель — не дать коммунистам отслеживать христиан. Вместе с другими членами подпольной церкви Сабина следила за действиями представителей органов безопасности и предупреждала семьи христиан прежде, чем становилось слишком поздно. Она возглавляла слежку за сотрудниками секуритате на улицах, фотографировала их и изучала их контакты.

Выследить полковника Ширкану было крайне рискованно, однако Сабина следила за ним с таким же усердием, как и он за ней. Каждый день она уходила из дома в одно с ним время, неустанно наблюдала за ним и изучала его привычки. В конце концов, когда Сабина установила обширную сеть его контактов, её нетрадиционные методы сработали, и множество пасторов и семей, которые в противном случае подверглись бы допросам, удалось спасти. Сабина считала, что церковь нужно защищать любой ценой, даже если для этого придётся по одному отслеживать всех информаторов.

Михай также стал идеальным разведчиком. Будучи ещё подростком, он представлял для милиции мало интереса, но держал уши остро, а глаза — широко открытыми. Михай наблюдал за информаторами и передавал услышанное и увиденное матери. Переживая обычные для подростка трудности, он помогал укреплять подпольную церковь и воодушевлял многих. Оба — и Михай, и Сабина — знали, что любая ошибка, велика она или мала, может привести к их тюремному заключению или к чему-то более худшему...

46

Как-то Михай вернулся со школы с широкой улыбкой на лице, и когда Сабина поинтересовалась её причиной, он рассказал матери шутку:

— Гитлер, Наполеон и Александр Македонский в аду взяли выходной, чтобы посмотреть парад, проходящий на Красной площади в Москве. Когда мимо Гитлера проезжали колонны танков, он сказал: «Если бы я знал, что Советская армия настолько сильна, я никогда не напал бы на Советы». Александр Македонский заметил: «Если бы у меня была такая армия, как эта, я бы завоевал весь мир». А Наполеон, оторвавшись от чтения советской газеты, сказал: «Если бы все газеты были так послушны, как *«Правда»*, мир никогда бы не узнал о том, что произошло под Ватерлоо!

Сабина знала, что Михай услышал эту шутку не от учителей, и улыбнулась. Закончив обучение в школе, её пятнадцатилетний сын не мог продолжать своё образование: дети политических заключённых не имели права на учёбу в вузе. Поэтому у него появилась масса свободного времени.

Однажды давний друг Ричарда услышал, как Михай играет на фортепиано, и предложил ему работу настройщика.

— Я настраиваю инструменты в Государственном оперном театре, — сказал он. — Мне нужен помощник с тонкими пальцами и хорошим слухом.

Михай обладал и тем, и другим. Чтобы устроиться на эту работу, ему пришлось заполнить анкету, состоящую из шестнад-

ГЛАВА 46

цати страниц. От него требовалось указать адреса двух соседей на каждой улице в каждом городе, где он жил за последние двадцать лет.

— Подготовьте соседей, чтобы они знали, что сказать, когда к ним придут из Департамента безопасности, — предупредил настройщик.

Одним из вопросов в анкете гласил: «Подвергался ли ваш отец арестам?» Михай на миг задумался и написал: «Нет», тихо прошептав: «Он был *похищен* на улице. Это вовсе не арест».

Михай работал настройщиком музыкальных инструментов с зарплатой, которая составляла для их обнищавшей семьи огромную сумму денег. Он также получил продовольственную карточку, позволяющую покупать хлеб и другие товары. Через несколько месяцев друг отца обнаружил, что у Михая отличный слух и он с лёгкостью определяет ноту и тональность.

— Он делает свою работу лучше, чем я, несмотря на то что я работаю здесь уже сорок лет! — как-то сказал он Сабине.

Однако восемнадцать месяцев спустя Михай потерял работу. Кто-то сообщил властям, что он сын политзаключённого, и у настройщика фортепиано не было выбора, кроме как уволить его. Тем не менее, к этому времени юноша уже стал специалистом по ремонту разного рода музыкальных инструментов, завёл собственный круг клиентов среди музыкантов Бухареста и продолжал зарабатывать деньги для своей семьи.

Чтобы содержать семью, Сабина искала всякого рода случайные заработки. Сначала это была артель по разведению шелкопряда, о которой Мариетта прочитала в журнале: «Выращивание шелкопряда в домашних условиях станет дополнением к вашему доходу и будет споспешествовать строительству социализма».

Михай не мог сдерживать ухмылку.

— Мариетта, наверное, спит и видит себя в шикарном вечернем платье из доморощенного шёлка!

ВУРМБРАНДЫ

— Нет, серьёзно, — настаивала Мариетта, услышав его слова. — Шёлк дорого стоит!

Михай потянулся к журналу и сказал:

— Да, но всё, что вы будете производить, придётся сдавать в государственную артель. Как вы думаете, сколько *вам* будут платить? А где мы будем держать этих червей? Если вы думаете, что я соглашусь есть за столом, на котором будет стоять коробка грязных старых шелкопрядов, то вы глубоко заблуждаетесь.

Все рассмеялись.

— Мы могли бы держать их под твоей кроватью, — предложила Сабина.

— Разве что под *твоей* кроватью, — огрызнулся Михай.

Тем не менее, Вурмбранды решили выращивать червей-шелкопрядов на кухонном столе. Михай начал читать инструкцию. «Перед тем, как превратиться в мотылька, шелкопряд вращается вокруг себя и оплетает своё тело коконом». Он замолк и посмотрел на Сабину.

— Я и не подозревал, что шелкопряды превращаются в мотыльков. Будь осторожна с ними, мама. А то однажды снимешь крышку, и они улетят.

Он продолжил чтение: «При разматывании кокона образуется шёлковая нить длиной во много сотен метров».

— Здесь разматывать будет немного неудобно, не так ли?

Сабина держала личинок шелкопряда в картонной коробке с пробитыми в верхней части отверстиями. Пепельно-серые гусеницы длиной около семи сантиметров питались листьями шелковицы, которые Михай собирал на близлежащем кладбище. Наевшись с поразительной скоростью, гусеницы заворачивались в кокон из собственной нити. Сабина размотала шёлк со ста коконов и сдала в артель.

За всю работу она получила сумму, которой оказалось достаточно на приобретение продуктов всего на два дня.

После опыта с шелкопрядами Сабина занялась другой работой — изготовлением швейных и вязаных изделий. Деньги, которые Михай зарабатывал настройкой музыкальных инструментов, дополняли бюджет семьи, и, таким образом, Вурмбрандам удавалось отсрочить выселение из квартиры.

В тот год проходил Международный фестиваль молодёжи. Из разных стран мира в Бухарест начала съезжаться комсомольская молодёжь. За три месяца до начала фестиваля с магазинных полок исчезла еда. По улицам потянулись бесконечные очереди голодных людей. Только после длительных поисков и выстаивания в очередях Сабине удавалось раздобыть кусочек сливочного масла или немного муки.

К началу фестиваля полки магазинов внезапно наполнились широким ассортиментом товаров. В течение трёх дней деликатесы, экзотическое мясо и овощи появились на каждом столе.

— В гастрономе я видел коробки с фигами, — восклицал Михай, — и конфеты, завернутые в золотые обёртки!

Сабина старалась купить Михаю лучшую еду, потому что знала, что изобилие долго не продлится. После окончания фестиваля в течение нескольких месяцев дефицит продуктов был ещё хуже, чем до него. Власти Бухареста растратили все резервы в надежде заставить иностранных гостей подумать, что румыны каждый день питаются в изобилии. Ничто не было так далеко от истины...

ВУРМБРАНДЫ

Порядочные семьи опускались до того, что крали еду, чтобы не дать своим детям умереть. Рабочим фабрик месяцами задерживали зарплату. Бухарест вернулся в своё обычное состояние: опять превратился в город, полный лжи и доносчиков.

Поскольку всё больше и больше арестовывали пасторов, на плечи их жён ложилось много работы по созиданию подпольной церкви. Как и Сабина, десятки женщин стали служителями-самоучками, которые учились проповедовать прямо во время проповеди, чтобы продолжать работу своих мужей. Из всех уголков страны в Бухарест съезжались женщины, чтобы попросить совета или помощи. Под одеждой они перевозили христианскую литературу. Затем, спрятавшись от посторонних взглядов, они запоминали её содержание и пересказывали его во время проповеди.

Чтобы коммунизм рухнул, на счету был каждый боец-христианин, независимо от того, мужчина это или женщина. И когда, чтобы нести факел истины, не хватало мужчин, их место занимали женщины, и свет Евангелия продолжал сиять.

У христиан были свои сигналы. Ночью в окне зажигалась свеча. Тогда христиане поднимались по лестнице и издавали еле слышный обусловленный стук. Они входили в маленькую комнатку. В погребах и на затхлых чердаках подпольная церковь собиралась для поклонения, пения и проповеди. Там было недостаточно кислорода даже для того, чтобы горела лампа. Она едва мерцала, оставляя комнату, в которой поклонялись дети Божьи, в полутьме. Ни одно место, даже самое тёмное и отвратительное, не было слишком неудобным. Иисус, Свет мира, может осветить самые тёмные чердаки и подвалы.

Преследование церкви всё больше и больше стирало межконфессиональные границы и различия. Под угрозой пыток не

ГЛАВА 47

имело значения, к какой церкви принадлежит человек: католической, православной, лютеранской или методистской. Божьим людям удалось построить мосты более прочные, чем стены, которые когда-то их разделяли. Во времена коммунизма христианство в Румынии стало таким, каким оно было в первые несколько веков после смерти Христа.

После встречи Сабины с пастором Греку изменилось её понимание тактики развития церкви в условиях коммунистического господства. Греку был служителем разрешённой и контролируемой государством церкви, лицензию на проведение богослужений которому дали только потому, что он был известен своим злоупотреблением алкоголем.

Пьющие священники были прекрасными примерами порочности христианства в глазах коммунистов. Плакаты с их изображением выставляли на всеобщее обозрение, а в учебных заведениях показывали подобные иллюстрации в книгах. Но властям не было известно, что Греку употреблял алкоголь только для того, чтобы пустить коммунистам пыль в глаза. Его порок был добродетелью. Он помогал не вызывать подозрений и продолжать своё настоящее, подпольное, служение.

Пастор Греку стал главным вдохновителем и поддержкой Сабины. Он нёс подпольное служение, которое выходило далеко за пределы, установленные государством. Греку учил жену Ричарда, как заимствовать тактику проникновения в конкурирующие организации, которой пользовались коммунисты. До сих пор они проникали в церкви и семинарии, в ряды священнослужителей, теперь же наступило время церкви.

— В Евангелии от Матфея, 21:13, Христос назвал храм вертепом разбойников, — однажды объяснил пастор Греку Сабине, — но после Его смерти и воскресения апостолы намеренно продолжали нести там служение. Нестандартные обстоятельства требуют нетипичных действий.

Тем не менее Сабина колебалась и никак не могла решиться.

ВУРМБРАНДЫ

— Многие из наших братьев и сестёр окажутся перед моральной дилеммой. Став членами коммунистической партии, они будут вынуждены поступать так, как не подобает христианину. Верующие люди обязательно выдадут себя и будут обнаружены в течение месяца.

Пастор согласно кивнул.

— Некоторые из них могут оказаться хорошими актёрами. Молодым это будет намного легче. Для них не будет проблемой вступить в комсомол. Потом поступить в милицию. А оттуда — в Департамент безопасности и в партию, — убеждал Сабину пастор Греку.

Сабина увидела в словах пастора мудрость и начала делиться своими мыслями с наиболее доверенными членами церкви. Перебрав в памяти каждого потенциального добровольца, Сабина мысленно разделила их на две группы. Большинство из них не согласилось бы сыграть такую ложную роль. Обман слишком велик, а задание — слишком сложно.

Сабине удалось набрать только горстку тех, кому можно было бы доверять и кто осмелился бы внедриться в систему. Их миссия могла стоить им свободы и даже жизни. И если они примут вызов, то им придётся проникнуть глубоко на территорию врага, где подпольная церковь будет не в состоянии их защитить. Здесь нельзя допустить предательства, так как на кон поставлено множество жизней. Только один из ста членов церкви знал о тайном плане Сабины.

Однажды вечером в беседе с Сабиной у неё дома Греку выразил сомнение, не будут ли родители возражать, чтобы их дети взяли на себя столь опасное задание. Сабина ответила:

— Когда я училась в школе, нам рассказывали о короле Стефане Великом. После того как он был ранен на поле боя, ему удалось добраться до ворот своего замка. Когда он постучал, его мать спросила: «Кто там?» — «Это ваш сын, Стефан!» — ответил король. «Ты не можешь быть моим сыном. Мой сын

ГЛАВА 47

никогда не оставил бы свою армию на поле битвы и не бежал бы. Я не хочу знать тебя!

Сабина знала многих матерей, готовых пожертвовать даже своими собственными детьми ради служения Божьему Царству.

— Я знаю, что им приходится переживать, — ответила Сабина. — Если бы коммунисты доказали мне, что Ричард умер в тюрьме, я бы не только опечалилась. Я бы ещё и гордилась. Если мать гордится сыном, который умирает за свою страну, насколько больше можно гордиться сыном, который стал мучеником за Иисуса Христа!

Эти отважные слова ободрили Греку.

— Умереть, по крайней мере, — это быстрый процесс, — сказал он. — Но есть и другие формы мученичества.

— Да, их множество, — вступила в разговор Жанетта. — И пожертвовать своей внутренней целостностью и христианской репутацией бывает гораздо сложнее, чем пожертвовать свободой или, возможно, даже жизнью.

Пастор Греку встал, собираясь уходить, но ещё раз взглянул на двух мужественных женщин:

— Как странно, должно быть, жить в мире, где за веру человеку не приходится платить высокую цену!

Однажды Сабину посетила подруга Мариетты, восемнадцатилетняя Труди, тихая, умная и красивая девушка с тёмными пушистыми волосами и сверкающими глазами, которые привлекали внимание окружающих.

— В тюрьме, — сказала ей Сабина, — надзиратель говорил нам, прежде чем начать избивать: «Вы хотели стать мучениками, так что теперь страдайте!» И мы страдали. Но даже в худшие времена наши сердца были переполнены радостью, поскольку мы знали, что страдаем за Иисуса, как первые христиане.

Труди слушала внимательно.

— Однако теперь в наших силах сделать нечто большее. И ты, Труди, можешь нам в этом помочь.

Труди не боялась рисковать жизнью ради Бога. Она обладала стройной фигурой и крепким здоровьем. Поведение девушки убеждало Сабину, что она — не тот человек, которого можно легко сломать. Будучи старшей дочерью в большой семье, она в течение многих лет ухаживала за своими братьями и сёстрами, которые часто болели, и была известна своей смелостью и сострадательностью.

Сабина объяснила Труди, что подпольной церкви нужны девушки, которые должны будут вступить в комсомол.

— Появилась чудесная возможность, — сказала она. — И ею необходимо воспользоваться.

Глаза девушки засверкали от волнения.

ГЛАВА 48

— Полковник Ширкану, который служит в Департаменте безопасности, попросил своего сержанта найти девушку, которая помогала бы с работой по дому. У них большой дом в одном из лучших кварталов города. Его жена довольно экстравагантна и глупа, однако достаточно добра. Если бы ты устроилась на это место через службу занятости, то могла бы добывать для нас много полезной информации.

Труди ничего не ответила. Она слушала с огромным интересом.

— Они ничего не заподозрят, — в заключение произнесла Сабина. — Сержант попросил жену поспрашивать среди подруг. И она сообщила нам. Никто не знает, что она христианка.

— Но что я должна буду делать?

— Сначала ничего. Устроишься, привыкнешь. Получше познакомишься со всеми в доме. Я заметила, что люди любят рассказывать о своих проблемах. Помнишь, как пожилая госпожа Томазиу вчера показывала нам своё варикозное расширение вен?

Девушка минутку поразмышляла над словами Сабины, а затем мужественно взяла на себя выполнение поставленной перед ней задачи.

Труди удалось устроиться на работу в дом полковника Ширкану. Прошли месяцы с того времени, как девушка стала домработницей, и Сабина начала волноваться о её безопасности. Вскоре Труди передала Сабине срочное сообщение через учительницу, госпожу Ландауэр.

Труди слышала, как по телефону Ширкану упомянул имя пастора-информатора, который часто приходил на встречи.

«Неужели он предал нас?!» — задалась вопросом Сабина.

Вскоре тот пастор пришёл к Сабине и рассказал, что находится под угрозой длительного тюремного заключения и что

его здоровье ухудшается, и это заставило его сотрудничать с Ширкану. Глубоко пристыженный, он покинул Бухарест и больше никогда туда не вернулся.

После этого Труди сообщила имя студентки, которая также могла быть информатором. Когда Сабина спросила девушку об этом, она сначала всё отрицала. Сабина положила руку ей на плечо и сказала:

— Пожалуйста, будь честна. Мы хорошо знаем, к какому давлению они прибегают. Многие люди по собственной воле рассказывали нам о том, что их принуждают писать доносы. Ты можешь рассказать нам, своим друзьям, обо всём, что произошло.

Студентка не выдержала и встала на колени рядом с Сабиной.

— Я шла по улице, — объяснила она, — когда рядом со мной остановился автомобиль и двое мужчин сказали: «Мы из милиции. Садись». Они никуда не отвезли меня, просто возили по городу в течение нескольких часов. Они говорили, что я должна еженедельно сообщать им обо всём, что происходит и о чём говорят в вашем доме и в церкви. И если я откажусь, сказали они, с моей семьёй произойдёт непоправимое.

Она клялась, что не сообщила ничего, что могло бы повредить подпольной церкви, но Сабина могла только надеяться на это...

Снова и снова Труди предоставляла ценнейшую информацию. Однако самым эффектным её даром оказалась способность превратить дом полковника в тайное убежище для тех самых людей, которых он пытался выследить.

Труди сообщила Сабине, что теперь, когда Ширкану вскарабкался высоко по коммунистической лестнице, его семья стала пользоваться огромными привилегиями. Он возил жену и детей на длительный отдых в горы и на море. А дома в качестве сторожа оставлял Труди, которой доверял. Госпожа Ширкану называла девушку «своим маленьким сокровищем».

«А почему бы не провести встречу здесь, в доме Ширкану? — однажды написала Сабине Труди. — Они далеко, в те-

ГЛАВА 48

чение нескольких дней их не будет, а дом большой и с несколькими выходами. Никто ничего не заподозрит».

Предложение Труди привело Сабину в восторг. И в самом деле, кому в голову могло прийти, что христиане вздумают проводить свои тайные встречи в доме человека, возглавляющего борьбу с ними?

В назначенный вечер в дом, явно нервничая, один за другим через определённые промежутки времени прибыли Сабина и ещё полдесятка руководителей подпольной церкви. Улыбающаяся Труди встречала гостей так, как будто бы дом принадлежал ей. Руководство подпольной церкви не привыкло к особой роскоши, и дом стал для них желанным отличием от тёмных сырых подвалов, в которых они встречались обычно.

Каждый раз, когда Ширкану уезжал в отпуск, Труди устраивала в доме врага церкви самые многолюдные во всём Бухаресте богослужения.

49

Сабина дорожила Библией, которую Ричард подарил ей в 1938 году, в год её обращения к Господу. Каждая вторая страница в ней была оставлена чистой для заметок, и в течение многих лет Сабина записывала там свои мысли, комментарии и духовные откровения. Это был своего рода дневник, книга, посвящённая главным вехам её духовной жизни. Многие из заметок были зашифрованы, чтобы представители властей не могли прочитать их, если Библию конфискуют.

Во время различных встреч с христианами Сабину расспрашивали о времени, проведённом в тюрьме и на канале. Сначала воспоминания были слишком ужасными, чтобы о них говорить. Ей не под силу было найти нужные слова. Но мало-помалу Михай помогал матери переосмыслить её переживания и начать о них рассказывать. Ему она говорила о том, как её избивали, как бросали в Дунай и заставляли носить тяжёлые камни, как, чтобы выжить, она вынуждена была есть траву и змей.

— Как ты могла пережить всё это и не сдаться, не отречься от Христа? — как-то спросил Михай.

Сабина ответила ему, сказав, что на иврите некоторые события из будущего описаны в перфектном времени, которым обычно обозначаются действия состоявшиеся, завершённые во время повествования. В 53-й главе Книги пророка Исаии таким образом предсказан приход Мессии и Его страдания. Хотя пророчество было написано за восемьсот лет до пришествия Христа, о событиях говорится как будто о происходящих в про-

шлом, а не в будущем. Когда во время Своего земного служения Иисус прочитал предсказания Своих тяжёлых страданий, Он, несомненно, заметил время, в котором использован глагол. Он читал об этих событиях на иврите, как если бы они уже произошли, но всё ещё предстояли Ему в будущем.

— Именно так я и чувствовала себя во время страданий, — вспоминает Сабина. — Я испытывала радость от вечного присутствия Святого Духа. Я находилась в райском месте, из которого никто не мог меня похитить. Где были страдания, через которые мне суждено было пройти? Наиболее неприкосновенная часть моего ума утверждала, что они принадлежат к прошлому. Я пережила страдания давно, в то время как настоящей реальностью была радость от близости к Господу.

Однажды Сабина с ностальгией перелистывала страницы своей Библии, перечитывая заметки, которые когда-то написала о Ричарде. В какой-то момент ей начало казаться, что она слышит его молитвы и ощущает его присутствие в комнате. Она представила, как его высокая фигура склонилась над ней, и почти ощутила прикосновение его губ, почти услышала слова поддержки. Всю оставшуюся жизнь Сабина хранила дорогую ей изношенную священную книгу, осязаемый конспект всего, чему её научил Бог.

Библии были редкостью в подпольной церкви, и многие христиане приходили на чердак Вурмбрандов только для того, чтобы послушать, как Сабина читает Слово Божье. Из-за её растущей популярности посещение тайных встреч и собраний подпольной церкви становилось всё более опасным. Она редко могла покинуть окрестности, чтобы не заметить за собой слежки.

Однако на Михая не распространялась популярность матери, он мог присутствовать как на тайных, так и на открытых встречах, многие из которых проходили под видом праздников. До тридцати молодых людей собирались в доме или в большой квартире. Входя, ещё в коридоре они шумно поздравляли

ВУРМБРАНДЫ

хозяина с каким-либо праздником. Включался проигрыватель, гремела танцевальная музыка, и в окна прохожие могли видеть, как молодёжь танцует.

Через некоторое время танцы прекращались, и один из молодых людей проповедовал Евангелие. Потом звучали молитвы о заключённых за веру. После этого для соседей проигрывали ещё несколько записей, затем снова поклонение.

Такие собрания иногда маскировали под празднование дней рождения, юбилейные торжества и даже пикники. Магнитофон можно было взять с собой куда угодно, даже в воскресный поход по сельской местности, который также превращался в молитвенное собрание. На всех путях, ведущих к месту сбора, размещали дозорных. Если кто-то появлялся в поле их зрения, они подавали предупредительный знак.

Каждую деталь планировали заранее: место, время, пароли. Всё это делало богослужения очень напряжёнными. Те, кто шли на них, знали, что могут не вернуться. Отважные подростки присутствовали на свой страх и риск. Для многих из них это был последний раз, когда они видели свои семьи. Мелодия каждого гимна исполнялась с огромной убедительностью. Каждый проповедник говорил свою проповедь так, как будто это была его последняя проповедь. Слова веры могли означать и тюрьму, и смерть, поэтому они были особенно весомыми.

50

Через несколько месяцев после освобождения Сабины по тёмной лестнице на её чердак поднялся чиновник из Министерства внутренних дел — толстяк с громогласным голосом и прямым пробором в копне чёрных волос. В руке он держал набитый бумагами портфель, который выглядел так, словно вот-вот лопнет.

— Ты мать? — потребовал он ответа на свой вопрос.

— Да, — ответила Сабина.

— Какая же ты мать, если совсем не заботишься о своём ребёнке? Разве ты не хочешь, чтобы он получил образование, трудоустроился и хорошо зарабатывал?

Конечно же, Сабина очень хотела этого.

— Так почему бы тебе не поменять фамилию?! Как ты можешь называть себя матерью?! — спрашивал он.

Мужчина разглагольствовал в течение нескольких минут. Всё это время Сабина сидела и молча смотрела на него. Чем меньше она будет говорить, тем быстрее он выскажется и сообщит, зачем пришёл...

— Какая польза, — не умолкал он, — оставаться привязанной к мужу-контрреволюционеру, которого ты всё равно больше никогда не увидишь!

Сабина позволила чиновнику закончить свою мысль, изо всех сил сопротивляясь искушению прервать его. Он сказал, что для такой умной молодой женщины, как Сабина, развод с врагом народа — это вопрос здравого смысла. И если она не

сделает этого сейчас, то всё равно неизбежно вынуждена будет сделать в будущем.

— Как ты думаешь, как долго ты сможешь противостоять государству в своём слепом, глупом упрямстве? — Он перешёл на крик: — Тебе нужен другой муж и другой отец для твоего ребёнка!

Сабина хотела закричать: «Как ты смеешь говорить мне такое в моём собственном доме?!» Однако она понимала, что в данном случае её лучшая защита — это молчание.

— Я вышла замуж за своего мужа не только для того, чтобы жить с ним в счастливые времена, — спокойно парировала Сабина. — Мы соединены навсегда, и, что бы ни произошло, я не разведусь с ним!

Чиновник спорил и убеждал ещё с полчаса, в то время как Сабина ничего не отвечала. Наконец он отступил, неодобрительно покачав своей большой круглой головой, и его шаги зазвучали вниз по лестнице.

— Рано или поздно ты придёшь к нам, — пригрозил он напоследок. — Все приходят, так и знай!

Этот человек был прав. Сабина знала много жён, которые под давлением развелись со своими мужьями. Коммунисты прилагали огромные усилия, чтобы заставить жён заключённых подать на развод. Это делалось для того, чтобы сломить волю узника и заставить его прекратить сопротивляться или, ещё лучше, прекратить жить. Ведь весть о разводе ломает человека. Именно сообщения о том, что от заключённых отказались их жёны, стали причиной бесчисленных признаний и предательств.

Развод также помогал приобщить жён к коммунистическому образу жизни. Женщин, которые получили развод, было легко свратить с истинного пути. Множество жён бросили своих мужей. А некоторые — даже своих детей.

Чтобы получить развод, от жены требовалось только *согласие*. Всё остальное было делом чиновников. Они занимались

ГЛАВА 50

бракоразводным процессом и назначением материальной помощи теперь уже неполной семье. А через несколько дней в тюрьме мужу сообщили: «Твоя жена бросила тебя!»

«Кому я теперь нужен? — думал заключённый. — Какой же я глупец, что не плюну на всё и не подпишу то, что от меня хотят, лишь бы только выйти на свободу!»

Но даже если муж и подписывал добровольное признание, его не освобождали в течение ещё нескольких лет. А тем временем у жены уже были дети от другого мужчины и воспитывались они в духе коммунизма. Сабина знала много христианских семей, разрушенных таким образом.

В тюрьме Сабина неоднократно слышала, как женщины говорят: «Как глупа я была, когда ссорилась с мужем по пустякам. Если когда-нибудь я выйду отсюда, то буду самой любящей и верной женой на свете!»

Однако, оказавшись на свободе, жёны часто поступали совсем иначе. *«А почему бы и не развестись, если говорят, что так мне будет лучше? Муж может провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь. Как же мне прокормить детей без продовольственной карточки, как устроиться на работу?!»*

Таким образом они уговаривали себя согласиться с властями. Но Сабина уже однажды сказала «да» и никогда не скажет это слово другому мужчине!

Сабине было сорок три года. Она осталась одна с сыном-подростком, которому нужно было помочь преодолеть самый сложный этап в жизни, когда он по-особенному нуждается в отце. Здоровье Сабины значительно улучшилось, и красота, которую она когда-то наблюдала в зеркале, понемногу возвращалась. От Ричарда не было ни слова известия. *«Жив он или мёртв?»* Годы

проносились с пугающей скоростью, и Сабина чувствовала себя уязвимой перед искушением.

Её уязвимость была связана с мужчиной по имени Павел, привлекательным холостяком примерно сорокалетнего возраста, атлетического телосложения. Он жил в одной комнате с пожилыми родителями. Павел был добрым и мягким человеком, который знал, как заставить Сабину смеяться — то есть был таким же, как Ричард. Михай очень любил Павла, и иногда тот водил его в кино и помогал с домашним заданием.

«Вот мужчина, с которым женщина могла бы жить в любви и доверии», — думала Сабина. Она пыталась бороться с этой мыслью, но, когда Павел брал её за руку и смотрел ей в глаза, она не могла забрать свою руку. В ней возникало желание и внезапно оживала прошлая тяга к интимным отношениям.

К счастью, пастор Греку заметил, что происходит с Сабиной, и заговорил с ней об этом.

— Ты знаешь, как я люблю и ценю тебя, — сказал он. — И моё отношение не изменится, что бы ни произошло.

Пастор говорил с обычно не присущей ему эмоциональностью:

— Я знаю вас с Ричардом уже много лет. Надеюсь, ты знаешь о том, что, независимо от того, согрешишь ты или преодолеешь искушение, потеряешь веру или сохранишь её, я всё равно буду заботиться о тебе так же, потому, что я знаю, кто ты, а не что ты сделала. — Сабина знала, к чему ведёт Греку. — Так что прости меня за то, что спрашиваю: что происходит между тобой и Павлом?

Сабина молчала. А он продолжал:

— Не думай, что в моей жизни не было таких искушений. Пожалуйста, ответь на мой вопрос.

— Он влюблён в меня.

— И ты также влюблена в него?

— Я не знаю. Возможно.

Сабина чувствовала, как краснеет от стыда.

ГЛАВА 50

Пастор, помолчав, произнёс:

— Ричард имел обыкновение говорить: «Никакая страсть не способна преодолеть препятствие разума». Дай себе время подумать о том, какой вред ты можешь причинить своему супругу и Михаю.

Сабина хорошо помнила эти слова мужа.

— Я прошу тебя принять жёсткое решение, наиболее сложное из всех: больше не видеться с этим человеком.

Сабина знала, что пастор прав. Она избегала встреч с Павлом в течение нескольких недель, пока он сам не перестал делать попытки встретиться с ней. Позже Сабина узнала, что пастор Греку также говорил и с ним, напомним о том, что Ричард страдает в тюрьме. В своей комнате она опустилась на колени в молитве раскаяния.

За четырнадцать лет заключения Ричарда были и другие соблазны. Пережив их, Сабина могла лучше сопереживать испытаниям, которым за это время подвергся Ричард. Когда её безнравственное прошлое побуждало вернуться к прежнему образу жизни, женщина была близка к тому, чтобы уступить мужчинам, которые влюблялись в неё.

Но она сказала Ричарду «да» и будет верна своему слову, пока смерть не разлучит их. Она будет полагаться на Божью помощь, чтобы сказать «нет» всем другим мужчинам...

51

В июне 1955 года Ричарду стало известно, что его переведут в другую тюрьму. Камера номер четыре не смогла отобрать у него жизнь, а его койка нужна была другим заключённым, умирающим от туберкулёза.

— Мы ничего не можем поделать, — сказал ему доктор Алдеа. — Берегите себя. И если вам в руки снова попадёт стрептомицин, никому его не отдавайте!

Ричард попрощался с профессором Поппом со слезами на глазах.

— Мы ещё встретимся, — пообещал он ему. — Я точно знаю.

Когда надзиратель выкрикнул имя Ричарда, его вывели на улицу, где ожидала группа заключённых — странная компания в залатанной одежде с бритыми головами. Еле живые люди не могли двигаться быстро и изо всех сил пытались выполнить приказ выстроиться в прямую линию. Затем кузнец начал одному за другим сковывать лодыжки длинной цепью.

За спиной кузнеца стоял офицер из администрации тюрьмы. Когда настала очередь Ричарда, он ухмыльнулся:

— О, Василе Георгеску! У тебя, конечно же, найдётся, что сказать по поводу того, что тебя заковывают в железо?

— Да, лейтенант, — ответил Ричард. — Я могу ответить вам песней.

Офицер сложил руки за спиной и улыбнулся.

— Прошу, прошу! Я уверен, что мы все хотели бы услышать песню.

Ричард громко запел первые строчки гимна Румынии «Отбросим разбитые цепи...» Другие заключённые, поражённые смелостью Ричарда, уставились на лейтенанта, ожидая его реакции.

Когда кузнец закончил стучать по цепям, Ричард сказал офицеру:

— Вы, коммунисты, утверждаете, что разбитые цепи остались позади, но этот режим заковал в них больше людей, чем любой другой. Никогда ещё в истории Румынии не было так много людей в цепях.

Транспорт прибыл до того, как офицер успел ответить. Ричарда и других заключённых погрузили в поезд, где они просидели в течение нескольких часов, прежде чем состав тронулся.

Холодный весенний ветер продувал вагон насквозь, проникая через щели в окнах. На протяжении всего 320-километрового пути Ричард любовался лесами и горами. Среди заключённых поползли самые различные слухи. «*Куда нас везут?*» — задавались вопросом узники.

Когда за окном показались стены печально известной тюрьмы Крайова, всё сразу же стало ясно. Поезд остановился, двери вагонов распахнулись, и заключённых выгнали во двор. Конвой начал сбивать с них цепи и сгонять их в небольшие группы. Из камер за стенами тюрьмы послышались возгласы:

— Здесь нет места! Мы уже и так задыхаемся!

Ричарда толкнули в тускло освещённую камеру. Зацепившись, он упал на полуобнажённого заключённого, который лежал на полу. Когда дверь закрылась и глаза Ричарда постепенно привыкли к темноте, он разглядел десятки вонючих скелетов. Одни лежали на расставленных в ряды двухъярусных койках. Другие сидели на полу, прислонившись к стенам. Все задыхались. От зловония Ричард чуть было не потерял сознание. Он сумел только сказать, что он — пастор.

Ричард находился в этой ужасной камере в течение двух мучительных месяцев. Ему разрешали выходить только для того,

ВУРМБРАНДЫ

чтобы вынести вёдра с фекалиями в выгребную яму, которая находилась в лесу неподалёку. Он поделился своей койкой с Нассимом, мусульманским служителем, который в 1945 году слышал его выступление на конгрессе культов.

— Хорошо, что я услышал твой голос в темноте, — сказал Нассим. — В лицо я бы тебя не узнал.

Нассим и Ричард стали настоящими друзьями. Вместе они проводили душевные ночи, обсуждая религию и политику. Ричард часто убеждал своего тощего нового друга съедать каждую ложку супа, которую им давали, несмотря на отвратительный гнилостный смрад капусты.

— Как ты можешь это есть? — возмущался Нассим.

Ричард сделал глоток мерзкой жидкости и ответил:

— Я вспоминаю о том, что мои друзья в Америке сейчас едят курицу-гриль, и благодарю Бога за них, когда делаю первый глоток супа. Потом я радуюсь за друзей из Англии, которые едят ростбиф. И делаю ещё глоток. Таким образом, я радуюсь с моими друзьями, живущими в разных странах и, благодаря им, остаюсь жив.

Заключённые, такие как Нассим, приходили и уходили, а удушающий смрад в камере оставался. Иногда обсуждение еды длилось всю ночь. Вновь прибывший заключённый, генерал Калеску, бывший глава военной юстиции, делился восхитительными воспоминаниями: рыба под шафрановым соусом, трюфели, тёплые тосты со свежим нормандским маслом. Он рассказывал об экзотических бургундских и хоккских винах, бесконечных реках шампанского и лучших сигарах в мире. Каждый раз, когда он описывал такую роскошь, заключённые глотали слюну.

Как-то Калеску обратился к Ричарду.

— Вы любите утку, не так ли, пастор? Или какой-нибудь коктейль?

Ричард действительно любил запечённую утку. Однако его удовлетворило бы и более простое блюдо — курица, картофель

ГЛАВА 51

и клубничное варенье. Когда в камере начинались безумные ностальгические дебаты о гастрономии, часто открывалась дверь и заключённым вносили очередной бочонок гнилого супа. Ричард никогда не пробовал настолько отвратительную еду.

Единственное исключение застало заключённых врасплох. Однажды им принесли чугунок лукового супа, *настоящего* тушёного мяса с картофельным пюре и свежей морковью. Каждый заключённый получил по две булочки и корзинке с яблоками. В тот день они были на седьмом небе от счастья. Позже Ричард узнал, что на экскурсию по тюрьме приехала делегация женщин из Великобритании, Франции и США. Вернувшись домой, они восторгались тем, как хорошо кормят заключённых в тюрьме Крайова.

Ричард знал, что коммунизм либо уничтожит Запад, либо будет уничтожен им. Слова президента Эйзенхауэра вселяли надежду: «Стоит мне застегнуть последнюю пуговицу моей формы, как пленники Восточной Европы будут свободны!»

Ричарда очень волновал насущный вопрос: *молятся ли западные христиане за своих братьев и сестёр, которые гниют в тюрьмах за «железным занавесом»?* Ричард полагал, что молятся...

Однажды Ричард сказал Нассиму:

— Если я начну пробивать дно в лодке, в которой мы вместе плывём, и скажу: «Не вмешивайся. Это моя сторона лодки». Ты согласишься?

Нассим покачал головой.

— Правильно! Потому что из-за дыры в моей части лодки в конечном итоге утонем мы оба! — подвёл итог Ричард.

Точно так же дело обстояло и со всемирной церковью. Апостол Павел сказал в 1 Послании к коринфянам 12:26: «Посему,

ВУРМБРАНДЫ

страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены». Ричард надеялся, что пасторы, миссионеры и церкви на Западе предадут огласке ситуацию, в которой оказались Божьи святые за коммунистическим «железным занавесом», и свидетельствуют об их страданиях.

— Я радуюсь за тех, кто живёт на Западе, — говорил он, — что у них есть комфортабельные дома, библиотеки, что они могут поехать в отпуск, слушать музыку, любить своих жён и детей. Но я помню и вторую часть 15-го стиха 12-й главы Послания к римлянам: «Плачьте с плачущими». Я уверен, что на Западе многие тысячи помнят о нас и возносят за нас пламенные молитвы.

За два месяца после отправки из тюрьмы Крайова Ричард успел побывать в целом ряде тюрем по всей Румынии. Перезезды железной дорогой казались бесконечными. Случайный луч света, попавший в вагон, освещал адское зрелище: двадцатикилограммовые цепи, истощённые, еле живые скелеты с запавшими щеками и острыми подбородками. Время от времени из оцепенения Ричарда выводили крики вновь посаженного в вагон заключённого, однако большую часть времени он находился в полусознательном бреду, неспособный отличить одну тюрьму от другой.

Когда состав прибыл в тюрьму Поарта-Альба, бандит по имени Калапод ударил Ричарда по спине и закричал:

— Так вот этот святой преподобный, который любит воров и грабителей!

— Господин Калапод, — ответил Ричард, — Иисус был не против сравнить Себя с вором, когда говорил о Своем возвращении (Евангелие от Матфея 24:43–44).

Калапод поморщился.

— Подобно тому, как люди, которых вы ограбили, не знали, что вы придёте, — продолжал Ричард, — так однажды ночью придёт и Иисус за вашей душой, а вы не будете к этому готовы.

Поезд проезжал мимо заброшенного трудового лагеря на канале, где была вынуждена работать Сабина. Ричард знал, что теперь она в безопасности, живёт где-то в Бухаресте. Он не видел жену вот уже восемь лет. И не проходило ни дня, чтобы он не вспомнил о ней и чтобы его воображение не рисовало её прекрасной образ.

В Поарта-Альбе в примитивные хижины, стоявшие в окружении заброшенных казарм и диких зарослей, заселили по пятьдесят заключённых. «Видела бы это Сабина», — подумал Ричард. Но его мимолётный приступ меланхолии прервали конвоиры, которые начали загонять заключённых обратно в поезд для переезда в другую тюрьму.

Затем последовала страшная тюрьма Герлы, адская яма, расположенная глубоко в горах Трансильвании. Поскольку у Ричарда с каждым днём прогрессировал туберкулёз, его поместили в крыло, которое называлось больницей. Врач, высокая хрупкая женщина по имени Марина, только что окончила медицинскую школу. Герла была её первым местом работы, и она оказалась не готова к ужасающему зрелищу — массово умирающим пациентам. Учебное заведение не подготовило Марину к жестокости, свидетелем которой ей пришлось стать.

— Вам необходима хорошая еда и свежий воздух, — сказала она, осматривая Ричарда.

Ричард рассмеялся, невзирая на то, что по щекам врача текли слёзы.

— Разве вы не знаете, где мы, доктор Марина?

Марина смущённо ответила:

— Так нас учили на лекциях.

Через несколько дней Марина встретила высокопоставленных офицеров.

ВУРМБРАНДЫ

— Товарищи, — смело обратилась она к ним, — эти люди не были приговорены к смертной казни. Государство платит мне, чтобы я заботилась об их жизнях так же, как платит и вам, чтобы они были в безопасности. Я прошу только об условиях, которые позволят мне выполнять мою работу.

— Значит, ты на стороне осуждённых преступников! — набросился на девушку один из офицеров.

— Возможно, для вас они — преступники, — не растерялась Марина, — а для меня — пациенты!

Через несколько лет непосильной работы молодая врач заболела и умерла.

В 1956 году Ричарда под охраной привели в большой зал, где поставили ожидать посетителя. Он вспомнил свидание с Михаем, которое состоялось много лет назад в похожем зале в тюрьме Тыргу-Окна. Под влиянием требований, выдвинутых на Женевской конференции на высшем уровне, румынское правительство вынуждено было разрешить свидания заключённых с их родственниками. Но у многих из них больше не было семей, которые могли бы приезжать на эти свидания...

Ричард очень сильно переживал, и его волнение усиливалось с каждой минутой. Вдруг его лицо расплылось в широкой улыбке. Сабина! Все лекарства мира вместе взятые не могли бы помочь ему больше, чем присутствие жены. Супругов тут же окружили двадцать сотрудников тюрьмы, готовых слушать беседу, которая вот-вот начнётся за маленьким деревянным столиком.

Тюрьма очень состарила Сабину. Но её прекрасная улыбка, которую так хорошо помнил Ричард, стала ещё более прекрасной. Его жена выглядела умиротворённой.

— Дома всё хорошо? — поинтересовался Ричард, держась за крышку стола.

ГЛАВА 51

— Да, у нас всё в порядке, — ответила Сабина. — Слава Богу!

Наблюдатель сразу же прервал её и закричал:

— Упомянуть Бога не разрешается!

— Моя мама ещё жива? — спросил Ричард.

Сабина кивнула.

— Слава Богу, жива.

Наблюдатель закричал ещё громче:

— Я же сказал, упоминать Бога запрещено!

— Как твоё здоровье? — с сочувствием спросила Сабина.

Ричард пытался скрыть мучавший его кашель.

— Меня держат в тюремной больнице...

Наблюдатель опять прервал:

— Рассказывать о месте содержания запрещено!

— А что с судом? — поинтересовался Ричард. — Есть ли надежда на апелляцию?

— Обсуждать судебный процесс запрещается! — снова воскликнул наблюдатель.

После бесконечных перебиваний Ричард наконец тихо произнёс:

— Возвращайся домой, дорогая Сабина. Нам всё равно не дадут поговорить.

Сабина улыбнулась и встала, а Ричарда увели обратно в камеру. Оглянувшись через плечо, он бросил последний взгляд на жену, изо всех сил стараясь сохранить её образ в памяти.

В июне 1956 года Ричарда перевели из тюрьмы Герла в Вакарешти — тюрьму рядом с Бухарестом, где он когда-то давно был арестован. Теперь ещё больше, чем когда-либо, Ричарда ночами мучил туберкулёз — приступы холодного пота и кашля с кровью. Потеря веса и раны, причинённые за восемь с половиной лет лишения свободы, отобрали у него здоровье. Его избивали, пинали, резали, жгли, морили голодом и пытали без устали, однако он не предал ни своих друзей, ни свою семью, ни своего Спасителя.

В бухарестской тюрьме Ричард успел дважды проповедовать заключённым.

— Терпение, терпение и ещё раз терпение, — говорил он.

Узнав об этом, надзиратели сразу же потянули пастора на допрос.

— Так значит, ты учишь их терпеть, пока придут американцы и освободят их! — кричал офицер службы безопасности. — Ты убеждаешь их, что коммунизм будет ниспровергнут! Это контрреволюционная ложь!

Через неделю в камеру Ричарда влетел надзиратель и закричал:

— На допрос, немедленно! Шевелись, живее! Давай, давай! Машина ждёт!

Машина? Ричард прошёл по знакомому коридору во двор тюрьмы. Но машины не было. Там стоял только клерк, который вручил ему лист бумаги. Ричард взял его в руку и, рассмотрев,

ГЛАВА 52

едва не потерял сознание. Это было постановление суда о его освобождении.

— Но я отбыл только восемь с половиной лет, — удивился Ричард, — а мой приговор — двадцать...

— Ты должен немедленно покинуть территорию. Это решение суда.

— Но мне ещё осталось почти двенадцать лет! — недоумевал Ричард.

Его препирания рассердили надзирателя.

— Перестань спорить. Давай иди уже!

— Но посмотрите на меня! — Ричард указал на свою рваную серую робу и такие же штаны. — Меня арестует первый же патруль!

— У нас не предусмотрена одежда для освобождающихся заключённых! — ещё больше сердясь, закричал надзиратель. — Давай убирайся!

Ричард вышел за стальные ворота, которые сразу же за ним закрылись. Ему не хотелось расставаться со своими сокамерниками, но теперь *он был свободен*. «Боже, — громко взмолился он, — помоги мне радоваться больше не тому, что я свободен, а тому, что Ты был со мной в тюрьме».

Он шёл один по длинной пустой дороге, которая простиралась через зелёные поля. Вокруг жужжали насекомые и паслись коровы, которые, казалось, не замечали проходящего мимо скелета.

Ричард протащил своё утомлённое тело по высокой полевой траве примерно пять километров. Он остановился, чтобы *полюбоваться* цветами, которые росли вперемешку с колючками. «*Мне больше всего нравятся именно они!*» Одежда Ричарда, грязные лохмотья, прилипла к его потному телу. Однако он не сетовал. Эти лохмотья были дороги ему, ведь они стали свидетельствами многих лет удивительной благодати и Божьего провидения.

Увидев Ричарда, к нему подошла пожилая пара.

ВУРМБРАНДЫ

— *Вы оттуда?* — сочувственно поинтересовался мужчина.

Ричард кивнул, и мужчина вручил ему монету.

— Дайте мне свой адрес, — попросил Ричард, — чтобы я мог вернуть вам долг.

— Нет, нет, не надо! — взмолился мужчина.

Потом возле Ричарда остановилась женщина-христианка. Он сказал ей, что был пастором. Вместе они некоторое время посидели на обочине дороги, разговаривая о милости и красоте Христа. Затем женщина сунула руку в карман и достала монету.

— Это вам на проезд, — сказала она.

— Что вы? Не надо! У меня уже есть! — запротестовал Ричард.

— Тогда возьмите ради нашего Господа!

Когда Ричард добрался до окраины Бухареста, вокруг него стали собираться люди, спрашивая, не слышал ли он о членах их семей, которые находятся в заключении. Ричард настаивал на том, чтобы оплатить поездку на трамвае, но водитель отказался взять плату. Когда он прошёл в салон, несколько пассажиров одновременно вскочили, чтобы уступить ему место.

Рядом с Ричардом сидела женщина с корзиной клубники на коленях.

— Вы, наверное, в этом году ещё не ели? — поинтересовалась она.

— Не ел восемь лет, — ответил Ричард.

— Вот, возьмите немного! — и женщина протянула ему горсть сочных спелых ягод. Он ел мягкие ягоды, как ребёнок, одну за другой.

Когда трамвай подъехал к дому Ричарда, он вышел и направился к входной двери. Как странно было стоять перед дверью без надзирателей и следователей, без пинков и толчков в спину! «*Что подумает моя семья, когда увидит меня в таком виде?*» — Ричард глубоко вздохнул, потянулся к ручке и впервые почти за десятилетие сам открыл дверь.

ГЛАВА 52

— Отец! — Ричард услышал громкие возгласы, и в его объятия бросился Михай. Ему было уже семнадцать лет. Он стал намного сильнее Ричарда, которого на радостях чуть было не сбил с ног.

Сабина обняла Ричарда за шею. За эти годы он успел забыть её прикосновения. В блаженстве семья праздновала воссоединение.

— Прежде чем мы поцелуемся, — сказал Ричард, — я должен что-то тебе сказать.

Сабина ещё сильнее прижалась к Ричарду.

— Не думай, что я перешёл от несчастья к счастью! Я перешёл от радости быть со Христом в тюрьме к радости быть с Ним в своей семье. Я пришёл не от чужих людей к своим, а от своих в тюрьме к своим дома.

Сабина рыдала, а Ричард прижимал к себе её худое лицо.

— Теперь, если хочешь, — сказал он с улыбкой, — можешь меня поцеловать.

Со всех уголков Бухареста христиане звонили Сабине, чтобы лично услышать захватывающую новость об освобождении Ричарда. Гости потоками хлынули на их крошечный двухкомнатный чердак. Когда Ричард ходил в магазин или просто шёл по улице, все, кто его встречал, пытались ему помочь. Они с Сабиной гуляли по городу и благодарили Бога за Его вмешательство в их жизнь.

Врачи не могли поверить, что Ричард прожил восемь с половиной лет без надлежащей медицинской помощи. Его лёгкие были изуродованы следами от шрамов, оставленными туберкулёзом. В больницах ему давали лучшие кровати в хорошо проветриваемых палатах на солнечной стороне. Со всей страны к Ричарду съезжались братья, и ему приходилось переходить из

больницы в больницу, чтобы не привлекать внимания властей. Его здоровье улучшалось.

К двадцатой годовщине со дня свадьбы у Ричарда не было ни копейки, чтобы купить жене подарок. Однако ему удалось раздобыть красивую записную книжку в добротном переплёте, в который каждый вечер он записывал любовные стихи. Сабина с благодарностью приняла подарок мужа. Ей было достаточно того, что она снова может его обнимать.

— Отец, — сказал однажды Михай, — ты столько пережил. Я хочу знать, чему все твои страдания научили тебя?

Ричард обнял сына за плечи и ответил:

— Михай, за время, проведённое в тюрьме, я почти забыл свою Библию. Но четыре важные истины я сохранил в памяти. Первая: Бог существует. Вторая: Христос — наш Спаситель. Третья: есть вечная жизнь. И четвёртая: любовь — это превосходнейший путь.

— Именно это я и хотел услышать, — удовлетворённо ответил Михай.

Во время заключения родителей спутниками Михая стали горечь и изоляция. Он изо всех сил боролся за выживание. В возрасте тринадцати лет ему пришлось занять денег, чтобы навестить мать в исправительно-трудовом лагере на канале. Он рассказал о визите Ричарду, упомянув о том, в какой грязной одежде была его мать и какое заплаканное было у неё лицо. Он хорошо помнил, как Сабина крикнула ему через два ряда железных прутьев:

— Михай, веруй в Господа Иисуса всем сердцем!

— Мама, если даже в тюрьме ты всё ещё можешь верить, — крикнул в ответ Михай, — то и я тоже должен верить!

Через четыре месяца после освобождения Ричарда Михай поступил в небольшую богословскую семинарию в Сибиу в надежде стать миссионером в Индии. Он проводил дни, исследуя прекрасную библиотеку, перенимая знания у своих препо-

ГЛАВА 52

давателей и трудясь над курсовой работой об Уильяме Буте, основателе «Армии спасения», и Чарльзе Сперджене, самом известном баптистском проповеднике викторианской эпохи.

...Ричард лёг на деревянную кровать, которую Сабина позаимствовала у соседей. Она поцеловала его и пожелала ему спокойной ночи, накрыв чистыми мягкими одеялами. Ричард жаждал покоя и тишины, но сон ускользал от него. Бывший заключённый бездумно уставился в потолок. Отсутствие боли было почти осязаемым. Не было ни криков мучимых заключённых, ни гнилого морковного супа, ни угроз следователей, ни пыток. К своему изумлению и восторгу, Ричард мог сам включать и выключать свет по своему усмотрению. Кроме того, вместо обычного ведра в углу комнаты теперь он мог пользоваться современным туалетом, а в подвале — даже мыть руки под струями холодной воды.

Не в силах уснуть, Ричард открыл Библию. Теперь у него была *полная* Библия! Евангелие от Иоанна помогло ему выжить в тюрьме, но теперь он жаждал освежить в памяти Ветхий Завет. Он забыл даже порядок книг в нём. После неудачной попытки найти Книгу Даниила, он перешёл к 3 Посланию Иоанна, 4: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине». Ричард встал с кровати и направился в комнату Михая. Сколько раз в тюрьме он мечтал сделать это! Теперь его мечты, наконец, осуществились.

К 1956 году всё более явные признаки десталинизации давали стране новую надежду. На XX съезде КПСС преемник Сталина Никита Хрущёв произнёс свою знаменитую речь осуждения в адрес бывшего советского вождя и его деятельности. Огромный штат милиции и Департамента безопасности Румынии был многократно уменьшен в размерах. С западными

ВУРМБРАНДЫ

странами были проведены переговоры и подписаны торговые соглашения. Однако наиболее знаменательным стало освобождение сотен политических заключённых, таких как Ричард. Но страх быть преданным единоверцами и теми, кто обратился к Богу притворно, всё ещё существовал. И лучшей защитой была доверенная сеть друзей.

В течение двух с половиной лет Вурмбранд нёс служение в подпольной церкви. У него не было официального разрешения проповедовать, а последствия нелегальной религиозной деятельности могли быть катастрофическими. В случае поимки пастору грозило повторное тюремное заключение.

Однако Ричарда невозможно было переубедить. Бог призвал его на пасторское служение независимо от того, одобряло правительство его деятельность или нет. Ричард вовсю пользовался своей вновь обрётённой свободой. Идя на служение, он никогда не сообщал ни Сабине, ни Михая, куда направляется. Таким образом, если кого-либо из них арестуют, они не будут владеть никакой информацией о его подпольной деятельности.

При поддержке жены Ричард служил Богу, невзирая на постоянную опасность и страх. Его служение было подпольным, и встречи проходили тайно, часто на чердаках, в подвалах и в сараях далеко от центра города. Христиане собирались, чтобы услышать его свидетельство о храбрости, мужестве и стойкости. В доказательство подлинности своих рассказов Ричард демонстрировал свои шрамы и призывал подпольные общины благодарить и прославлять Бога за Его верность. Чтобы у соседей не возникало подозрений, христиане часто праздновали «дни рождения». Иногда семья, состоящая всего из трёх или четырёх членов, отмечала тридцать пять «дней рождения» за год.

Богослужения подпольной церкви напоминали Ричарду собрания ранней церкви, когда христиане, преследуемые Нероном, Диоклетианом и другими римскими императорами, были вынуждены прятаться в катакомбах и пещерах и там поклонять-

ГЛАВА 52

ся Богу. Преследования сильно сближали верующих разных конфессий. Теперь их враг был сильнее различий, которые когда-то разделяли их. И если отец ранней церкви Тертуллиан был прав в том, что кровь мучеников является семенем церкви, то Румыния, как когда-то и Римская империя, стала огромным полем со всходами из новообращённых христиан.

Поскольку подпольная церковь часто не имела возможности собираться в помещениях, Ричард проводил богослужения на полях в окрестностях Бухареста. Он любил проповедовать на свежем воздухе. Небеса были для христиан храмом, щебетание птиц — наилучшим органом, аромат цветов — ладаном, а луна и звёзды — зажжёнными свечами. После завершения служения пастор исчезал в темноте, как призрак, полагаясь на защиту своих друзей. Михай шутливо назвал отца призранным проповедником.

Во времена коммунизма румынским студентам не разрешалось читать произведения христианских авторов, а книги таких философов, как Платон, Аристотель, Иммануил Кант, и даже блестящие труды Альберта Эйнштейна невозможно было найти. Многие студенты университета обращались к Ричарду, чтобы он помог им в учёбе. Однажды о помощи в написании курсовой работы попросил студент-богослов из Клужского университета.

— Какая тема твоей работы? — поинтересовался Ричард.

— «История литургии в лютеранской церкви», — ответил тот.

Ричард, сам лютеранин, начал с упрёка студента-богослова за то, что он должным образом не готовится к преследованиям, которые ждут его уже в недалёком будущем.

— Начать работу следует с идеи, — продолжил он, — что головы молодых людей нельзя забивать историческими исследованиями, если завтра они подвергнутся угрозе мученичества за веру.

— Что же нам тогда изучать? — удивился молодой человек.

— Нужно готовиться к жертве и к мученичеству.

Ричард показал студенту свои шрамы и поведал об ужасах, которые пережил за решёткой. Пасторы, которые несут служение при коммунизме, должны быть готовы к смерти. Прежде чем перейти к второстепенным вопросам истории литургии, Ричард сосредоточил внимание на том, чтобы преподать более важные уроки.

ГЛАВА 53

— Наш преподаватель говорит, что Бог дал три откровения, — как-то сказал Ричарду другой студент-богослов. — Первое — через Моисея. Второе — через Христа. А третье — через Карла Маркса.

Ричард уже неоднократно слышал эту чепуху, поэтому он решил отправиться в Клузский университет и проповедовать в его древнем соборе. Новость о предстоящем визите пастора Вурмбранда разлетелась среди студентов с необычайной скоростью. Распространять письменные работы Ричарда было невозможно, поскольку в коммунистической Румынии они были запрещены. И любой пойманный за чтением нелегальных материалов мог быть арестован.

Много лет назад Ричард пообещал одному из заключённых поддержать членов «Армии Господа» — течения в православии, которое подвергалось преследованиям со стороны государства. Ричард решил посетить патриарха Юстиниана Марину, полагая, что он может посодействовать в решении этой проблемы.

Марина очень осторожно подошёл к выбору места встречи. Он приветствовал Ричарда в общественном месте и повёл в сад, подальше от микрофонов и вне пределов слышимости obsługi.

— Вы патриарх, — начал разговор Ричард. — К вам обращаются за должностями и зарплатами, и везде, куда вы идёте, вам приходится проповедовать и петь. И я подумал, что должен сам спеть вам.

На лице Марины Ричард увидел удивление.

— Это песня членов «Армии Господа», — продолжил он, — которую я выучил в тюрьме.

Затем он запел.

Ричард умолял Марину помочь членам «Армии Господа».

ВУРМБРАНДЫ

— Они не должны гнить в тюрьме только потому, что принадлежат к определённой ветви церкви.

Марина обещал помочь, однако Ричарда преследовало острое чувство, что патриарх отошёл от Бога. Марина добавил, что его руки связаны и сделать он может мало, поскольку сам находится под пристальным наблюдением Иустина Моисеску, митрополита Ясского. И если Марина уйдёт с должности, то новым патриархом станет Моисеску, а это сильно повредит церкви.

Позже Ричард узнал, что их разговор подслушал секретарь Марины и сообщил о нём Моисеску.

— Значит, Вурмбранд добрался уже и до тебя?! — сказал Моисеску Марине. — Пришло время ему вернуться в тюрьму.

Ричард отправился проповедовать в Клужский университет. Слухи о его приезде предварили его, и в милицию незамедлительно начали поступать предупреждения о том, что Ричард будет осуждать марксизм и провоцировать восстание среди студентов под видом лекций по христианской философии. По прибытии к Ричарду подошёл баптистский пастор и с гордостью сообщил, что он является информатором, который донёс о нём властям.

Однако эта новость не шокировала Ричарда. Он знал многих предателей, подобных этому. В коммунистической Румынии существовали четыре категории служителей. Первая — это те, кого под пытками вынудили выдать имена христиан. Вторая — это пасторы, которые пассивно подчинились властям и сдавали им информацию, чтобы не оказаться в тюрьме. Третья категория состояла из служителей, которые получали удовольствие от того, что вредили Телу Христову, или от того, что получали вознаграждение за сотрудничество с властями. И, наконец, четвёртая категория — это такие служители, как Ричард, которые

отказались сдаться, даже перенесли нечеловеческие мучения и потеряв разрешение на религиозную деятельность.

Предатель-баптист сообщил о Ричарде также фанатичному доносчику по имени Ругоджану, который немедленно воспользовался этим. Он гордился тем, что вынюхивал таких «контр-революционеров», как Ричард, и теперь, конечно же, сидел на передней скамье в соборе в ожидании проповеди.

На вечернее богослужение собралось пятьдесят студентов и несколько профессоров. Ричард обратил их внимание на дилемму теории Дарвина. Если коммунистическая Румыния отвергла все западные идеи, почему же Клужский университет всё ещё преподаёт теорию эволюции, предложенную англичанином?!

Ругоджану наклонился вперёд, с интересом следя за ходом мысли Ричарда.

— Если вы верите, что созданы Богом, то будете стараться стать подобными Ему; если же вы предпочитаете верить, что произошли из племени обезьян, вы рискуете превратиться в животное!

В понедельник и во вторник в соборе собралось ещё больше студентов, а к пятнице проповеди Ричарда слушали уже тысячи — весь университет. Он знал, что многие из присутствующих разделяют его веру, но боятся последствий. Поэтому он рассказал им о пасторе, принявшем мученическую смерть от рук фашистов, который когда-то сказал:

— Отдавая своё тело тем, кто хочет бить нас и издеваться над нами, мы отдаём его в жертву Богу. Иисус, зная, что наступает время Его распятия, сказал: «Время Моё близко» (Евангелие от Матфея 26:18). Мы должны расценивать страдания как преимущество, данное нам Богом.

В тот миг в помещении стояла такая тишина, что было слышно, как пролетает муха. Ричард обвёл взглядом собравшихся. Он заметил, как усердно делает записи Ругоджану.

ВУРМБРАНДЫ

— Не позволяй страданиям застать тебя врасплох! — продолжил Ричард. — Размышляй об этом часто. Живи в соответствии с ценностями Христа и Его святых!

Затем он рассказал о христианине из ранней церкви, который сильно страдал во времена римских гонений. Как-то он сказал жене, что нашёл действенное лекарство от боли. Ричард продолжал:

— Он сказал: «Я составил рецепт чая, который хорош против страданий и скорби. Он содержит семь трав, и я перечислю их».

Прихожане внимательно слушали, а Ричард вёл свой рассказ далее:

— Первая трава называется довольством: будьте довольны тем, что имеете. Возможно, я хожу в лохмотьях и грызу корочку, но мне было бы гораздо хуже, если бы император бросил меня голым в темницу, где вообще нечего есть! Вторая трава — это здравый смысл. Радуюсь я или предаюсь унынию и страху, я всё равно буду в тюрьме, так зачем же мучать себя? Третья трава — это память о своих грехах: сосчитайте их и, исходя из того, что каждый грех заслуживает дня в тюрьме, подсчитайте, сколько жизней вы провели бы за решёткой. Так что радуйтесь, что отделались так легко! Четвёртая — это воспоминание о скорбях, которые за нас с радостью перенёс Христос. Если единственный Человек, который мог выбрать Себе судьбу на земле, избрал боль, какую великую ценность Он, должно быть, видел в ней! Давайте же размышлять над тем, что страдания, перенесённые с душевным спокойствием и радостью, принесли нам искупление. Пятая трава — это осознание того, что страдания посланы нам Богом Отцом не для того, чтобы причинить нам вред, но чтобы очистить и освятить нас. Цель страданий, через которые мы проходим, — наше очищение и подготовка к небесам. Шестая трава — это осознание того, что никакие страдания не могут навредить христианской жизни. Если для человека главное — плотские удовольствия, то боль и тюрьма

ГЛАВА 53

положат конец его жизни. Но если ядро его жизни — истина, то её не может изменить ни одна тюремная камера. Тюрьма не может помешать мне любить; железные прутья не могут сломить веру. И если моя жизнь состоит из этих идеалов, я могу быть спокойным где угодно. И последняя трава в рецепте — надежда. Колесо жизни вращается, и даже первый наместник царя может оказаться в тюрьме, так же как и я могу вернуться во дворец, а возможно, и занять трон.

Ричард ненадолго умолк и опять обвёл взглядом аудиторию. Затем он произнёс:

— С тех пор я пью этот чай бочками и рекомендую всем вам. Это очень действенный рецепт!

Когда проповедь Ричарда подходила к завершению, Ругоджану поднялся и, не оглядываясь, направился к выходу из собора. Ричард сошёл с кафедры, а присутствующие возбуждённо зашумели. Студенты аплодировали и пробирались сквозь переполненные скамьи, чтобы пожать пастору руку. После служения Ричард позвонил Сабине, чтобы рассказать об успехе проповеди. Сабина радовалась служению мужа, однако опасалась неизбежных последствий...

На следующий день Ричарда вызвал к себе епископ. Внезапно в его кабинете появился Ругоджану и воскликнул, обращаясь к епископу и указывая на Ричарда пальцем:

— Это он! Что ты скажешь в своё оправдание? Из твоих уст льётся поток измены, я сам слышал!

Ричард спокойно поинтересовался у доносчика, какой именно частью его проповеди он был недоволен. Ругоджану был недоволен всей проповедью, а особенно рецептом «чая от страданий».

— Что не так с моим чаем? — спросил Ричард. — Какая из трав вам не понравилась?

ВУРМБРАНДЫ

Ругоджану побагровел от злости.

— Ты говорил, что колесо вращается, — отрезал он. — Это контрреволюционная ложь! Ты ошибаешься, думая, что коммунизм будет ниспровергнут! Теперь колесо больше не повернётся. Коммунизм здесь навсегда!

— Но я ничего не говорил о коммунизме, — ответил Ричард. — Я просто сказал, что колесо жизни вращается.

— Нет! Ты имел в виду именно падение коммунизма, и все прекрасно поняли, о чём ты говоришь.

Ругоджану продолжать обвинять Ричарда в том, что своими нападками на правительство он отравляет умы молодёжи. Перед тем как выбежать из комнаты, он повернулся к епископу и крикнул:

— Можете быть уверены, что он никогда больше не будет проповедовать! Вурмбранду конец! Ему — конец!

Когда Ругоджану выходил из здания, проезжавший мимо автомобиль выехал на тротуар, чтобы не сбить собаку, и врезался прямо в Ругоджану, придавив его к стене. Доносчик умер на месте...

Рассказы о последних словах Ругоджану и его мгновенной смерти передавались из уст в уста по всей Румынии. Ричард больше не мог оставаться незамеченным. В январе 1959 года женщина из церкви сообщила Сабине, что сотни экземпляров проповедей Ричарда напечатаны и разошлись по всей Румынии. Полиция провела обыски в её доме и конфисковала нелегальную литературу.

Сабина предвкушала новую волну террора, которая вот-вот обрушится на церковь. В июле предыдущего года с новой силой была возобновлена борьба с религией и принят ряд законов, более жёстких, чем когда-либо прежде. Даже за незначительные преступления теперь приговаривали к высшей мере. Тысячи христиан, в том числе и несовершеннолетние, подверглись арестам и были отправлены «в камыш» — расчищать болота, окружающие дельту Дуная. По приказу Хрущёва в рамках семилетнего плана по «искоренению остатков суеверия» по всей Восточной Европе арестовывали священников, а церкви закрывали или переоборудовали в клубы, музеи и зернохранилища.

Крошечный чердак Ричарда и Сабины стал эпицентром жизни подпольной церкви. Каждый вечер Ричард молился: «Боже, если есть заключённый, которому я смогу послужить, отправь меня обратно в тюрьму».

Сабина нерешительно добавляла: «Аминь».

ВУРМБРАНДЫ

В среду, 15 января, Бог ответил на молитву Ричарда. В час ночи сотрудники Департамента безопасности, выбив дверь, ворвались на чердак Вурмбрандов. Внезапно зажёгся свет.

— Ричард Вурмбранд? Идите в другую комнату. И ждите там.

Ричард и Сабина наблюдали за тем, как дюжина людей в форме открывали шкафы, выдвигали ящики, разбрасывали по полу бумаги. На письменном столе Ричарда нашли листы с заметками, машинописные проповеди, Библии. Всё это было изъято вместе с небольшой записной книжкой, подаренной им жене на двадцатилетие со дня их свадьбы.

— Пожалуйста, не отнимайте у меня эту записную книжку, — умоляла Сабина. — Это личная вещь, подарок. Он не имеет для вас ни малейшей ценности.

Однако записную книжку конфисковали, не обращая на просьбу Сабины никакого внимания. Капитан, который руководил арестом, надел на Ричарда наручники и собрался увести его. Сабина укорила офицера:

— Как вам не стыдно? Так обращаться с невинными людьми!

Ричард протянул руки к жене, однако сотрудники милиции перехватили их.

— Я не выйду из этого дома без сопротивления, если вы не позволите мне обнять жену! — пригрозил Ричард.

— Отпусти его, — приказал капитан.

Ричард вместе с женой, окружённые милицией, преклонили колени в молитве, а потом запели гимн «Иисус Христос — основа Церкви, её Господь».

На плечо Ричарда опустилась тяжёлая рука, и капитан, тронутый до слёз, тихо произнёс:

— Пора идти. Уже почти пять часов.

— Передай Михаю, что я его люблю... А также пастору, который предал меня! — попросил Ричард Сабину, когда его вели вниз по лестнице. Потом его затолкали в фургон.

ГЛАВА 54

Когда загудел мотор, Сабина воскликнула: «Ричард! Ричард!» и побежала за фургоном по обледеневшей улице, пока он не исчез за углом. Потом она остановилась, запыхавшаяся и убитая горем, и горячо помолилась: «Господи, я отдаю своего мужа в Твои руки. Я ничего не могу сделать, но Ты можешь пройти через закрытые двери. Ты можешь поставить вокруг него ангелов. Ты можешь вернуть его!»

Через пять с половиной лет Бог ответит на молитву Сабины...

Алиса поджидала Михая в небольшом парке рядом с семинарией в Сибиу. Она понимала, что, узнав о повторном аресте отца, он будет удручён. К тому же сообщение об этом поставит под угрозу его учёбу... Хотя такое будет не впервые. Михая выгоняли из школы и заставляли сменять учебное заведение много раз, что очень усложняло его обучение. Был сильный мороз. Алиса, дрожа, надеясь, что Михай пройдёт через парк. Стемнело. Появился Михай, и она сообщила ему ужасную новость.

— Я ожидал этого, — тихо произнёс он. — Передайте маме, что я сразу же приеду домой. Её также могут арестовать.

— А как же твоя учёба? — встревожилась Алиса. — Ты занимался почти три года...

— Какое теперь это имеет значение? Очень часто именно пасторы с дипломами предают и уничтожают то, что построили настоящие «ловцы человеков». Лучше без диплома. Всё равно скоро все узнают об отце, и меня исключат.

Было очень поздно, когда Алиса вернулась в Бухарест, где застала Сабину разбитой и шокированной. Она пересказала ей разговор с Михаем.

Через несколько дней раздался стук в дверь. Сабина открыла и увидела на пороге измотанного посыльного. Он вручил ей лист бумаги с текстом: «Вурмбранд Р., 1909 г. р. ... приговорён к двадцати пяти годам тюремного заключения».

ГЛАВА 55

Сабина закрыла дверь и заплакала. На следующий день в дверь жилища Вурмбрандов забарабанили кулаками два чиновника, которые пришли, чтобы составить список предметов мебели и домашнего хозяйства, имеющих хоть какую-то ценность для конфискации. Они оставили только кровати, стол и два стула. В течение следующих нескольких лет чиновники неоднократно возвращались, каждый раз требуя у Сабины денег, которых она не имела и не могла заработать. Она разрывалась между служением подпольной церкви и походами по правительственным учреждениям, умоляя чиновников отменить высокий штраф, вынесенный решением суда по делу Ричарда в дополнение к его тюремному заключению. Если Сабина не оплатит штраф, она потеряет жильё.

Сабина нашла старую швейную машину. Продавая на чёрном рынке носки и пуловеры, Сабине удалось собрать достаточно денег для того, чтобы у неё не отобрали чердак. Несанкционированное производство и продажа товаров карались законом, однако друзья Сабины помогали ей продавать одежду у ворот фабрик, на блошиных рынках, на автобусных станциях и везде, где собирались люди.

Однажды, когда Сабина сидела за швейной машиной, раздался зловещий стук в дверь. Женщина открыла дверь и увидела на пороге мужчину в чёрном плаще.

— Гражданка Вурмбранд?

— Да, я Сабина Вурмбранд, — ответила она.

— Завтра в девять часов утра вам необходимо явиться в Министерство внутренних дел. Покажете дежурному эту повестку и спросите, как пройти в указанный здесь кабинет.

Он обвёл Сабину холодным взглядом и ушёл.

Убеждённая, что кто-то её предал, Сабина собрала утром небольшую сумку с туалетными принадлежностями и тёплой

ВУРМБРАНДЫ

одеждой и, попрощавшись со всеми, отправилась по указанному адресу. Она знала, что, возможно, видит близких в последний раз.

Кабинет был довольно большой, с коврами и занавесками. В приёмной сидела красивая девушка-секретарь. В дорогой рамке висел красочный портрет Ленина. За столом размером с рояль сидел толстяк в штатском, лет сорока.

— Присаживайтесь, гражданка Вурмбранд, — он указал на стул, стоявший у стола. — Вас пригласили сюда, чтобы лучше разобраться в вашем деле. Расскажите мне о себе и своей семье.

Сабина колебалась.

— Не волнуйтесь, всё, что вы скажете, останется в этих стенах. — Он взглянул на бумаги, которые лежали на столе. — У вас есть сын... Михай... Как у него с учёбой?

Наконец Сабина поняла — это очередная попытка убедить её подать на развод с Ричардом. Там, где потерпело неудачу давление, коммунисты прибегнут к вежливости. Чиновник сидел, откинувшись на спинку кресла.

Сабина ответила:

— Я люблю своего мужа и, что бы ни случилось, сохраню наш брак. Мы соединены навсегда.

— Хорошо, — сказал он, — но позвольте мне сделать вам небольшое предложение. Вы хотите, чтобы ваш ребёнок мог завершить обучение? Вы хотите иметь право на труд и возможность жить своей собственной жизнью? Вы можете получить всё это, и причём очень просто. Только оставьте мне свой паспорт, и через сорок восемь часов мы вернём вам его со штампом. Забудьте слово *«развод»*. Это всего лишь простая формальность, которую требует от вас государство. Разве это не разумный выход из вашей ситуации?

Сабина не поддавалась на уговоры.

Чиновник сделал паузу.

ГЛАВА 55

— Конечно же, если вы не будете сотрудничать с нами, мы найдём другие способы воздействия. Когда мы чего-либо хотим, мы непременно добиваемся этого.

Сабина посмотрела ему в глаза.

— Предположим, что в один прекрасный день *вы*, как в наше время это случается со многими официальными лицами, окажетесь в тюрьме. Вы бы хотели, чтобы в это время ваша жена развелась с вами?

Он взорвался:

— Вы даёте себе отчёт в том, где вы находитесь и кто я такой? Как вы смеете задавать мне вопросы! — Он бросил карандаш в камин. — А теперь убирайтесь. Вон из кабинета! И не забывайте, что я сказал вам! Понятно?

Сабина взяла свою небольшую сумку и молча направилась к двери. Она прекрасно понимала... Но теперь она знала, что и он также понял её позицию, поскольку это была последняя попытка заставить её развестись с Ричардом. Во времена коммунизма чиновники боялись тюрьмы так же, как и христиане.

После этого Сабине сообщили, что её муж умер.

Однажды ночью на чердак Сабины пришли несколько молодых людей в изношенной одежде и сказали, что они бывшие заключённые. Однако они избегали смотреть женщине в глаза и всё время отводили взгляд. А когда начали рассказывать о том, как видели Ричарда в тюрьме, Сабина сразу же поняла, что имеет дело с провокаторами.

— Бедный пастор Вурмбранд, — печально произнёс один из них. — Мы не знаем точно, что с ним произошло. Перед смертью он стал очень угрюмым, ни с кем не разговаривал.

— На что вы намекаете? — добивалась Сабина. — Он покончил с собой?

ВУРМБРАНДЫ

— Это неизвестно. Мы лишь знаем, что его вывезли из Герлы ногами вперёд. И кто может обвинять его, если даже это так?

Сабина видела, что её пытаются обмануть.

— Пожалуйста, уходите! — Сабина не могла найти других слов.

— Бедный пастор Вурмбранд, — повторил другой из пришедших. — Он был настоящим святым. Все так говорили. Примите наши соболезнования, госпожа Вурмбранд...

— Пожалуйста, уходите! Сейчас же! — прервала их Сабина.

Как и ожидал Михай, вскоре после ареста отца он был исключён из университета города Сибиу за категорический отказ принять коммунистическое учение. Он также узнал, что Департаменту безопасности было известно о нём всё: его распорядок дня, места, которые он посещал, адреса друзей. Михай опасался, что в его церковь проникли доносчики.

Однажды Михай сказал матери:

— Мама, мне не хотелось бы говорить этого, но ты слишком сердобольная.

Сабина выглядела смущённой.

— Ты впускаешь в нашу квартиру всех этих людей. Стоит им только сказать: «Слава Господу!» — как ты распахиваешь перед ними дверь. С этими стукачами нужно быть поосторожней.

Она только хотела возразить, как Михай продолжил:

— Я боюсь, что тебя снова арестуют, мама. И меня. Им известно, что я по шею погружён в ваше подпольное служение. Они составляют угрозу не только для нас. Я волнуюсь за мальчишек, с которыми был знаком в Сибиу и которых два раза в неделю забирали и избивали до тех пор, пока они не пообещали доносить. Сейчас все они в тюрьме и, возможно, замучены до смерти.

ГЛАВА 55

Сабина вспомнила об Алисе — своей кроткой доброй подруге. Она посвятила свою жизнь заботе о детях политзаключённых. Она была арестована за связи с подпольной церковью. Из неё пытались извлечь информацию, но, когда это не удалось, её били в зубы сапогами с железными носами, пока она не потеряла сознание, и переломали ей кости. В течение следующих восьми лет Алиса переносила неописуемые пытки, но так и не предала ни Сабину с Михаем, ни других. Сабина представила безжизненное тело Алисы, изо рта которой течёт кровь.

Действия властей по отношению к церкви становились всё более агрессивными. Они разоряли подпольные общины и арестовывали их руководителей. Михай был прав. С информаторами нужно всегда быть начеку...

После допроса Ричарда бросили в кузов грузовика и повезли в неизвестном ему направлении. Когда автомобиль, наконец, остановился, сердце Ричарда сжалось. Он хорошо знал это место. Это была страшная тюрьма Джилава.

Прозвучала команда: «Выгрузить заключённых!» — и несколько конвоиров со зловонным запахом алкоголя, размахивая дубинками, начали «выбивать» заключённых из грузовика. Затем им бросили серую форму и побрили головы и бороды. Полугололого и окровавленного, Ричарда втолкнули в большую камеру. Он упал на замёрзший пол.

Несколько часов спустя прозвучала новая команда: «Вывести всех попов!» Когда Ричарда и других пасторов и священников выводили из камер, они слышали вокруг себя хихиканье и фырканье. Заключённых безжалостно пинали и плевали в тех, кто споткнулся и упал.

Через тридцать минут священников вызвали снова, однако на этот раз никто не двинулся с места. Тогда в камеру забежали надзиратели и снова начали избивать всех дубинками. Ричард пытался помочь тем, кто не в состоянии был подняться. В углу камеры лежал православный игумен по имени Мирон Кристеску. Ричард познакомился с ним несколько лет назад, ожидая встречи с православным патриархом, и поделился с ним своими переживаниями.

— Брат, — ответил Ричарду Кристеску, положив руку ему на плечо, — Христос придёт снова — именно на это мы и надеемся.

ГЛАВА 56

Кристеску неустанно трудился, чтобы не позволить православной церкви превратиться в пешку правительства, однако ему это так и не удалось.

Теперь изо рта Кристеску текла кровь. Его били по ногам тяжёлыми сапогами. Он рыдал, прикрывая рот ладонью, на которую выпадали выбитые зубы. Распухшее лицо и выбритая голова сделали его почти неузнаваемым.

— Я здесь, как и все остальные, — как-то сказал Кристеску Ричарду, — потому что совершил ошибку и не сопротивлялся с самого начала. А потом сопротивлялся недостаточно упорно.

Ричард попытался успокоить его:

— Не позволяйте таким мыслям повергнуть вас в уныние.

— Брат Вурмбранд, — ответил Кристеску, — я знаю только одну печаль — печаль о совершённой ошибке.

Если бы Кристеску произнёс эти слова во время проповеди, они были бы прекрасны, но теперь, когда он сидел в камере, окровавленный и беззубый, они свидетельствовали о его силе.

Второе заключение Ричарда было более суровым, чем первое. Поскольку проповедовать сокамерникам строго запрещалось, все знали, что тот, кого поймают за проповедью слова Божьего, подвергнется жестоким избиениям. Ричард и несколько других служителей приняли решение быть готовыми заплатить цену за привилегию проповедовать: они проповедовали — их избивали.

Часто один из братьев начинал проповедовать сокамерникам, когда неожиданно дверь открывалась и врывались надзиратели, перебивая его на полуслове. Они хватали брата и тащили в камеру пыток. Через определённое время его приносили и, избитого и изуродованного, бросали на пол камеры. Медленно он приходил в себя и поднимал голову:

— Так что же, братья, на чём нас прервали?

ВУРМБРАНДЫ

В тюрьме Герла Ричард слышал о христианине по имени Греку, которого осудили на избиение до смерти. Этот процесс длился неделями. Его ударяли резиновой палкой по половым органам и оставляли лежать. Через несколько минут ударяли снова, затем — снова и снова. Потом врач делал ему инъекции, чтобы тот не умер от болевого шока. Когда Греку приходил в себя, его снова избивали, пока он, в конце концов, не умер от невыносимых регулярных издевательств.

Руководил пытками член Центрального комитета коммунистической партии по имени Рек. Во время пыток Рек говорил Греку то, что коммунисты часто кричали христианам:

— *Я — бог. Твоя жизнь и смерть — в моей власти. Тот, Кто на небе, не может даровать тебе жизнь. Всё зависит от меня. Если я захочу, ты будешь жить. А захочу — и тебя убьют. Я — бог!*

Брат Греку, находясь в такой невероятно сложной ситуации, дал Реку чрезвычайно глубокий ответ. Он сказал: «Вы созданы, чтобы становиться всё более подобным Богу, в вашем сердце заложен Его прообраз». Вскоре после смерти Греку Рек стал последователем Христа.

Из всех этих пыток, избиений и унижений коммунистами Ричард вынес урок: *дух — властелин тела*. Его тело переносило издеательства, однако они часто казались чем-то отделённым от духа, который пребывал во славе Христа и Его постоянном присутствии. Палачи могли покалечить тело, но не смогли сломить его дух.

Даже тогда, когда Ричарду и другим заключённым давали кусок хлеба в неделю и грязную бурду вместо супа каждый день, они с верностью отдавали эту еду более слабому брату, как свою «десятину» Господу.

ГЛАВА 56

Когда христиан приговаривали к смертной казни, перед смертью им разрешали встретиться с жёнами. Нередко они так говорили своим любимым: «Ты должна знать, что я умру с любовью к тем, кто убьёт меня. Они не знают, что творят, и моя последняя просьба к тебе — также люби их. Не держи в сердце горечи против них за то, что они убили твоего любимого. Мы ведь встретимся на небесах».

Такие слова чрезвычайно поражали офицеров службы безопасности и сотрудников мест лишения свободы, которые прослушивали разговоры. Впоследствии они нередко сами становились христианами.

Ричард стал свидетелем мученической смерти десятков отважных пасторов. Сверхъестественное мужество было естественным для христиан из подпольной церкви, которые не предали своей первой любви. Красота последних минут их жизни ярко сияла на фоне серых цементных стен и тюремных роб.

До того, как попасть в тюрьму, Ричард очень сильно любил Христа. Теперь же, во время второго заключения, увидев красоту подпольной церкви, он полюбил и её.

Когда Ричарда бросили в вагон поезда и вместе с другими заключёнными отправили в трансильванский город Герла, где он отбывал заключение три года назад, из окна своей новой камеры он мог видеть виселицу, на которой в XVIII веке вешали заключённых. Коммунисты же предпочитали более эффективный вид казни: пулю в затылок...

Десять тысяч заключённых содержали в варварских условиях в помещениях, предназначенных для двух тысяч человек. Всё предыдущее лето администрация распорядилась держать ставни на окнах закрытыми. Существовать без света и почти без воздуха было невозможно. Начался бунт. Заключённые за-

ВУРМБРАНДЫ

баррикадировались в одном из крыльев тюрьмы. На подмогу охране была вызвана милиция. Баррикады снесли, двери повывали. Сотни заключённых получили ранения, десятки были убиты. Когда в Герлу прибыл Ричард, заключённым безжалостно мстили за бунт — морили голодом. В конечном итоге многие были распределены по другим тюрьмам.

В Герле Ричарда поместили в длинный слабо освещённый барак, в котором стояло всего пятьдесят коек на сто человек. Койки были общими, на них лежали по несколько заключённых. Уснуть из-за храпа было невозможно, а смрад переполненных унитазов вызывал тошноту.

Но даже тот короткий отдых, который Ричарду удавалось получить, часто прерывался неожиданным приходом сотрудников службы безопасности. При подсчёте заключённых, избитых шипованными сапогами, заставляли ложиться рядами. Когда надзиратель записывал имя человека, он становился на его спину.

Наказанием за малейшее нарушение режима тюрьмы было минимум двадцать пять ударов плетью. Даже при наличии врача большинство больных умирали. Каждый заключённый знал, что такое регулярная порка, а некоторые получали двадцать пять ударов по несколько раз в неделю. Испытав на себе действие различных орудий пыток, Ричард и его сокамерники пришли к выводу, что розга причиняет больше боли, чем палка или дубинка. Каждый удар по рёбрам и позвоночнику вызывал жгучую боль. Нервная система часто не выдерживала, и заключённый терял сознание. Пытки заметно влияли и на надзирателей. Опылённые смесью крови и власти, они впадали в безумие.

Каждый день Ричард вынужден был выносить из барака вёдра с фекалиями в единственный унитаз на площадке. Он стоял в длинных очередях, ожидая, чтобы вылить содержимое в канализацию. Он старался быть как можно более осторожным, однако отходы жизнедеятельности часто пачкали его руки и одежду.

ГЛАВА 56

В память каждого заключённого врезалось тюремное кладбище Росса Шандор. Серые надгробия в окне напоминали Ричарду, что он становится старше. Он не мог избежать смерти, только лишь отсрочить её наступление. За десятилетия заключения многие узники потеряли счёт времени. Стрелки часов на главных воротах тюрьмы Герла уже в течение шести лет стояли на месте. Из-за отсутствия зеркал заключённым казалось, что они остаются в том же возрасте, что и в день ареста. И образы жён в их памяти оставались такими, какими они их видели на свободе. Поэтому они очень удивлялись при виде осунувшихся старух, которые встречали их после освобождения.

Майор Дорабанту, толстяк с красным лицом, который занимал должность коменданта тюрьмы Герла, постоянно носил в кармане колбасный рулет с чесноком или яблоко, и во время своих разглагольствований опускал туда руку, чтобы достать очередную порцию перекуса.

Ричард стоял перед комендантом, с тоской наблюдая за его пиршеством. Единственными двумя вещами, которые любил Дорабанту, были еда и звук его собственного голоса.

— Итак, Вурмбранд! — произнёс он, на этот раз запихивая в рот кусок пирога. — Монах, да?

— Я пастор, — поправил его Ричард.

— Пасторы, священники, монахи! Все вы одинаковы. Обдираете бедных, чтобы нажиться. Знаю, знаю!

Дорабанту оживился и предался воспоминаниям о том, как в детстве забрёл слишком близко к монастырю, и монахи жестоко избили его. В глазах коменданта вспыхнула искра ненависти.

— Ты когда-нибудь видел священника, стреляющего из двустольного ружья в голодного ребёнка, Вурмбранд?

Ричард почувствовал, как сильно забилось его сердце.

ВУРМБРАНДЫ

— Святое зрелище! — воскликнул Дорабанту.

Комендант был не единственным жестоким человеком, с которым пришлось столкнуться Ричарду. Его сокамерниками были убийцы, воры и преступники, которые отбывали пожизненное заключение. Те, кто раньше убивали евреев, были крайне враждебны к Ричарду и однажды чуть не лишили его жизни.

— Тебе сказано было заткнуться! — кричал один из них.

Кто-то толкнул Ричарда, и он упал лицом вниз. Его тут же начали избивать ногами. К счастью, в этот момент дверь открылась, в камеру забежали надзиратели и разогнали всех по койкам.

Позже о нападении услышал Дорабанту, который как раз проводил обход камер. Один из надзирателей узнал в жертве Ричарда, постольку тот был самым высоким из заключённых, но в полумраке он не смог опознать нападавших.

— Вурмбранд, кто это сделал?! — требовал ответа Дорабанту.

Ричард не отвечал.

— Почему ты не хочешь сказать? — злился комендант.

Ричард, прикрывая разбитую нижнюю губу, сказал:

— Я христианин. Я люблю и прощаю своих врагов. И не осуждаю их.

— Тогда ты идиот! — крикнул Дорабанту.

Ричард согласился.

— Вы правы. Любой, кто не христианин от всего сердца, — идиот.

— Это ты называешь *меня* идиотом?

— Я этого не говорил, — сказал Ричард. — Я имел в виду, что я не настолько хороший христианин, каким должен быть.

— Взять его! — приказал Дорабанту. — Тридцать ударов! Сумасшедшие монахи...

Ричард сжал зубы, когда его схватили и потащили на порку.

В камере вор-цыган по имени Флореску подставил к койке Ричарда деревянный табурет и завёл с ним разговор.

— Я верю в то, что вижу, чувствую и могу потрогать, — начал разговор Флореску. — Все мы важны не более, чем этот кусок дерева, на котором я сижу. И наша смерть — это конец всему.

Ричарду было важно доказать свои убеждения. Он встал и выбил из-под Флореску табуретку. Та врезалась в стену, а сам он с грохотом упал на пол.

— Что это было?! — возмущённо закричал Флореску, вскочив на ноги.

— Ты говоришь, что ты материя, как и табуретка, — спокойно ответил Ричард. — Но я что-то не слышал, чтобы табуретка жаловалась на меня!

Сокамерники расхохотались.

— Прости, Флореску, — сказал Ричард. — Я просто хотел показать тебе, что, поскольку материя не реагирует ни любовью, ни ненавистью, она отличается от нас.

Флореску несколько минут подулся, а затем ответил:

— Я смогу поверить в это, только если мёртвые вернуться, чтобы поговорить с нами.

— Будь уверен, люди имеют связь с мёртвыми, — заверил Ричард. — Многие великие учёные от Исаака Ньютона до сэра Оливера Лоджа верили в спиритизм. Библия даже описывает разговор с мёртвым пророком Самуилом (1 Книга Царств 28).

И Ричард начал проповедовать о жизни после смерти. Его слова привлекли внимание сокамерников, которые стали собираться вокруг него.

— Если бы Бог создал нас только для этой жизни, — сказал Ричард, — Он дал бы нам сначала возраст с его мудростью, а только *затем* молодость с её энергией. Ведь бессмысленно приобретать знания и мудрость только для того, чтобы забрать их с собой в могилу! Мартин Лютер сравнивает нашу жизнь на земле с жизнью будущего ребёнка. Он говорит, что, если бы эмбрион мог рассуждать в утробе матери, он бы удивился, зачем у него выросли руки и ноги, и наверняка пришёл бы к выводу, что должен существовать другой мир, в котором он будет играть, бегать и работать. Как зародыш готовится к будущей жизни, так и мы.

Ричард говорил громко, насколько мог, чтобы заключённые, которые лежали на койках, могли слышать. В тускло освещённой камере все взгляды были устремлены на пастора.

— Если бы я утверждал, что в полулитровую бутылку помещается пять литров молока, вы сказали бы, что я безумец. Тем не менее, мой мозг может вмещать мысли и о таком событии, как потоп, который произошёл тысячи лет тому назад, и воспоминания о том, как в утро ареста я прощался с женой и сыном, и размышления о Боге и дьяволе. Как же возможно, что моя голова вмещает мысли о повседневной жизни точно так же, как и о вечной? Верите ли вы, что ваш свободный дух, который может путешествовать во времени и пространстве, разделит судьбу вашей оболочки, которая называется телом?

За все годы пасторского служения в Бухаресте после проповеди Ричарда никогда ещё не наступала такая тишина, как та, которая теперь воцарилась в его камере. Не слышно было ни дыхания людей, ни перешёптываний, ни шуток. Продолжая проповедь о Христе, Ричард оглядел мрачную камеру. Его сокамерники составляли собрание, перед каким ему никогда раньше

ГЛАВА 57

не приходилось проповедовать. Их одежда была изношена и грязна, челюсти беззубы, щёки впалые, а глаза, широко раскрытые от удивления и предвкушения надежды, свидетельствовали об их неутолимой жажде истины, о которой говорил Ричард.

На четвёртый год второго тюремного заключения Ричард снова сильно заболел и был переведён в тюремную больницу. Когда он пробыл там с неделю, ему, вместе с другими заключёнными, было приказано выйти во двор. Некоторые не могли даже самостоятельно ходить, и Ричард помогал им, как мог. В течение часа пациенты тюремной больницы вынуждены были стоять на улице и смотреть импровизированное театральное представление в исполнении других заключённых, во время которого актёры высмеивали христианство, чем вызывали бурные аплодисменты и смех коменданта, который в это время поглощал обед.

Одного за другим заключённых заставляли выходить на импровизированную сцену и повторять кощунственные лозунги, высмеивающие Христа.

— Нам *придётся* повторять эту чушь, пока всё это не закончится, — сказал со слезами на глазах один из заключённых, положив руку на плечо Ричарда.

Когда вновь назначенный на должность комендант Александреску вызвал на сцену Ричарда, сотни глаз устремились на пастора в ожидании. «Будет ли он восхвалять коммунизм?» — перешёптывались заключённые.

Ричард вспомнил слова Сабины на конгрессе культов: «Смой позор с лица Христова!»

— Давай, говори! — приказал Александреску.

Ричард тихо произнёс:

— Сегодня, в это воскресное утро наши жёны, матери и дети молятся за нас в церквях и в своих домах. Нам тоже хотелось

бы помолиться за них. Вместо этого нам приходится смотреть это представление.

Ричард видел, как по лицам заключённых потекли слёзы, когда он напомнил им об их семьях.

— Только что мы были свидетелями того, как здесь высмеивали Иисуса, — продолжил он, — но что вы имеете против Него? Вы говорите о трудящихся, но разве Иисус не был плотником? Вы говорите, что тот, кто не работает, не должен есть, но ведь это было сказано ещё до вас во Втором послании Павла к фессалоникийцам (3:10). Вы выступаете против богатых, но Иисус Сам изгнал ростовщиков из храма кнутами (Евангелие от Иоанна 2:14–15).

Александреску нахмурился, но слушал, очевидно, надеясь, что Ричард скажет достаточно, чтобы заслужить смертный приговор.

— Вы строите коммунизм, — продолжал Ричард, — но не забывайте, что первые христиане жили в общинах, делясь всем, что имели (Книга Деяния 2:44). Вы хотите возвысить бедных, но в магнификате, славословии Марии при рождении Иисуса, говорится, что Бог возвысит бедных над богатыми (Евангелие от Луки 1:52–53). Всё лучшее в коммунистическом учении взято из христианства!

Затем Ричард процитировал Карла Маркса, который в своём вступлении к «*Капиталу*» писал, что христианство является наиболее подходящей формой религии. Он осмотрел присутствующих, на миг задержав взгляд на группе сотрудников тюрьмы, и спросил:

— Есть ли здесь кто-нибудь, даже коммунист, без греха?!

После этого Ричард начал прямо проповедовать об Иисусе Христе, о том, что Он сделал для каждого человека на кресте и как сильно Он любит даже коммунистов. *Особенно коммунистов!* И каждый, начиная от студента университета до рабочего фабрики, предстанет перед Божьим судом. Ричард повернулся к коменданту и произнёс:

ГЛАВА 57

— И вас тоже будут судить, майор Александреску!

Заключённые испуганно переглянулись. Ричард осознавал, что, возможно, находится на шаг от смерти, однако продолжал проповедовать о том, что Иисус дарует вечную жизнь каждому, кто приходит к Нему с покаянием.

Прежде чем Ричард успел закончить проповедь, тюремный двор взорвался аплодисментами. Заключённые, осуждённые по разным статьям, хлопали в ладоши и кричали, выражая поддержку пастору и уже не заботясь о последствиях. Когда Ричард вернулся в шеренгу, заключённый по имени Мирон прошептал ему на ухо:

— Ты перечеркнул все их старания!

А Гастон прошептал на другое ухо:

— Ты слышишь, все кричат тебе «ура»?!

Ричард ответил:

— Они кричат не мне, а Благой Вести, которая коснулась их сердец.

Речь Ричарда стояла ему койки в тюремной больнице. После этого события его перевели в «камеру для попов».

Несколько дней спустя лейтенант по имени Конья сообщил Ричарду две новости. Он сказал, что Сабина находится в тюрьме, а также что в десять часов вечера его будут пороть за неоднократное неповиновение во время выступления. Избиения Ричард ещё хоть как-нибудь мог перенести, но известие о Сабине стало для него ужасным ударом.

Ожидание избиения может свести человека с ума. Но осознание того, что избиениям подвергается его жена, было для Ричарда испытанием просто невыносимым. Он ожидал у двери камеры, время от времени слыша шаги по коридору, которые то приближались, то удалялись. Где-то кричал от избиений заключённый. Однако за Ричардом так никто и не пришёл...

В течение следующих шести дней Ричарда снова и снова запугивали поркой. Наконец, спустя почти неделю, его затащи-

ВУРМБРАНДЫ

ли в камеру пыток и избили так, что он не надеялся выжить. Каждая рана жгла, как огонь.

После того, как избивающие остановились, лейтенант Конья приказал:

— Всыпать ему ещё немного! Штук десять!

В камеру Ричарда принесли без сознания. Целый день с громкоговорителей звучало: «Христианство — это безумие! Христианство — это безумие! Христианство — это безумие! Отрекайся! Отрекайся! Отрекайся!»

Ричард не мог отречься, потому что Иисус не отрёкся. Подвергнувшись пыткам, Иисус мог призвать на помощь ангелов, чтобы они спасли Его, но Он перенёс боль и поношение благодаря любви к тем, кто Его распинал.

В течение следующих нескольких недель избияния усиливались. Ричарду и другим пасторам часто приказывали снимать брюки. «Лечь на живот!» — кричали одни палачи. Другие требовали: «Перевернись на спину и подними ноги вверх!» Когда им становилось скучно, они брали двух заключённых и говорили одному:

— Бей по лицу!

Если он отказывался, ему говорили:

— Ты потерял свой шанс!

Затем второму приказывали бить первого.

— Дай ему сдачи! — ревели надзиратели от смеха.

Часто заключённые били друг друга, пока их лица не распухали и не становились багровыми.

В случае Ричарда пытки казались бесполезными. Он испытывал такую радость от страданий за Христа, что лейтенант Конья вынужден был прибегнуть к другой тактике. Однажды он пришёл в камеру и потребовал, чтобы Ричард собирал вещи.

Конья повёл заключённого через двор в здание, в котором находилась камера с белыми стенами. Никогда раньше Ричарду не приходилось бывать в такой камере. По углам висели лампы,

наполняя её ярким светом. Через минуту зазвучал громкоговоритель: «В наше время никто не верит в Христа. Никто не верит в Христа. Никто не верит в Христа. Никто не ходит в церковь. Откажись. Брось это. Брось. В наше время никто не верит в Христа...» Ричард хотел заткнуть уши, однако его руки были скованы за спиной.

На следующее утро Конья вошёл в камеру, снял с Ричарда наручники и пригласил его проследовать за ним по коридору. Когда пастор увидел свою новую камеру, у него перехватило дыхание. На кровати, застеленной чистым бельём, лежала свежая одежда. А на столе, который был накрыт скатертью, в вазе стояли цветы. От этого удивительного зрелища у Ричарда подкосились ноги, он опустился на кровать и заплакал. Конья остался очень доволен собой...

Ричард пролистал газету, которая лежала на столе — первую газету за все годы, проведённые в тюрьме. Он медленно переворачивал страницы, пытаясь впитать как можно больше из прочитанного. Вошёл ли уже в Чёрное море флот Соединённых Штатов? Об этом в газете не было ни слова, но была статья о коммунистической диктатуре на Кубе, которая бросала вызов Америке.

В роскошную комнату вошёл Александреску и пообещал передать её Ричарду на весь остаток его заключения. Затем он завёл разговор о том, что Иисус Христос — это выдумка апостолов, чтобы дать рабам ложную надежду на лучшую жизнь.

Ричард протянул ему газету и сказал:

— Ваша коммунистическая газета является доказательством того, что Иисус — не выдумка. На ней указана дата выпуска — июль 1963 года. Это означает, что со дня рождения Того, Кого, как вы утверждаете, никогда не существовало, прошло 1963 года. Вы не верите в Христа, но принимаете Его как основателя нашей цивилизации и отсчитываете время от Его рождения.

— Это ничего не значит, — пожал плечами Александреску. — Просто так принято считать.

— Но если Христос никогда не приходил на землю, то как же возник этот обычай?

— Его придумали лжецы.

— Предположим, вы скажете мне, что русские высадились на Марсе, — сказал Ричард. — Я не обязан вам верить. Но если я включу радио и услышу, как с этим достижением их поздравляют американцы, я подумаю, что это, должно быть, правда. Точно так же мы должны признать существование Христа как исторический факт, если Его злейшие враги, фарисеи, признали это в Талмуде, а также зафиксировали имя Его матери и некоторых из Его учеников. Более того, нас должно впечатлить то, что фарисеи приписывают Христу сотворение чудес, отрицая, что такие чудеса можно свершить, прибегнув к чёрной магии. Многие языческие писатели также признали Иисуса. Только коммунисты отрицают этот очевидный исторический факт просто потому, что он не соответствует их теории.

К огромному удивлению Ричарда, Александреску не стал спорить. Вместо этого он протянул Ричарду книгу для чтения — *«Справочник атеиста»*. Это была красивая книга в прочном переплёте и с красочными иллюстрациями. Ричард прочитал об истории религий, таких как индуизм, буддизм, конфуцианство и ислам, и перешёл к истории христианства. В книге было написано, что католицизм извращён, а лютеранство намного лучше него, поскольку Лютер бросил вызов папе. Дойдя до этого места, Ричард улыбнулся. «Тем не менее наука доказывает, — было написано там, — что все христианские традиции являются мошенническими и основываются на ложных предположениях». Ричард с интересом прочитал раздел о том, что христианские обряды возникли якобы из языческих традиций. Его внимание привлёк заголовок последней главы: *«Формы атеистической пропаганды»*. Прочитав его, он закрыл

ГЛАВА 57

книгу, поблагодарил Господа за то, что имел возможность подержать её в руках, и забрался под чистое одеяло.

Католическая церковь призывала к примирению между разлучёнными братьями, живущими на Востоке и на Западе. Возможно ли христианское единство? Ричард размышлял над этим вопросом, зная, что те, кто действительно любит Христа, должны любить друг друга. Он представлял, как Иисус говорит Своим детям по всему миру: «Я исцелил всех вас разными путями, и теперь не нужно ссориться, надо радоваться!»

Ричард вспомнил фразу известного немецкого поэта Гёте: «Цвет — это боль света» — и удивился этой мысли. Проходя сквозь призму, свет раскладывается на составляющие, и во все стороны разбегаются разноцветные лучи. Каждый луч состоит из того же света, что и другие, но отличается по внешнему виду и направлению.

Точно так же христиане, живущие на Западе, отличаются от христиан, которые живут на Востоке. Их культура, традиции и обычаи различны, как различны и их национальные флаги. И всё же все Божьи дети искуплены кровью Христа. Бог не предполагает сходство; Он желает единства — единства в Сыне Божьем, жертва Которого сделала нас новым творением.

Так, рассуждая над тем, что разделение церкви было болезненным поиском одной и той же истины с разных точек зрения, Ричард уснул. И колыбельной ему служили слова Иисуса, звучащие в его сознании: «Я есмь путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Евангелие от Иоанна 14:6).

— Алиса вернулась! — восторженно закричала Мариетта. — Наконец-то!

Сабина не могла поверить в чудесную новость. Схватив пальто, они с Михаем и Мариеттой выбежали на улицу и прыгнули в трамвай.

Алиса очень постарела. Она стояла в залатанной одежде, а её тонкие волосы спадали на глубокие морщины на лице, вырезанные ужасами коммунистических пыток. Она, как всегда, улыбалась.

— Завтра мы что-нибудь тебе принесём, — пообещала Сабина.

— Но у вас же самих ничего нет, — ответила Алиса и была совершенно права.

— Да нет же, мы живём в роскоши, — засмеялся Михай. — Вы бы видели наш пентхаус!

— Ковры на стенах, — добавила Мариетта. — И на окнах тоже! И проточная вода... Течёт прямо с потолка!

Они проводили Алису до квартиры её двоюродного брата, где она теперь будет жить, и вернулись домой. Той ночью Сабина пыталась уснуть, но каждый раз, закрывая глаза, видела лицо Ричарда.

Во время коммунистических празднований в Бухаресте объявляли имена политзаключённых, которые вскоре будут освобождены из тюрем. Сабина присутствовала на каждом празднике, надеясь услышать имя Ричарда.

ГЛАВА 58

Однажды, в тёплый летний день 1964 года, Сабина приехала домой и нашла там ежедневную газету, которую по дороге на работу занесла подруга. Прочтя на первой странице заголовок, написанный большим жирным шрифтом, Сабина задрожала. АМНИСТИЯ!

Сабина не знала, *кто* в этот раз подпадает под амнистию, однако всем сердцем надеялась и молилась, чтобы это были политические заключённые, такие как Ричард. Она несколько раз перечитала статью, а затем бросилась в комнату подруги, где несколько женщин уже обсуждали долгожданную новость.

— Они, наверное, поступят так же, как и в прошлом году. Выпустят только уголовников! — сетовала госпожа Ландауэр.

— Да нет же! — возразила Сабина. — Говорю вам! Будем молиться и благодарить Бога. Вот увидите!

Спустя пять минут прибежал сосед. Ему звонил давний приятель, которого утром освободили из Герлы.

Герла?! При упоминании этой тюрьмы глаза Сабины расширились, а сосед продолжал:

— Мой друг говорит, что ваш муж был в списке на сегодняшний день! Он видел, как тот ждал во дворе! Он, наверное, уже добирается домой!

В тот вечер, когда Сабина пыталась почистить картошку, её сердце едва не вырывалось из груди от радости. Она села. Несколько часов спустя раздался стук в дверь.

На пороге, улыбаясь, стоял господин Ионеску, друг Вурмбрандов, который жил этажом ниже и имел телефон. Он схватил Сабину за руку и выпалил:

— Вам междугородний звонок!

Сабина поспешила за ним вниз по лестнице и схватила трубку. Это был голос Ричарда! У Сабины зашумело в ушах,

ВУРМБРАНДЫ

потемнело в глазах, и она почувствовала, как подкашиваются ноги. Снова открыв глаза, она увидела обеспокоенные лица, которые смотрели на неё сверху вниз.

— С ней всё в порядке!

— Ты потеряла сознание!

Михай уже разговаривал по телефону и смеялся. Сын с облегчением посмотрел на мать и сообщил ей, что отец находится в доме друзей в Клузе и заверяет, что с ним всё в порядке, он здоров и свободен и возвращается домой. Он приедет поездом, но сядет на него только на следующий день.

Во второй половине дня из тюрем, находящихся в разных частях страны, начали возвращаться заключённые. А вечером Сабина получила телеграмму и поделилась радостными новостями с друзьями.

— Ричард сообщает, что приедет на ночном поезде и будет здесь в 8:30 утра!

Той ночью Сабина даже не пыталась уснуть. Она радовалась с другими жёнами, которые праздновали освобождение своих мужей. Некоторые не видели супругов в течение пятнадцати лет. Было ощущение, будто могила возвращает мёртвых в объятия живых.

Почти каждый час приходили известия о новых освобождённых. Друзья, которые сами не могли прийти, передавали огромные букеты.

Следующее утро наступило быстро. Солнце взошло над горизонтом с прекрасной свежестью раннего утреннего света. Промелькнул большой гудящий дизельный поезд. Его приближение встречали толпы озабоченных и возбуждённых людей, каждый из которых надеялся на прибытие своих близких. К

ГЛАВА 58

небу возносились молитвы за отцов, мужей, братьев и сыновей. Однако многие из этих просьб в тот день остались без ответа.

Глаза Сабины бегали по окнам проходящих мимо вагонов, пока её взгляд не упал на знакомое лицо. Из одного окна высунулся Ричард. Тощий, с грубо выбритой головой и худым бледным лицом. «*Бог вернул мне его!*» — подумала Сабина и бросилась навстречу мужу. Его одежда была очень потрёпанной, а на ботинках — не по размеру больших — не было шнурков. Михай присоединился к их объятиям, а весь вокзал разразился радостными возгласами и приветствиями. Все хотели поздравить пастора с возвращением и узнать о судьбах других заключённых. Кто-то с фотоаппаратом сделал снимок на память.

— Ничего не говорите, — тихо произнёс Ричард. — Позвольте мне просто смотреть на вас.

Если бы несколькими днями ранее комендант Александреску сообщил заключённым Герлы: «Завтра вас всех расстреляют», — тюремное помещение разразилось бы возгласами: «*Ура! Наконец свобода! Конец мучениям!*» Однако вместо этого комендант объявил, что политзаключённым объявлена амнистия и завтра их выпустят из тюрьмы. Заключённые стояли в замешательстве. Вдруг это очередной обман?

Ричард был в одной из последних групп, покинувших тюрьму. Надзиратели, которые раньше обращались с ним жестоко, выдали ему одежду, которую он надел с благодарностью.

— Брат Вурмбранд! — К пастору подошёл мужчина и сказал, что он из города Сибиу. — Я так много слышал о вас от вашего сына. Мы сидели в одной камере.

— Мой сын в тюрьме?! — воскликнул Ричард. — Нет-нет. Вы ошибаетесь!

ВУРМБРАНДЫ

Мужчина сочувственно ответил:

— Вы что, не знали? Он уже шесть лет в тюрьме.

Тело Ричарда пронзила острая боль, как это происходило каждый раз, когда он получал двадцать пять розг. Однако в этот раз боль была гораздо сильнее. У Михая такое слабое здоровье. Он не сможет выжить в тюрьме!

Ричард всё ещё не мог оправиться от ужасной новости, когда подошёл Александреску.

— Ну что, Вурмбранд? — поинтересовался комендант. — Куда пойдёшь теперь, когда ты свободен?

Ричард на мгновение задумался.

— Я не знаю. Мне сказали, что моя жена в тюрьме, а теперь, оказывается, и мой единственный сын тоже. У меня больше никого нет.

— И малец туда же! — с ухмылкой произнёс Александреску. — И каково это знать, что твой сын теперь тоже зэк?

— Я уверен, — ответил Ричард, — что он в тюрьме не за кражу и ни за любое другое преступление. А если он там за веру в Христа, то я горжусь им.

— Что?! — с негодованием воскликнул Александреску. — Мы тратим деньги на то, чтобы держать тебя здесь, а ты гордишься тем, что член твоей семьи сидит в тюрьме?!

Ричард вышел из тюрьмы в чужой одежде. Когда-то он уже выходил на свободу, как сейчас, однако теперь, узнав о том, что его жена и сын в тюрьме, еле тащился по улице, удручённый и несчастный.

Мимо Ричарда пролетали быстрые автомобили. Его внимание привлекала яркая одежда женщин, красочные цветы в окнах домов, звуки весёлой музыки по радио. Как красив был этот город! Дул свежий ветер. Воздух был чист и непривычен для его лёгких.

Ричард отправился на автобусе в соседний город Клуж, где когда-то жили его друзья. Друзьям Ричарда пришлось несколько

раз переезжать, и он долго бродил по городу в их поисках. Когда автобус повернул за угол, ему вспомнилась женщина, которая предложила ему клубнику после предыдущего освобождения из тюрьмы. Как много бы он отдал в этот знойный летний день за несколько ягод!

Наконец поиски Ричарда увенчались успехом. Счастливые увидеть друга на свободе, друзья предложили ему фрукты и торт. Но Ричард увидел на столе красивую коричневую луковицу. Безвкусная тюремная еда пробудила в нём желание поесть чего-то острого.

Перекусив, Ричард попросил разрешения позвонить своему соседу в Бухарест, и через несколько минут уже слышал голос Сабины.

— Это Ричард! — воскликнул он. — А я думал, что ты в тюрьме...

В трубке раздался громкий глухой удар, за которым последовала какофония голосов. Затем Ричард услышал голос Михая.

— Мама упала в обморок. Не вешай трубку! — Через минуту он вернулся к телефону. — Кажется, с ней всё в порядке. Нам сказали, что ты мёртв!

Михай не в тюрьме! Оказывается, комендант приказал сообщить Ричарду эту ложную новость, чтобы увидеть его реакцию.

Ричард сел на поезд, идущий в Бухарест, где на перроне его встретила целая толпа мужчин, женщин и детей с цветами. *«Кого это встречают с такими почестями?»* — подумал Ричард. Высунувшись из окна вагона, он оглядывал собравшихся, пока не заметил Сабину. И тут он увидел, что приветствовать его возвращение домой пришла вся церковь. Ричард начал пробираться сквозь толпу к Сабине и Михая, желая как можно скорее обнять их.

ВУРМБРАНДЫ

В последующие дни Ричард много размышлял о своём четырнадцатилетнем заключении. К тому времени он разучился писать и из-за голода и наркотиков забыл отрывки из Писания, которые знал наизусть. Однако один текст он помнил хорошо: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил её» (Книга Бытие 29:20).

Впереди Ричарда и Сабину ожидала жизнь, исполненная трудностей и нищеты, однако это не имело для них никакого значения, ведь теперь они были вместе и на свободе...

День и ночь на своём чердаке Сабина принимала гостей, которые съезжались со всей страны, чтобы навестить Ричарда. Каждый хотел выразить пастору свою поддержку и благодарность. Даже сотрудники службы госбезопасности больше не пытались контролировать огромные толпы, которые стекались в жилище Вурмбрандов. Стараясь оставаться незамеченными, они только удивлялись популярности Ричарда и прилагали к его личному делу всё новые доклады. Даже больницы, где лежал Ричард, кишели посетителями.

Больницы не могли обеспечить необходимые для Ричарда условия, и он, наконец, оказался в санатории в деревне Синая, где когда-то на вершине горы был построен летний королевский дворец. Однако даже туда продолжали прибывать пасторы и обычные прихожане из разных церквей, которым удалось узнать местонахождение Ричарда. Люди добирались пешком, на мотоциклах, на велосипедах и автобусах.

Чтобы восстановить здоровье, Ричарду понадобились годы. Он был худой, как трость, и весил около сорока килограмм. Он пережил годы избиений и промывания мозгов. На спине Ричарда зияли дыры и шрамы от пыток, но глаза его были такими же голубыми, как и тогда, когда через эти окна души Сабина разглядела его истинную сущность и полюбила его.

В том же году, когда Ричард был освобождён из тюрьмы, правительство освободило и десятки тысяч других политических заключённых, со многими из которых Ричард встречался за решёткой. Бухаресту было трудно справиться с таким внезапным наплывом освобождённых, которые искали работу, чтобы содержать своих жён и детей. Сердца людей, их дома и улицы были полны трагедий.

Милиции не по силам было контролировать весь этот беспорядок, и Ричард использовал каждую возможность, чтобы проповедовать — тайно, в любой церкви, где только ему позволяли. Ричард даже смог добиться разрешения на религиозную деятельность, которое давало ему право проповедовать. Чтобы говорить о Христе, ему не нужно было разрешение правительства, однако наличие документа открывало много дверей.

Сабина и Ричард переживали наиболее напряжённый период в жизни. Они часто подпольно проводили богослужения и приводили сотни душ ко Христу. Несмотря на это, Ричарду казалось, что он трудится недостаточно. Находясь в тюрьме, он много мечтал о свободе.

— Какие у тебя планы? — как-то поинтересовалась Сабина.

— В идеале я хотел бы стать отшельником и удалиться в пустынное место, чтобы там провести остаток жизни в созерцании Бога и в размышлении над Его Словом.

Сабина согласилась, что это было бы чудесно. Раньше супруги стремились к богатству, славе и удовольствиям, но Бог использовал годы заключения и нищету, чтобы превратить их в тех, кому достаточно лишь одного присутствия Христа.

Серые стены камер не были препятствием для присутствия Бога. Святой Дух сделал даже те ужасные помещения прекрасными. Будучи неочищенным углём, Ричард и Сабина из тюрьмы вышли как алмазы и посвятили всю оставшуюся жизнь тому, чтобы Божий свет сиял во тьме.

Одинокое заключение научило Ричарда ещё больше наслаждаться присутствием Спасителя. Он углублялся в раздумья о Нём, учился справляться с бурями, бушующими в сердце, и ненавистью. Он осознал, что ему больше не нужно ни с кем бороться, потому что любовь сильнее, чем насилие, она может покорить сердце даже самого безжалостного следователя. Наступили годы затишья и спокойствия, но Ричард не собирался тратить их напрасно. Он будет созидать храмы для Христа в человеческих сердцах, проповедуя Слово Божье, свидетельствуя о Божьей любви, милости и защите, которые он испытал на собственном опыте, и описывая всё это в книгах.

Ричард утешал пасторов, которые с огромной скорбью вынуждены были признаться своим общинам в том, что являлись информаторами секуритате и доносили на собственную паству. Когда Румынию охватил страх, многие пасторы предали овец, которых в прошлом сами привели к Пастырю.

Ленин когда-то писал: «Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая гнусная зараза. Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических... гораздо менее опасны, чем тонкая духовная идея боженьки»¹.

Коммунистическая партия Советского Союза придерживалась мнения Ленина. Для неё религия была хуже, чем рак, туберкулёз и сифилис вместе взятые, ибо она была угрозой самому её существованию, и её необходимо было уничтожить как можно быстрее и эффективнее.

После освобождения из тюрьмы Ричард узнал о том, что в Бухаресте коммунисты запретили молодёжные собрания и детскую воскресную школу, поскольку подрастающее поколение нельзя было «заражать христианским Евангелием». Хотя

¹ Владимир Ленин, цитата из книги Питера Уотсона «Эпоха атеистов: как мы пытались жить после смерти Бога», Нью-Йорк: Simon & Schuster, 2014, с. 216.

БУРМБРАНДЫ

он всегда любил коммунистов, теперь у него появилось ещё больше отвращения к коммунизму, и он поклялся всеми силами противостоять этому злу. Миллиард мужчин, женщин и детей всё ещё находились в железном кулаке, и Ричард твёрдо решил посвятить остаток жизни борьбе за их освобождение от красного террора.

Ричард знал, что уединение могло длиться только определённое время. Он вспомнил св. Антония Великого, который провёл тридцать лет жизни в египетской пустыне. Он оставил мир, чтобы постоянно находиться в посте и молитве, учиться одерживать победу над искушением и грехом. Однако, услышав о спорах между св. Афанасием и Арием о божественности Христа, Антоний оставил отшельнический образ жизни и отправился в Александрию, чтобы помочь побороть ересь.

В Румынии не было недостатка во зле, с которым следовало бороться. Профессора и интеллектуалы были вынуждены отказаться от своих убеждений и учить атеизму. Руководство комсомольской организации следило за отношениями молодых людей, вызывало на комсомольские сборы, делало выговоры и угрожало девушкам за отношения с ребятами-христианами, взамен указывая им на тех, с кем можно дружить.

Ричард начал вновь встречаться с членами подпольной церкви — бывалыми товарищами прошлых лет, которые сопротивлялись пыткам, а после освобождения из тюрьмы скрывались от арестов, и присоединился к их служению. Он начал посещать тайные встречи, на которых пели сочинённые Ричардом в тюрьме гимны из сборников, переписанных от руки.

В молодости Бог изменил планы Ричарда, и теперь, став старше, он знал, что Бог может сделать это снова. Мысли о том, чтобы вернуться к спокойной жизни, постепенно развеивались и превращались в желание продолжать борьбу за Христа. Когда-то, чтобы освободить Свой народ, Бог послал на Египет десять бедствий, кульминацией которых стала смерть первен-

ца. Ричард знал, что Бог дал Румынии действенное оружие для борьбы со злом — смерть Его собственного Сына. Только воскресший Христос может принести новую жизнь в долину смерти, на его опустошённую родину.

Другие проповедники критиковали Ричарда за проповедь, направленную против коррупции в правительстве, и призывали проповедовать чистое Евангелие. Но разве проповедь Иоанна Крестителя была именно такой «чистой»? Иоанн не только говорил: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Евангелие от Матфея 3:2). Он также упрекал царя Ирода за всё зло, которое он совершил (Евангелие от Луки 3:19). Иисус назвал Иоанна величайшим из всех людей и даже послал ему слово ободрения во время его заключения (Евангелие от Матфея 11:2–6, 11). Да и Сам Христос осуждал зло своих дней. Он не только произносил Нагорную проповедь, но и ругал религиозную элиту, говоря: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!..» (Евангелие от Матфея 23:27).

Коммунизм был грехом, и Ричард, пастор сотен, даже тысяч христиан, которые жили в разных уголках страны, был обязан защитить их. Он знал, что социализм приводит к краху каждую страну, народу которой его насаждают. Его неизменным признаком является растрепанность верхов и маргинализация низов.

После того как уволенным когда-то священникам и пасторам правительство позволило снова возглавить небольшие церкви, Ричард получил назначение в церковь города Орсова. В отделе по делам культов коммунистического правительства ему сообщили, что церковь состоит из тридцати пяти членов, и предупредили, что их ни в коем случае не должно стать тридцать шесть! От него также потребовали, чтобы он стал агентом органов власти, докладывал на каждого члена церкви и не допускал,

чтобы богослужения посещала молодёжь. Вот каким образом коммунистам удавалось использовать церковь как инструмент контроля над людьми и препятствовать её росту.

Ричард знал, что проповедь Слова Божьего привлечёт в церковь сотни людей. Поэтому он даже не пытался работать в зарегистрированной, официальной церкви. Вместо этого он снова вернулся к служению в подпольной церкви, благовествуя и подкрепляя своё свидетельство шрамами. На протяжении долгих лет его заключения во времена нацизма и коммунизма Бог чудесным образом действовал в Румынии. Он не оставил Своих избранных, но поработощённых людей, Он услышал их стон, и теперь христиане из стран Запада начали помогать им и молиться о них.

Однажды Ричарду сообщили известие, которое согрело его сердце: «Приехали братья из-за рубежа». На Западе были христиане, которые тайно организовывали опасную работу по доставке помощи семьям христиан-мучеников. Они нарушали закон государства, контрабандой переправляя христианскую литературу через румынские границы.

Шесть человек из этих западных христиан вскоре приехали в Бухарест, чтобы разыскать известного пастора, который провёл четырнадцать лет в тюрьме.

— Я этот человек, — сказал им при встрече Ричард.

Они были поражены.

— Но мы ожидали увидеть меланхоличного мужчину. Вы, наверное, не тот, кто нам нужен, ведь вы исполнены такой радостью!

Ричард заверил их, что он на самом деле — тот самый человек, и выразил благодарность за молитвы и помощь. Живой и остроумный, Ричард умел заставить гостей чувствовать себя комфортно, обмениваться приятными воспоминаниями и смеяться. Одним из посетителей был В. Стюарт Харрис, который приехал к Ричарду в ноябре 1964 года. Придя в дом Вурмбрандов поздней

ночью после множества мер предосторожности, он принёс им слова любви и утешения от христиан с Запада. Ричард никогда не забудет те встречи, ставшие для него такими значимыми.

Последовавшие за этим визитом дружеские отношения способствовали новым контрабандным поставкам гуманитарной помощи, Библий и другой христианской литературы для подпольной церкви. Западные христиане не только обеспечивали своих восточных братьев и сестёр Словом Божиим, но и доказывали свою братскую любовь. В течение многих лет Ричард молился за христиан на Западе. И теперь осознание того, что они тоже молились за него, заставило его прослезиться. В годы промывания мозгов гонимые постоянно слышали: «Никто вас не любит, вы никому не нужны, никто вас не любит, вы никому не нужны!» Теперь же они видели, как американские и английские христиане, рискуя своими жизнями, доказывали им свою любовь. Они были ангелами, посланными Богом, чтобы утешить Ричарда, его семью и всю подпольную церковь. Взамен Ричард помог западным христианам выработать такую тактику подпольной работы, которая давала возможность незаметно пробираться в дома, окружённые сотрудниками милиции и службы безопасности.

Сотрудничество Ричарда с западным миром сделало его более уязвимым, чем когда-либо, перед следующим арестом. Две христианские организации, «Норвежская миссия помощи евреям» и «Еврейский христианский союз», заплатили коммунистическому правительству за Ричарда выкуп размером в десять тысяч долларов, что в пять раз превышало размер выкупа за политического заключённого.

Иисус Христос искупил Ричарда Своей смертью на кресте. А теперь члены Тела Христа на земле, Его Церковь, выкупили его из-за «железного занавеса». После стольких лет неопределённости, пыток и допросов семье Вурмбрандов пришло время покинуть Румынию...

Когда за выездные визы Вурмбрандов правительству Румынии поступило десять тысяч долларов, секуритате потребовали последней встречи с Ричардом.

— Поезжай на Запад и там проповедуй, сколько тебе угодно, — сказал чиновник. — Но ни слова о нас! Я предупреждаю, что мы сможем заставить тебя замолчать даже там.

На следующее утро, 6 декабря 1965 года, Ричард, Сабина и Михай отправились в аэропорт. Взлётно-посадочная полоса тянулась вдаль и исчезала в тумане. Будущее Вурмбрандов было таким же туманным, как и горизонт. Семья поднялась на борт DC-7 с шестьюдесятью другими выкупленными у румынского правительства гражданами, в основном евреями. Сотрудники службы безопасности аэропорта пытались помешать провожающим Вурмбрандов пройти в здание аэропорта, но их усилия были тщетными. Охрана бросала завистливые взгляды на тех, кто отправляется на Запад, и сопровождала их до трапа.

Вскоре шасси самолёта оторвалось от серой полосы. Одни восклицали от радости, а другие изо всех сил пытались справиться с нахлынувшими горько-сладкими эмоциями. Люди были рады получить свободу, однако скорбели о тех, кто всё ещё страдает за окнами иллюминаторов.

Через несколько часов самолёт приземлился в Риме. Из Рима Вурмбранды отправились в Осло. Ричард хотел остановиться в Женеве, чтобы рассказать там о преследованиях христиан в Румынии, однако секретарь Всемирной лютеранской

федерации по телефону умолял его не приезжать, опасаясь, что об этом узнают русские.

В Норвегии Вурмбрандов встречали члены «Церковного служения Израилю» — миссии, заплатившей часть выкупа, а также руководители разных церквей. Среди встречающих была и Ануца, которая пятнадцать лет отверженно трудилась над тем, чтобы этот день наконец настал. Ричард встретился с пастором Готе Хеденквистом, главой «Шведской миссии Израилю», который на протяжении многих лет каждый день молился за него. Представители «Еврейского христианского союза», заплатившего другую часть выкупа, сразу же заинтересовались нуждами семьи.

Из Норвегии Вурмбранды отправились в Великобританию, где их встретил Стюарт Харрис, который открыл перед семьёй двери университетов и множества церквей всех конфессий. Британские христиане почти не были осведомлены о фактах преследований своих братьев-христиан на третьей части земли, которые жили в условиях коммунистического господства. Теперь западные верующие имели возможность, наконец, услышать о мучениках и о победах подпольной церкви, до сих пор остававшейся неизвестной миру.

Ричард и Сабина наслаждались ангельским гостеприимством своих новых британских друзей. В Великобритании даже создавался альянс, который со временем основал новую миссию, направленную на служение гонимым христианам в коммунистическом мире. Однако Ричард осознавал, что ему необходимо заручиться поддержкой американцев...

61

К тому времени, когда Вурмбранды обосновались в Соединённых Штатах, Департаментом государственной безопасности Румынии был выдан приказ убрать их как свидетелей злодеяний коммунистического правительства. Несмотря на то, что Ричарда предупреждали, чтобы он молчал, он использовал любую возможность, чтобы выступать со свидетельствами против коммунизма. И Божья рука защищала его семью на каждом этапе пути.

Ричард был приглашён для дачи показаний в Сенат, а затем в Конгресс США в Вашингтоне, где присутствовали не только сенаторы, но и журналисты газет и радиостанций из разных стран мира. Когда он говорил о страданиях подпольной церкви, на него были обращены объективы множества телекамер.

— Третья часть мира имеет право на ваши молитвы, вашу поддержку, вашу материальную помощь... В тюрьме я видел мужчин с двадцатикилограммовыми цепями на ногах, которые молились за Америку. А в США мы редко слышим, чтобы церкви молились за тех, кто страдает в коммунистических тюрьмах.

Отвечая на вопрос сенатора, есть ли у него какие-либо следы пыток, Ричард снял рубашку и показал восемнадцать шрамов на теле.

— Я не хвлюсь этими шрамами. Я показываю измученное тело моей церкви и моей страны. Сейчас я говорю от имени героев и мучеников, которые сами не могут говорить за себя: за протестантов, католиков, православных и иудеев, которые умерли под пытками за веру в Бога.

ГЛАВА 61

Сидя рядом с Ричардом, Сабина не могла сдержать слёз и вместе с большинством членов Сената открыто рыдала, слушая рассказы о крестьянках, монахинях, молодых горожанках, протестантках и католичках, еврейках, обречённых на порабощение в Румынии.

Ричард видел, как горько плачет Сабина, и позже сказал ей:

— Твои слёзы произвели большее впечатление, чем все мои слова. Слёзы способны разрушить самые крепкие стены!

На протяжении всей жизни Ричард знал, что ручка сильнее меча. Находясь в Британии, пока ещё воспоминания о заключении были свежи в его памяти, он надиктовал книгу под названием *«Современная мученическая церковь. Пытаемы за Христа»*. Сабина сидела на диване и слушала, как её муж извлекает из памяти историю за историей о замученных христианах и невообразимо жестоких допросах, и сопровождала их безутешными рыданиями. Это была очень простая книга, написанная не чернилами, но слезами и кровью мучеников — их история, воплощённая на бумаге для потомков.

Книга *«Пытаемы за Христа»* неожиданно стала бестселлером. Она была переведена на десятки языков и открыла для Ричарда и Сабины возможность путешествовать по разным странам и континентам, проповедовать о силе Евангелия и свидетельствовать о мужестве преследуемых христиан. Эта книга и визиты Вурмбрандов посодействовали созданию девятнадцати миссий в свободных странах Европы, Азии, Австралии и Америки, которые до сих пор в единстве трудятся над обеспечением подпольной церкви христианской литературой, радиопередачами на родном языке, а также гуманитарной помощью для семей мучеников.

Из-под пера Ричарда выходили книга за книгой. Он был неутомим в проповеди, однако он не только говорил, но и создавал

ВУРМБРАНДЫ

эффективные организации, тайно несущие служение в странах коммунистического лагеря. Некоторые подвергали сомнению его методы, но Ричард не обращал внимания на критику. Он «воскрес из мёртвых» не для того, чтобы растрачивать свою энергию на оппонентов. Его внимание было приковано к гораздо более злому и тёмному врагу.

Куда бы Вурмбранды ни отправлялись, они стремились к христианскому единству. Они были счастливы нести весть исцеления и истины братьям и сёстрам в Австралии, Индии и Новой Зеландии, белым и чёрным в Африке. Невзирая на политику апартеида, в Южной Африке они проводили встречи, во время которых о послании Христа и мужестве подпольной церкви в единении и со слезами на глазах слушали христиане всех цветов кожи. Одна африканская газета так писала об их визите: «На нас нахлынул ураган по имени Ричард».

«Ненавидьте коммунизм, — призывал Вурмбранд, — но любите и завоёвывайте коммунистов для Христа!» И миллионы христиан следовали его призыву, зная, что человек не может демонстрировать такую любовь самостоятельно, без Божьей помощи. А с Богом всё возможно, даже всеобъемлющее прощение.

Сабина была мягче, чем муж, но она была сильной и жизнерадостной женщиной, которая не отступала, когда дело касалось Евангелия. Вместе Вурмбранды были могучим голосом преследуемых христиан. Они бросили вызов Западу вдохновляющими историями о мужестве и вере перед лицом пыток, тюремного заключения и смерти, воодушевляя слушателей на безграничную преданность Христу и проповедуя Благоую Весть.

Ричард и Сабина всячески дополняли друг друга, выполняя нелёгкий труд по руководству миссией, несущей служение в коммунистических странах. Они заботились о курьерах, которые посещали эти страны, инструктировали, как собрать необходимую информацию о состоянии церкви, помогали обеспечить курьеров Библиями, духовной литературой, аудиозапи-

ГЛАВА 61

сами и средствами для облегчения страданий гонимых братьев и сестёр. Слыша свидетельство Вурмбрандов и получая вдохновение, к служению миссии присоединялись всё новые люди. Сабина принимала гостей, которые посещали их по делам служения, словно как они были Самим Христом.

Ричарду, привыкшему в тюрьмах к пренебрежению, унижению и издевательствам, теперь приходилось выслушивать немало лести, которая могла бы вскружить голову любого другого человека. Но в сердце мужа Сабина никогда не обнаруживала и следа гордости. Чтобы быть со Христом, Ричард прошёл через раскалённую печь, как когда-то это произошло с тремя другими людьми, о которых написано в Книге пророка Даниила, в третьей главе. В теле, истощённом и израненном за Христа, не было места для высокомерия. Ричард принимал славу так же, как он принимал и унижения — со смирением. Он знал, что аплодисменты принадлежат не ему и что слава — удел исключительно Бога. Известность, так же, как и стыд, необходимо нести со смирением.

В Румынии Вурмбранды жили в крайней нищете, однако теперь перед супругами возникла новая угроза. Живя в Соединённых Штатах, Сабина остерегалась накопительства. Она знала, что имущество обладает способностью владеть своим хозяином. Поэтому Ричард и Сабина никогда не владели ни домом, ни машиной, ни даже велосипедом.

Когда Сабина вышла замуж за Ричарда, она хотела стать богатой. Когда-то она желала комфортной жизни, но теперь знала, что роскошь может повредить и отвлечь их от свидетельства о Христе. Каждый кусочек вкусной еды напоминал им тех, кто голодал в тюрьмах. До конца жизни Ричард не забыл вкус гнилой морковной похлёбки и каждый раз, открывая холодильник, вспоминал, как в тюрьме его запирали в морозильную камеру.

Ричард и Сабина испытали много радостей и беспокойств. Но даже в США угроза заключения не исчезала. Сабина по-

ВУРМБРАНДЫ

стоянно напоминала себе, что работа для Бога опасна, но ещё опаснее оставлять её невыполненной.

Она часто говорила детям, что не обязательно быть взрослым, чтобы изменить мир для Христа, и рассказывала о мальчике, который стоял на берегу и махал огромному кораблю, плывущему в открытом море. Человек, стоящий рядом с ним, сказал, смеясь:

— Не будь глупцом. Корабль не изменит свой курс только потому, что ты ему машешь!

Но корабль развернулся и направился к берегу. Мальчик поднялся на борт и крикнул:

— Нет, я не глупец. Просто капитан — мой отец!

ЭПИЛОГ

У евреев существует легенда, гласящая, что, когда их протцы вышли из египетского плена, а египтяне утонули в Черном море, к радостному пению израильтян присоединились ангелы. Но Бог сказал ангелам: «Израильтяне — люди, они могут радоваться своему освобождению. От вас же я ожидал большего. Неужели египтяне — не Мои создания? Разве Я не люблю их?»¹

Темнота, в которой Ричард провёл в заключении четырнадцать лет, принесла ему прозрение: Бог любил коммунистов так же сильно, как любил и христиан, которых они пытали. Божье искупление доступно для всех. Бог — специалист в деле превращения мятежников в завоевателей душ, неудачников — в миссионеров, и преступников — в лучших христиан в истории человечества.

Однажды во время интервью Ричарда спросили, что он может сказать коммунистам. Он посмотрел прямо в камеру и произнёс: «Я люблю вас всем сердцем, и все христиане также любят вас. Иисус желает, чтобы вы были на небесах, больше, чем вы сами себе этого желаете. Он хочет простить вас больше, чем вы сами желаете быть прощёнными. Он хочет спасти вас больше, чем вы желаете быть спасёнными». Подобно Иосифу, который сказал своим братьям, продавшим его в рабство: «Вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы... сохранить жизнь великому числу людей» (Книга Бытие

¹ «Сангедрин 39», Вавилонский Талмуд: трактат Сангедрин.

50:20), Ричард также видел, как незримо действовала рука Бога, чтобы освободить Свой народ.

История Ричарда и Сабины — это напоминание о том, что Бог может использовать любого из нас, чтобы принести людям надежду и исцеление. Ричард, некогда убеждённый атеист, стал громогласным проповедником, осуждающим коммунизм — общественный строй, в рамках которого члены Тела Христова подвергаются жестоким преследованиям. Когда Ричарда спросили, как он научился прощать своих врагов, он ответил: «Мы не всегда можем испытывать сострадание к тем, кто гонит нас и причиняет нам боль, но мы обязаны проявлять сострадание до тех пор, пока не ощутим его». Потом Ричард добавил, что у каждого из нас есть выбор — прощать и любить или ненавидеть.

Ричард понимал главную причину, по которой Бог допустил ему подвергаться пыткам в течение четырнадцати лет: *эти пытки спасли от вечных мук его мучителей*. Именно в тюрьме он обрёл надежду на спасение коммунистов. Именно там появилось чувство ответственности за них. Подвергаясь пыткам с их стороны, он научился любить их.

Многие из следователей и надзирателей Ричарда стали учениками Иисуса Христа. Некоторые из них стали пасторами. Как ни удивительно, Бог использовал допросы Ричарда, чтобы получить признание из уст его следователей. Даже стальные сердца коммунистов распускались как цветы, когда их касались святые руки, пронзённые гвоздями на кресте.

В то время как в своих проповедях Ричард подчёркивал прощение и любовь к врагам, Сабина призывала верующих к общению, особенно с преследуемыми братьями и сёстрами во Христе. У неё была своя точка зрения относительно страданий: «Страдания, причинённые нам по воле Божьей, не противоречат любви. Это один из её методов».

ЭПИЛОГ

Преследования будут продолжаться до возвращения Иисуса. Каждое поколение наших братьев и сестёр во Христе переживает свои преследования. Христиане продолжают страдать от рук коммунистов и других диктаторов, а также исламских и индуистских экстремистов по всему миру. И в наше время христиане отбывают тюремное заключение за веру, одинокие, голодные и страждущие. Они готовы терпеть пытки, избиения и унижения, потому что любят Бога больше, чем боятся смерти.

Ричард как-то сказал: «Прослужив более двадцати лет в подпольной церкви — сначала при нацистах, а затем при коммунистах, — я научился не бояться людей. Я не боюсь, что кто-нибудь убьёт моё тело».

В мусульманских странах новообращённым верующим приходится скрываться от своих семей, которые отреклись от них и преследуют за то, что они оставили ислам. В Северной Корее христиане, обвиняемые в поклонении Богу, умирают в трудовых лагерях. О большинстве из них никогда не напишут в книгах. Им так и суждено остаться безымянными и безликими. Но их знает Бог, Который помогает им прощать своих гонителей.

Да, они нуждаются в нашей помощи, любви, ободрении и молитвах, однако и нам не меньше нужны их свидетельства о мужестве, любви и надежде перед лицом страданий, тюремного заключения и смерти (Послание к евреям 12:1–2). Нам необходимо, чтобы они вдохновили нас быть более преданными Христу и Его великому поручению, которое Он призвал нас выполнять, чего бы это ни стоило (Евангелие от Матфея 28:18–20).

Ричард Вурмбранд писал: «Иисус сказал: «Идите и научите все народы!» Он не говорил: «Идите и научите все народы, когда упадёт железный или бамбуковый занавес!» Первые христиане рисковали жизнями, проповедуя Евангелие там, где делать это было запрещено. И мы также должны последовать их примеру».

ВУРМБРАНДЫ

Благовестие наших преследуемых братьев и сестёр вдохновляет нас поступать так же. Их вера во Христа и послушание Его великому поручению стоили им всего. А сколько готовы заплатить за свою веру мы?

О «ГОЛОСЕ МУЧЕНИКОВ»

«Голос мучеников» — некоммерческая христианская организация, которая несёт служение христианам, преследуемым за веру, посредством предоставления практической и духовной помощи. «Голос мучеников» помогает детям Божиим, которые живут в странах, враждебно относящихся к Евангелию, таких как исламские, индуистские и коммунистические. Организация была основана в 1967 году пастором Ричардом Вурмбрандом, отбывшим четырнадцать лет тюремного заключения за веру в коммунистической Румынии, и его женой Сабиной, отбывшей в заключении три года. В 1965 году Ричард и Сабина были выкуплены западными христианами и создали международную сеть миссий, призванных помогать преследуемым братьям и сёстрам. Организация имеет сеть офисов по всему миру и воплощает видение Вурмбрандов по осведомлению христианской общественности в свободных странах о бедственном положении гонимой церкви, а также помогает преследуемым братьям и сёстрам.

Просим вас присылать нам свои комментарии, материалы и фотографии о том, как эта книга повлияла на вас лично, на ваших друзей, вашу молитвенную группу, а также о том, как вы её использовали. Без обратной связи с вами — теми, кто читает наши молитвенные бюллетени, книги и другие материалы, — мы не знаем, как Господь использует их. Мы очень ценим ваши отзывы. Они чрезвычайно важны для нашего служения. Пишите нам!

РЕСУРСЫ О СЕМЬЕ САБИНЫ И РИЧАРДА ВУРМБРАНДОВ И КНИГИ, НАПИСАННЫЕ ИМИ

Книга «Пытаемы за Христа»

Написана Ричардом Вурмбрандом, чья жизнь является отражением святости и мученичества, сразу же после освобождения из румынской тюрьмы, где он провёл четырнадцать лет. Она не только рассказывает об обстоятельствах жизни пастора, который страдал от рук жестокого коммунистического режима, но и описывает веру и стойкость человека, который полностью посвятил себя Христу и стремился рассказать истину окружающим. Книга изменяет мышление христиан в разных странах мира, напоминая им, что до сих пор братья и сёстры терпят невыносимые страдания и умирают за свидетельство о жизненной силе Иисуса Христа.

Книга «Жена пастора»

В 1948 году, когда советская пропаганда утверждала, что за железным занавесом свободно проводятся христианские богослужения, в Румынии коммунисты арестовали пастора Ричарда Вурмбранда за несение им подпольного христианского служения. «Жена пастора» — это подлинная история жизни Сабины Вурмбранд, повествующая о её труде по поддержке подпольной христианской церкви в разных странах мира. Правда состоит в том, что и в наше время коммунисты не могут смириться с существованием истинного христианства, поэтому до сих пор преследуют и убивают верующих во Христа.

Книга «Пламенные сердца»

Реальные истории о восьми бесстрашных женщинах, героинях веры, так похожих на женщин во всём мире, которые сталкиваются с тяжёлыми ситуациями и мужественно преодолевают их. Их примеры веры и духовной силы вдохновят вас следовать за Христом с сердцем, пылающим огнём любви и верности Господу, чего бы это ни стоило. «Пламенные сердца» описывают труд восьми женщин, чья миссия и до сих пор состоит в том, чтобы рассказывать миру о воскресении Христа, и о том, что в результате этого величайшего события в мир пришла любовь, благодать и прощение. Не отвергните эту любовь!

Книга «Необычайное посвящение»

Страдание за веру и мученичество ассоциируются с христианами прошлых веков. Но мы вновь убеждаемся в том, что страдать за Христа приходится и в современном мире. Тех, кто

подвергается гонениям, кто живёт в разных государствах, кто принадлежит к разным культурам и конфессиям, объединяет необычайное посвящение Христу. Верные Богу люди, о которых вы узнаете из книги «Необычайное посвящение», — победители. Одни из них — ученики Иисуса, другие — мученики современности. Их гонители — римляне и румыны, коммунисты и мусульмане. Все они — пример необычайного посвящения Христу.

Книга «Торжествующая Церковь»

Это произведение практически не редактировалось, и стиль его характерен для человека, который думает как иудей, читает как лингвист, молится как апостол и пишет как пророк. Рано или поздно Церковь столкнётся с выбором: пойти на компромисс с антихристианскими силами либо испытать гнев контролируемой политиками религиозной иерархии. В некоторых частях мира этот выбор уже пришлось сделать, и нет оснований рассчитывать, что его не придётся делать и нам. Давайте же подготовимся сами и сделаем всё, чтобы, если понадобится, к стойкости в испытаниях были готовы и наши дети.

Книга для детей

«Божий заключённый.

История Ричарда Вурмбранда»

Бог не раз являл Ричарду Свою любовь во время отбывания им тюремного заключения. Он простил людей, причинивших ему столько страданий, а его семья твёрдо пребывала в вере, отказываясь подчиниться коммунистам и отречься от Бога, Который хранил их на протяжении всех тяжёлых испытаний.

Документальная история о Ричарде Вурмбранде поможет вашим детям смелее отстаивать свою веру в Иисуса Христа в мире, который становится всё более и более враждебным по отношению к Нему и Его последователям.

Фильм «Пытаемы за Христа»

Вдохновляющий фильм «Пытаемы за Христа» — это кинематографический пересказ свидетельства основателя «Голоса мучеников» пастора Ричарда Вурмбранда, созданный по одноимённой книге. Этот фильм был выпущен в честь 50-летия со дня издания книги. Фильм полностью снят в Румынии, в том числе в тюрьме Джилава, где пастор Вурмбранд подвергался пыткам и одиночному заключению длиной в несколько лет; в заброшенной психиатрической тюрьме, где умирало множество христиан; в предместьях Бухареста, где жили и несли служение Вурмбранды.

Фильм «Подпольный пастор и его жена»

Проведя годы в коммунистических тюрьмах, Ричард и Сабина Вурмбранд создали невероятную историю веры и бессмертной любви в разгар страданий. Вы можете узнать о невероятном путешествии Вурмбрандов и Божьем действии в их жизни из их собственных слов. В фильме представлены архивные кадры, которые помогут понять, как преследования совершенствуют веру христианина. История Ричарда и Сабины — классический пример мужества, безграничной веры и невероятной выносливости. Это история подпольной церкви Румынии прошлого века, отражающая и ту борьбу, которая сейчас продолжается во многих странах мира.

Мультипликационный фильм «История Ричарда Вурмбранда»

Фильм о жизни Ричарда Вурмбранда, основателя организации «Голос мучеников». Месяцы в одиночной камере, годы регулярных физических пыток, постоянное страдание от голода и холода, промывания мозгов и моральной жестокости — всё это пришлось пережить Ричарду Вурмбранду за 14 лет, проведённых в коммунистических тюрьмах.

ПАСТОР И ЕГО ЖЕНА, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ МИР

29 февраля 1948 года Ричард Вурмбранд был арестован сотрудниками службы безопасности Румынии. Его преступление? Проведение христианских богослужений и свидетельство о Христе — оба эти деяния являлись противозаконными во времена правления атеистического коммунистического режима в Румынии.

Ричард провёл в тюрьме четырнадцать лет. Его пытали, избивали и заключали в одиночную камеру. Сабина Вурмбранд провела три года в трудовом лагере, где почти замёрзла, работая вместе с другими заключёнными на строительстве Дунайского канала. Её неоднократно пытались убедить в том, что её муж умер за решёткой.

Однако Ричард и Сабина Вурмбранды имели непоколебимую веру во Христа, и ни один из них не потерял надежду и не перестал свидетельствовать об Иисусе.

В этой книге впервые обе стороны удивительных историй их жизни сплетены воедино. Книга «Вурмбранды» повествует о Ричарде и Сабине Вурмбранд, сочетая их автобиографии, изложенные в написанных ими книгах «Жена пастора», «В подполье с Богом» и «Пытаемы за Христа», а также документальные исследования. Мы надеемся, что вы укрепитесь в вере, вместе с автором посетив самые тёмные тюремные камеры, чтобы увидеть, как свет Христа продолжает лучиться из сердец тех, кто всецело посвятил себя Ему.

«Голос мучеников» — это некоммерческая межконфессиональная миссионерская организация, которая обеспечивает гонимых христиан по всему миру практической и духовной помощью. Основанная в 1967 году, организация считает своей целью также вдохновлять верующих на более глубокую приверженность Христу и выполнение Его Великого Поручения любой ценой.

RU

**Голос
мучеников**

ISBN: 978-617-503-216-9

9 786175 032169